

НУРИЕВА Ф.Ш.

АТТРИБУЦИЯ ЯЗЫКА ПИСЬМЕННЫХ
ПАМЯТНИКОВ
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

СОВРЕМЕННАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ТЮРКСКАЯ АКАДЕМИЯ

Нуриева Ф.Ш.

АТТРИБУЦИЯ ЯЗЫКА ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

Астана
2011

УДК 81-26

ББК 81.2

Н 83

Рекомендовано Научно-координационным советом Тюркской академии
Министерства образования и науки Республики Казахстан

Нуриева Ф.Ш.

Н 83 **Атрибуция языка письменных памятников золотоордынского периода.** – Астана: Издательство «Сарыарка», 2011. – 208 стр.

ISBN 978-601-7340-12-4

В работе представлены результаты исследования по изучению начального этапа становления татарского литературного языка, являющегося изводом поволжско-тюркского литературного языка. На основе обследования большого круга памятников разного содержания показано, что литературный язык в Золотой Орде складывался на основе кыпчакского койне, которое в трудах писателей и поэтов, опиравшихся на многовековую общетюркскую литературную традицию, впитало региональные языковые черты. В книге использована методика сплошного фонетического анализа всех привлеченных памятников и статистическая обработка материала. Полученные результаты интерпретируются через призму членения фактов на «базисные» и «периферийные» компоненты языковой системы.

Книга рассчитана на специалистов-тюркологов и всех интересующихся историей тюркского литературного языка.

УДК 81-26

ББК 81.2

ISBN 978-601-7340-12-4

ISBN 978-601-7340-12-4

© Тюркская академия, 2011

*Т*юркский мир – это золотой мост, соединяющий тюркскую культуру от древности до современности. Тюркские народы Евразийского пространства внесли огромный вклад в развитие мировой цивилизации. Следует всесторонне изучить роль тюрков, которые подарили миру выдающихся деятелей: Махмуда Кашгари, Жусуна Баласагуни, аль-Фараби, Ибн Сина, аль-Хорезми, Хожа Ахмета Яссауи, Улугбека, Алишера Навои и многих других. У нас общие корни, общий язык, и необходимо направить это на улучшение взаимоотношения между нашими странами. Мы должны использовать это достояние в созидательных целях. Тем самым мы можем побудить все человечество следовать путем мира, согласия и уважения друг к другу.

Н.А. Назарбаев

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«СОВРЕМЕННАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»**

Жумагулов Б.Т. (*председатель редакционной коллегии*),
Ибраев Ш. (*главный редактор*), Ахматалиев А. (Бишкек),
Ахметов А. (Астана), Бахадырова С. (Нукус), Бутанаев В. (Абакан),
Васильев Д. (Москва), Егоров Н. (Чебоксары), Есим Г. (Астана),
Закиев М. (Казань), Джусупов М. (Ташкент), Дыбо А. (Москва),
Иванич М. (Сегед), Илларионов В. (Якутск), Исен М. (Анкара),
Каипов С. (Бишкек), Кызласов И. (Москва), Кайдар А. (Алматы),
Набиев Б. (Баку), Насилов Д. (Москва), Пенжиев М. (Ашхабад),
Райхл К. (Бонн), Рахмонов Н. (Ташкент), Сарыбаев Ш. (Алматы),
Туймебаев Ж. (Астана), Чеченов А. (Москва), Шайхулов А. (Уфа),
Хората О. (Анкара), Цэвээндорж Д. (Улан-Батор),
Ювалы А. (Кайсери), Янковский Х. (Познань),
Аманжолова Д. (*ответственный секретарь*).

АЛҒЫСӨЗ

Ел тәуелсіздігі – халқымыздың сан ғасырлық асыл арманы, қасиетті құндылығы, баға жетпес байлығы. Тәуелсіздіктің ақ таңы атқаннан бері жас мемлекетіміз құрылған ұлы далада қазақ рухы асқақтай түсті, онымен бірге берекелі тірлік кешіп отырған ұлттар мен ұлыстар жаңа қоғамды, жаңғырған достық қарым-қатынасты әлемге көрсете алды. Әрбір жылы ғасырға бергісіз тәуелсіздіктің жиырма жылдық мерейтойы қарсаңында Қазақстан Республикасы әлемдік кеңістікте жас мемлекет ретінде өзіне лайықты орын алып, маңызды стратегиялық міндеттерді алдына қоя білді және оларды оңтайлы шеше алды.

Қазақстан Республикасының тұңғыш Президенті Н.Ә. Назарбаев еліміздің ілгеріге қадам басуы жолында ұлы тарихи тұлғаға лайық еңбек атқарып келе жатқаны әмбеге аян. Елбасының осы жолда жүргізген көреген саясатының бір бағыты – тегіміз бір, тарихымыз ортақ түркі тілдес бауырларымызбен іргемізді берік ұстап, олармен қарым-қатынасымызды үздіксіз дамыта беру. Елбасшысы түркі мәдениеті халқымыздың тарихында елеулі орынға ие екендігіне қашанда көңіл бөліп, тәуелсіз мемлекеттің дамуында түркі әлемімен бірлесу мәселесіне үлкен мән береді. Өйткені, ортақ бабадан қалған мұра – бай рухани құндылықтар жиналған терең мұхит. Сол асыл қазынаны ұлы халықтың мұрагері –

біздер бүгінгінің мүддесі үшін оңтайлы пайдаланғанымыз тарихи тұрғыдан әділ болмақ.

Қазақ елі Президентінің бастамасымен Астана қаласында ашылған Түркі академиясы – теңдесі жоқ халықаралық түркология орталығы. Ол телегей теңіз тарихтың қойнауынан түркілердің адамзаттың дамуына қосқан үлес салмағын ғылыми дәйек арқылы көрсетуді мақсат етеді. Академия – түркілердің әлемдік ғылыми бірлестікке шығуына жағдай туғызатын, жаһандану үдерісінде олардың рухани және материалдық мәдениеттерінің дамуына мүмкіндік жасайтын, сондай-ақ түркология бағытында жан-жақты бірлесу үдерістерін тереңдететін ғылыми мекеме.

Қазақстан Республикасы тәуелсіздігінің 20 жылдық мерекесіне Түркі академиясы «Қазіргі түркология» сериясымен іргелі еңбектер дайындады. Бұл ғылыми зерттеулерде түркі халықтардың ортақ құндылықтары көрсетіледі, түркі мәдениетінің әлемдік кеңістіктегі мәні мен рөлі айтылады, әлемдік өркениетте түркі халықтарының мәдени және рухани мұралары қазіргі түркологиялық ғылымның объективті бағасына ие болады.

Ғылыми еңбектерді жазған авторлар – бүгінгі әлемдік түркологиялық ғылымның дамуына үлес қосып жүрген көрнекті отандық және шетелдік түркологтар. Олардың зерттеулерінде тіл білімі, әдебиеттану, мәдениеттану, тарих, этнография мәселелері қарастырылады. Жасалған қорытындылар мен нәтижелер түркология ғылымының дамуына септігін тигізеді және сала мамандары тарапынан түркі дүниесін зерттей түсуге қызығушылық оятады.

Редакция ұжымы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Независимость страны – это главное достояние, бесценное завоевание народа. Именно с обретением Независимости берет начало совершенно новая эпоха в истории такого государства, как Казахстан. В течение двадцатилетнего пути независимая Республика ставила и решала важные стратегические задачи, которые позволяют молодой стране занять достойное место в международном сообществе.

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев на протяжении всего суверенного развития государства придает особое значение проблеме интеграции тюркского мира, подчеркивая тот факт, что тюркская культура занимает значительное место в истории культуры народов, а наследие, которое осталось нам от наших предков, – это бескрайний океан богатейших духовных ценностей.

В этой связи, создание по инициативе Главы государства тюркологического международного центра, которым является Тюркская академия, имеет важное историческое значение, поскольку способствует мировому научному сотрудничеству, всестороннему углублению интеграционных процессов, развитию материальной и духовной культуры в процессе глобализации.

По случаю празднования 20-летия независимости Республики Казахстан коллективом ученых Тюркской академии были подготовлены фундаментальные труды,

вошедшие в серию «Современная тюркология». Это бесценные научные исследования, посвященные таким важным проблемам современной тюркологической науки, как выявление общих ценностей родственных тюркских народов, установление роли и значения тюркской культуры в мировом пространстве, культурного и духовного наследия тюркских народов в истории мировой цивилизации.

Авторами являются крупнейшие отечественные и зарубежные тюркологи, внесшие значительный вклад в развитие мировой тюркологической науки. В своих работах ученые с различных позиций пытаются подойти к решению проблем языкознания, литературоведения, культурологии, истории, этнологии и этнографии; выводы и результаты представляют большой интерес для всей тюркологии.

Редакционная коллегия

PREFACE

The independence of the country is the main heritage, the invaluable achievement of the nation. With the gaining of independence an absolutely new epoch in the history of such State as Kazakhstan has begun. Over the past 20 years, the independent Republic has put and solved important strategic tasks which permit the young country to position with dignity in the global context.

The President of the Republic of Kazakhstan, N.A.Nazarbayev, over a period of sovereign development of the state, attaches a great importance to the integration problem of the Turkic world, emphasizing the fact that the Turkic culture takes a significant place in the history of culture of people. The heritage left by our ancestors is a bottomless ocean of rich spiritual values.

In this regard, the action of founding by the initiative of the Head of the State an international center on Turkic studies as the Turkic Academy, has an important historical significance as it promotes a global scientific collaboration, an all-round profound of integration processes, the development of material and spiritual culture in the process of globalization.

On the occasion of celebrating the 20th anniversary of the Independence of Kazakhstan, fundamental works were prepared by the team of scientists of the Turkic Academy. These books form the set of books on "Modern Turkic studies". They are invaluable scientific research works devoted to such

important problems of modern Turkological science as revealing common values of related Turkic peoples, establishing the role and importance of Turkic culture in the world context.

The authors of these books are outstanding domestic and foreign scientists of Turkic studies who made a great contribution to the development of global Turkic studies. In the works the scientists from different positions try to solve the problems of Linguistics, Philology, Culturology, History, Ethnology, and Ethnography. The conclusions and results present a great interest for different branches of Turkic studies.

Editorial board

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТЮРКО-ТАТАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА**

Современное представление о раннем периоде формирования тюркских языков в рамках мусульманской культуры наиболее четко сформулировано в трудах Э.Р.Тенишева. Ссылаясь на научно-теоретические работы о развитии литературных языков, рассмотрев широкий круг письменных памятников, ученый сформулировал важнейшие положения, которые должны лечь в основу изучения любого литературного языка тюркского народа. Теоретические положения Э.Р.Тенишева основаны не только на чисто лингвистических фактах, но и на современных теориях развития литературного языка, их типологии, существенным компонентом которых является социолингвистический и комплексный подход к изучаемому вопросу. В отечественном языкознании в развитие такого социолингвистического подхода к изучению истории литературных языков внесли свою лепту ученые лингвистической школы М.М.Гухман.

Изучение истории литературного языка неразрывно связано с историей культуры каждого народа, в сферу которой входят непосредственно связанные с литературным языком письменность, литература, наука (Волкова, 1988, 101), ибо, как справедливо отмечают исследователи, проблема возникновения и развития всякого литературного языка, древнего и нового, есть проблема не только и даже не столько лингвистическая, сколько историко-культурная (Толстой, 1988, 3).

§1. Историческая ситуация

Период X III-XIV вв. был периодом, который изменил лик Евразии. Завоевания монгольского хана Бату в ходе семилетнего похода 1236-1242 гг. дали возможность установить единую власть династии Джучидов на огромном пространстве Великой Степи от Иртыша на Востоке и до Дуная на западе: северными рубежами владений Джучидов теперь являлись г. Булгар и область Башгырд; южный рубеж на Кавказе составляли Железные Ворота (г. Дербент в Дагестане); юго-восточная территория Улуса Джучи

включала всю территорию от верхнего Иртыша к оз. Ала-Куль и дальше к югу оз. Балхаш (Кокче-Тенгиз) к Сырдарье. Оттуда граница тянулась через район среднего течения Сырдарьи южнее Аральского моря, захватывая Северный Хорезм с Ургенчем, плато Устюрт и Мангышлак (Бартольд, т.2, 1965, 133-135; Греков, Якубовский, 1950, 61; Егоров, 195, 28).

Улус Джучи составлял лишь одну из частей обширной Монгольской империи с центральным правительством в Каракоруме. Политическую самостоятельность Джучиды обрели только в годы правления внука Бату Мен-гу-Тимура (1267-1280). Придя к власти, подавив сопротивление промонгольской знати, он повел политику полного отделения от власти великого кагана, первым начав чеканить монеты со своим именем, что служило доказательством его независимости (Федоров-Давыдов, 1994, 9; Мухамадиев, 1995, 146; Фахрутдинов, 1995, 107). Итак, в конце 60-х годов XIII в. Улус Джучи отделяется от общеимперского центра и становится самостоятельным государством. Весьма показательно, что появляются первые признаки осознания населением Золотой Орды в целом своей этнической и географической общности и своего единства на фоне феодальной раздробленности. Об этом свидетельствует, то, как современники называли государство: арабы – «царством северных татар», «государством Дашт-и Кыпчак» или Улусом Джучи (или его потомков), европейцы «Татарией» или «страной Команов» (т.е. кыпчаков), русские – «Ордой» или «царством татар», а сами татары – «Улуг Улус» («Великое государство»). Последнее название страны явно осмысливалось самими ее жителями как «золотая» (учитывая синонимичность средневековых понятий «золотое» / «царственное» / «великое»), о чем свидетельствует и эпос «Идегей», где страна именовалась как «Золотая Орда» («Алтын Урда»). Позднее, в XVI в., это название было перенято русскими историками («Казанская история» и т.д.) и стало общепризнанным наименованием государства татар X III–XV вв. в отечественной традиции. Одновременно, подчеркивая истоки и

верховенство династии Чингизидов, употребляется и термин «Улус Джучи» (Тизенгаузен, 1884, V; Федоров-Давыдов, 1973, 118-122; Усманов, 1979, 9-12; Егоров, 1985, 151-155; Измайлов, 1993, 39; Кляшторный, Султанов, 2000, 193).

Первый правитель Улуса Джучи Бату (правил в 1227-1255 гг.) явился и первым его строителем; при нем и при его брате Берке (правил в 1257-1266 гг.) были заложены основные общегосударственные устои, сохранившиеся и при последующих правителях. В состав владений потомков Джучи входили и кочевые и оседлые народы, к тому же говорившие на разных языках, находившиеся на разных ступенях культуры и исповедовавшие разные религии. Сближение с народами с более развитой культурой и постепенное приобщение военно-кочевой знати во главе с Чингизидами к мусульманским традициям не изменили основ государственного строя Улуса Джучи. Государство потомков Джучи, несмотря на значительную пестроту экономических условий, по политическому устройству представляло собой типичное кочевое государство, разделенное на улусы, дробившиеся, в свою очередь, на более мелкие удельно-владения (Кляшторный, Султанов, 2000, 195). К 70-м годам XIII века становление империи Джучидов завершается и начинается период стабилизации и расцвета Золотой Орды.

Период наибольшего политического и экономического могущества империи Джучидов приходится на время правления ханов Узбека (1312-1342 гг.) и Джанибека (1342-1357 гг.), когда на гребне подъема хозяйства и торговли произошло резкое усиление центральной власти, сложилась единая система управления империей, стабилизировались границы, существовала огромная армия, состоящая в основном из мелких держателей условных владений (икта), наметились военные успехи в войнах с соседями в Азербайджане и Восточной Европе. При поддержке ханской администрации интенсивно развивались десятки крупных городов, в которых был выработан свой пышный, во многом эклектичный, выразительный стиль, отражающий сущность

своеобразной имперской культуры Улуса Джучи. В начале XIV века было также завершено принятие ислама в качестве государственной религии, что способствовало дальнейшей интеграции народов, формированию единого этноса и наложило глубокий отпечаток на все тюркские народы Евразии (Исхаков, Измайлов, 2000, 61-62; Фахрутдинов, 1995, 108-110). Принятие ислама династией Джучидов, как уже отмечалось, не создало общегосударственной идеологии, однако культура Золотоордынского государства, особенно при правлении хана Узбека (1313-1342) приняла мусульманский оттенок. Характерной чертой исторического развития Улуса Джучи является, несомненно, оживление старых и возникновение и интенсивное развитие новых городов. Согласно исследованиям В.Л. Егорова (Егоров, 1985, 75-141), общее число городов и населенных пунктов Золотой Орды, основанных самими монголами и существовавших до их прихода (наиболее ярким примером служит Великий Булгар, бывшая столица Волжской Булгарии (остатки находятся в Татарстане), где была начата чеканка первых монет), составляет 110 объектов. При этом нужно учесть, что в это число вошли лишь города, остатки которых зафиксированы археологически. Судя по владению правом чеканки монет, крупнейшими золотоордынскими городами были: Сарай, Сарай ал-Джедид, Хорезм (Ургенч), Гюлистан, Булгар, Биляр, Азак, Крым, Кафа, Хаджитархан, Орда-Базар, Бек-Базар, Укек, Сарайчик, Мохши, Шехр ал- Джедид, Маджар и др. Все они являлись не только средоточием ремесла и торговли, но и важными административными и культурными центрами. Известные к настоящему времени материалы позволяют характеризовать Золотую Орду как государство, в котором преобладал оседлый образ жизни и градостроительная культура была на высоком уровне. Таким образом, данные о развитии городов в Улусе Джучи могут быть весьма показательны для характеристики культурно-исторического фона в рассматриваемый период. Путешественники отмечают особенно интенсивный рост

городского населения в годы правления ханов Узбека и Джанибека. Плано Карпини, проехавший в 1246-1247 гг. всю Золотую Орду с запада на восток и обратно, не встретил на своем пути в степях ни одного города или поселка. Через шесть лет после него здесь же побывал Рубрук, в путевых записках которого отмечаются активная градостроительная деятельность. Первые сообщения о столице Золотой Орды – г. Сарае, – которую посетил Рубрук в 1254 году, являются наиболее ранним свидетельством существования этого города.

В различных частях государства появляются районы оседлости с городским и сельским населением. К их числу можно отнести территорию бывшей Волжской Булгарии, все побережье Волги, и особенно ее нижнее течение, Хорезм с его древней земледельческой культурой, верхнее и среднее течение Терека на Северном Кавказе, южное побережье Крыма, Пруто-Днестровское междуречье.

Довольно точно на основании рассказов побывавших там купцов и дипломатов, территорию Золотой Орды первой половины XIV в. описал арабский историк ал-Омари, который среди наиболее известных ее городов и областей отмечает Хорезм, Сыгнак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, Маджар, Акчакерман, Кафу, Судак, Саксин, Укек, Болгар, Дербент, а также земли Сибирь и Ибирь, Башкирд и Чулыман (Тизенгаузен, 1884, 236). Восхищаясь размерами владений «царства Хорезма и Дашт-и Кыпчак» арабский путешественник Ибн-Халдун представлял его своим читателям в середине XIV в. как «обширное царство на севере от Хорезма до Яркенда и Согда и Сарая, до города Маджара и Аррана, и Судака и Болгара, и Башкирда и Чулмана; и в границах этого царства город Баку, из городов Ширвана, и возле него «Железные ворота», а на юге до границ Константинополя» (Тизенгаузен, 1884, 378). По сведениям арабских географов, длина этого государства простирается на восемь, а ширина на шесть месяцев пути и имеет размеры от моря Константинопольского до р.Иртыша, в длину на 800 фарсахов, а в ширину от Баб-ал-Аббаба

(Дербента) до города Болгара, то есть приблизительно на 600 фарсахов (Тизенгаузен, 1884, 175, 206). Исторические и археологические материалы собраны В.А. Егоровым в работе, посвященной городам Золотой Орды и экономической географии государства (Егоров, 1985, 75-110). Наличие столь серьезной и подробной сводки позволяет в данном случае ограничиться перечислением и характеристикой лишь наиболее крупных городов, выступавших в роли политических, экономических, административных и культурных центров.

Западным пределом Орды являлась территория Пруто – Днестровского междуречья. Главным городом этой части Орды был Аккерман, ставший важным ремесленным центром и торговым портом, через который вывозились в Западную Европу и на Ближний Восток хлеб, шерсть, мясо и другие продукты. Существование хорошо налаженных связей Аккермана с центральными районами государства подтверждают находки каминной поливной керамики с различными типами росписей, селадокс. Эти находки подтверждают сообщение о существовании в золотоордынское время караванного торгового пути из западных улусов в Поволжье. Память о нем сохранилась еще в XV в., когда его называли «дорогою татарскою, еже зовется: на Великий Дон» (Егоров, 1985, 80). На этой территории располагались еще такие города, как Килия, Городище Костешты и обширные сельские округа с цветущими садами и огородами.

В Северном Причерноморье находились степи от берегов Черного моря до границ Руси, а также земли Степного Крыма. Южное побережье – Таврика – было занято небольшими генуэзскими портами-колониями. Центром их была Кафа (Феодосия) – небольшая территория, которая была куплена Генуей в 1266 г., а к концу XIV в. ставшая подлинной «Меккой» всего Причерноморья: «известный и населенный город, – по словам архиепископа Ионна де Галонифонтибуса, – место сбора купцов со всех концов мира», где постоянно торговали купцы, говорящие на 35 языках (Егоров, 1985, 81). Главным городом

Крымских степей был город Крым (европейцы называли его Солхат). Появился он уже в 60-х годах XIII в. и благодаря расцвету черноморской торговли стал важнейшим экономическим и административным центром всего полуострова. Ибн-Баттута называет его «большим и красивым городом» (Тизенгаузен, 1884, 280).

На севере граница между вассальными русскими княжествами и остальной частью Орды, как и сотни лет до этого, проходила по водоразделам притоков Днепра: в правобережье где-то в районе Роси, а в левобережье по рекам Псел и Ворскла, т.е. по естественной границе леса и степи. Северовосточные, северо-западные и южные русские княжества, входили в состав Золотой Орды на правах зависимых владений, сохраняя свою администрацию и династии, но выплачивая регулярные налоги («ордынский выход»). Территория включала в себя владения Волынских, Киевских, Новгород-Северских, Черниговских, Владимиро-Суздальских и Рязанских князей, а также земли Новгорода и Пскова.

На Средней Волге и Нижней Каме находились земли бывшей Волжской Булгарии, которая в XIII-XV веках распалась на ряд зависимых от Орды эмиратов (княжеств): Булгарское, Джукетаусское, Керменчукское, Казанское.

Булгары, как ближайшие соседи древней Руси и восточных стран, знакомые с их культурой, способствовали в период Золотой Орды процессу развития городов и ремесел на территории Нижнего Поволжья. Являясь центром караванной торговли, территория Булгарии служила ярмаркой для встречных потоков товаров, идущих из Руси, Восточной Европы, с Кавказа, из Персии, Средней Азии, Монголии и Китая. Булгария этой эпохи была одной из самых развитых областей Орды с несколькими довольно крупными городами (Болгар, Кашан, Керменчук, Джукетау, Биляр, Казань), а также десятками мелких городов и сотнями поселений.

Самым крупным и известным болгарским городом того времени был Болгар. Этот город, возникший еще в начале X в., не отличался в домонгольский период размерами, хотя и был важным экономическим центром. Настоящая его история начинается с 40-х годов XIII в., когда вернувшись из западного похода и подавив восстание болгар, Бату-хан сделал местом своей ставки район Нижнего Прикамья. Этот район имел стратегическое значение, так как позволял в начальный период формирования империи контролировать центр страны – Поволжье. Постепенно, благодаря богатым традициям, высокоразвитому сельскому хозяйству и ремесленничеству, болгарам удалось во многом преодолеть последствия монгольского завоевания и добиться возрождения страны. Город Болгар конца XIII-XIV вв. становится одним из самых крупных и богатых центров Европы. Он бурно застраивается каменными и кирпичными постройками, в том числе общественными зданиями: мечетями и банями. Улицы были покрыты мостовыми. Благоустройству города служили водопроводные и дренажно-ряжевые системы. Продолжая ранние болгарские традиции, ремесленники изготавливали предметы, широко известные во всем цивилизованном мире: кожаные изделия, оружие, украшения. Выгодное географическое положение на пересечении речных и сухопутных путей делали Болгар важным перевалочным пунктом мировой торговли. Кроме того город был крупнейшим центром тюркской городской культуры и центром области, где уже в X веке распространилось мусульманство. Имелись мечети, медресе. Именно благодаря влиянию болгарских миссионеров, ислам сумел завоевать прочные позиции в Золотой Орде. Экономическая и военная сила позволяла болгарам уже в XIV веке активно участвовать во внутренних делах Улуса Джучи (Исхаков, Измайлов, 2000, 65).

На севере и северо-востоке пределы Джучиева Улуса, судя по восточным источникам, включали «земли Чулыман, Башгард, Сибирь и Ибирь». Скорее всего, под Чулыманом следует

понимать область Верхнего Прикамья (от болгарского обозначения верхнего течения р. Кама), «Башкард», определенно, степи Южного Приуралья, а «Сибирь и Ибирь» – обширные степные и таежные земли Западной Сибири вплоть до Приобья и Прииртышья (Исхаков, Измайлов, 2000, 65).

В Средней Азии правителям Золотой Орды принадлежал Хорезм со столицей в городе Ургенч (ныне Куны-Ургенч). Этот город – бывшая столица Хорезмшахов (Гургандж) – был разрушен монголами, но заново отстроен уже в XIII в., а в 30-е годы XIV в. достиг значительного расцвета. Ибн-Баттута писал, что он «один из самых больших, значительных и красивых тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотами» (Тизенгаузен, 1884, 308). Богатая округа и выгодное положение на пересечении торговых путей делало Хорезм одной из важных областей Орды. Вместе с тем, Хорезм, ограниченный с севера и востока владениями родов Шибона и Туна Тимура, был обособлен от Поволжья, что позволяло наместникам этой провинции использовать чрезвычайно громкие титулы, уравнивающие их социальный статус с положением сарайских династий (Якубовский, 1930, 60).

На Северном Кавказе владения Золотой Орды располагались в степной зоне, вплоть до северных предгорий Кавказа. Среди многих других городов Северного Кавказа следует выделить Азак (Азов) и Маджар (близ современного г. Прикумск). В Приморском Дагестане земли Улуса Джучи доходили до важной стратегической крепости Дербент (арабское название – «Баб-ал-Абвоб», тюркское – «Темиркапу» (Железные ворота). Неоднократно ордынцы через этот проход вторгались в Закавказье и периодически завоевывали земли Северного Азербайджана, вплоть до городов Тебриз и Арде-биль, как это было в царствование Узбека и Джанибека, однако долго удерживать эти земли они были не в состоянии.

Однако, основную территорию Улуса Джучи занимали степи. Недаром территория Золотой Орды в восточных источниках продолжала традиционно именоваться «Дашт-и Кыпчак» (Арсланова, 1990, 13-14). Кочевые племена продолжали кочевать в меридиональном направлении с юга (зимой) на север (летом) и обратно. Чрезвычайно важные и уникальные сведения о такой системе жизнедеятельности в эпоху средневековья сохранились у ал-Омари (XIV в.), который, описывая Улус Джучи, указывал: «Ханы кыпчаков проводят зиму в Сараях, летовища же их, как и некогда летовища царей Турана находились в области Уральских гор» (Тизенгаузен, 1884, 243). Изменения же коснулись в первую очередь социальной и племенной структур, которые оказались перемолоты в системе татаро-монгольских кланов, набора бытовых предметов, украшений, оружия и конского снаряжения, их формы и орнаментации. Наглядным свидетельством изменений в духовной культуре стало изменение погребальных обрядов населения евразийских степей (Федоров-Давыдов, 1966, 150-163).

Сердцем этого огромного государства Улуса Джучи было, как подчеркнуто, Нижнее Поволжье. Первой столицей Золотой Орды был город Сарай, основанный ханом Бату в начале 50-х годов XIII века.

Спустя 30 лет город значительно разросся и начал чеканить монеты с указанием места выпуска – «Сарай» или «Сарай ал-Махруса» (Мухамадиев, 1983, 13-14). Некоторое время город, видимо, имел в основном административные функции, но постепенно происходило развитие ремесел, в первую очередь для удовлетворения запросов знати, но в XIV веке в связи со стабилизацией обстановки в Орде, происходит всплеск торговой и производственной активности. Город разрастается и превращается в настоящий гигант с общей площадью с пригородами около 36 кв. км (Федоров-Давыдов, 1994, 24-27).

Только центральные городские кварталы, определенные по данным археологии, раскинулись на площади 20 кв.км (Егоров,

1985, 115; Федоров-Давыдов, 1994, 26). В средневековье плотная городская застройка Сарая, его пригороды, обширные сады, огороды и замки знати, слившиеся в единый массив, производили огромное впечатление на современников своими масштабами и великолепием. Даже такой искушенный и много повидавший путешественник, как Ибн-Баттута, описывая его, с удивлением пишет, что «город Сарай – один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы выехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня. Совершили там молитву полуденную, поехали и добрались до нашего жилища, не раньше как при закате. Однажды мы прошли его в ширину, пошли и вернулись через полдня, и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов» (Тизенгаузен, 1884, 306).

Письменные источники сообщают, что число жителей города достигало 75 тыс. человек (Тизенгаузен, 1884, 550). Недаром Сарай считался крупнейшим городом Европы, а вероятно, даже всего Востока, сравнимым с Багдадом, Каиром, Константинополем и Римом того времени. Будучи важным политическим центром, город отличался высоким уровнем благоустройства, в нем имелись централизованные водопровод и канализация (Федоров-Давыдов, 1994, 60-62).

Внутри города ныне определены целые ремесленные кварталы, жители которых специализировались на своем особом производстве: металлургия и металлообработка, гончарство, стеклоделие, ювелирное и косторезное дело и т.д. Как и во всяком восточном городе, проблема водоснабжения здесь была жизненно важной. Установлено, что большая часть улиц имела арыки, которые сетью каналов соединялись с большими искусственными озерами, сооруженными на северной окраине города, созданными для водоснабжения города и борьбы с талыми водами с сырта,

грозившими городу затоплением (Федоров-Давыдов, 1998, 10-11). Характерно, что до 60-х годов XIV в. город не имел общей крепостной стены, настолько Орда была сильна и только с началом смуты появилась необходимость в укреплении столицы. Вокруг города расположено также несколько крупных мусульманских кладбищ с мавзолеями-дюрбе.

Как и другие города Улуса Джучи, Сарай ал-Джадид был важным торговым пунктом, привлекавшим купцов со всего цивилизованного мира. При раскопках здесь были найдены китайский фарфор и селадон, византийские иконы, итальянская стеклянная посуда, украшенное эмалями сирийско-египетское стекло, индийские золотые монеты и арабские ткани. Практически до конца XIV в. нижеволжские и причерноморские города были главными воротами, через которые шел в Европу поток китайского шелка, восточных пряностей и невольников. Многочисленные караваны, идущие из сердца Азии, не только обогащали Орду, но и включали ее в мировой взаимообмен товарами и идеями, делали ее немаловажной частью цивилизации Востока (Федоров-Давыдов, 1998, 38-59). Золотоордынские города XIII-XIV вв. занимают особое место в истории и культуре. В отличие от городов Средней Азии, Булгара, они строились в короткие сроки и являлись не только средоточием ремесла, торговли, но и важными административными и культурными центрами. С ростом городов появляется новая социальная сила – горожане. Отдельные, весьма существенные замечания о формировании управления и его структуре, о составе администрации, о положении городских ремесленников содержатся в исследованиях Г.А. Федорова-Давыдова (1973). Так, Г.А. Федоровым-Давыдовым отмечено, что при хане Узбеке и Джанибеке государство достигает в своем развитии кульминационной точки. «Процесс возникновения городов и развития оседлости отличен по своему существу от медленного и постоянного оседания беднейшей части кочевников от процесса, который мы наблюдали у половцев в XII – начале XIII

вв., и который мог привести к образованию таких центров ремесла и торговли в степи, какими были джучидские города. Завоевание, создание жесткой военной дисциплины и строгого порядка в распределении кочевых уделов, затем создание административных центров на местах зимних стоянок ханской орды, там, где сосредотачивались захваченные пленники-рабы, быстрое строительство на этих местах городов, массовый, принудительный вероятно, переход к городскому образу жизни вчерашних кочевников, переход вначале принудительный, а позднее добровольный, к городскому быту и городской оседлости части кочевой аристократии, срастание ее с торгово-ремесленной верхушкой городов – таковым, как нам представляется, был ход этого процесса» (Федоров-Давыдов, 1973, 86-87). Изучение исторических трудов в совокупности с другими источниками (ярлыки, различные сообщения) приводит нас к выводу о росте роли городского сословия (торгово-ремесленного, чиновничьего, духовенства), что сыграло важную роль в возникновении потребности в культурных ценностях.

О вопросах религии в Золотой Орде. К времени возникновения Улуса Джучи немало тюркоязычных народов придерживались ислама, значительная часть подверглась монгольским завоеваниям. В 1220-1221 гг. монголы покорили Туркестан и Хорезм, в 1236 г. – Волжскую Булгарию, в 1258 г. пала столица Халифата Багдад. Вхождение в состав Улуса Джучи давно исламированных регионов предопределило значение ислама и мусульман в становлении государства и общественных институтов, развитии городов и ремесел, торговли и культуры. Укрепление золотоордынской государственности было тесно связано с принятием ислама. Несмотря на наличие в составе государства давно исламизированных культурных регионов, действительная исламизация Улуса Джучи шла медленно и с переменным успехом. Останавливаясь на общих проблемах исламизации Дашти Кыпчака, М.Г. Усманов подчеркивает важность вопроса и официальной, и действительной исламизации как верхушки, так

и масс при изучении истории официального литературного языка, при исследовании формы и содержания автономных документальных источников, при выяснении подлинного положения и общественной роли мусульманского духовенства на каждом конкретном этапе исторического развития ханств (Усманов, 1985, 180).

Согласно сведениям письменных источников, ранние Джучиды как внутри своих владений, так и за их пределами пытались добиться определенной поддержки служителей духовенства и через «свободу вероисповедания» удерживать в повиновении покоренные народы. В связи с этим золотоордынская правящая элита после окончания завоевательных походов установила уважительное отношение почти ко всем религиям, освобождая священников покоренных народов от податей и налогов (Ракушин, 1998, 16). Несомненно, религиозный фактор сыграл большую роль в политике, идеологии, управлении общественными институтами, экономике, торговле, духовной культуре и искусстве. В империи чингизидов не было господства собственно монгольской культуры и поэтому монгольской империи «суждено было быть поглощенной высокоразвитыми культурами и мировыми религиями» (Ракушин, 1998, 16). Уже с середины XIII века, многие чингизиды начинают вполне определенно оказывать предпочтение одной из мировых религий – Бату-Тенри, его сын Сартак – христианству, а брат Берке принял ислам. Согласно данным египетского историка ан-Нувайри, «он (Берке) первый из потомков Чингиз-хана принял ислам. Когда он стал мусульманином, то и большая часть его народа приняла ислам» (Фахрутдинов, 1995, 105).

В истории принятия мусульманства Золотой Ордой четко выделяются три этапа: при хане Берке (правил в 1257-1266 гг.), при хане Узбеке (правил в 1313-1341 гг.), при эмире Едиге (умер в 1419 г.), являвшемся в начале XV в. фактически правителем большей части Золотой Орды (Усманов, 1985; Кляшторный, Султанов, 2000, 22).

Воздействие мусульманского мира как изнутри – мусульманское население болгарских городов Поволжья и Прикамья, мусульмане Хорезма, так и извне – из Бухары и Египта (военный союз между ханами Золотой Орды и мамлюкскими правителями Египта против Ильханов, т.е. персидских монголов) привело к принятию династией Джучидов ислама в качестве официальной религии государства Золотой Орды. Возрождение после монгольского нашествия старых караванных путей из Восточной Европы в Среднюю Азию, Приуралье, Закавказье, Иран способствовало развитию международной транзитной торговли в улусе Джучи. Наибольшую выгоду из этого сумели извлечь купцы стран ислама, издавна контролировавшие караванную торговлю с Западом. В результате мусульманское купечество в Золотой Орде стало влиятельной политической силой. Крупные хорезмские и болгарские купцы постепенно слились с феодальной знатью Золотой Орды и уже в роли откупщиков, финансовых советников, дипломатов получили возможность влиять на политический курс страны. Таким образом, идея исламизации Золотой Орды стала гораздо более популярна, поскольку только централизованное государство с сильной ханской властью и исламом в качестве официальной религии могло обеспечить караванам мусульманских торговых компаний полную гарантию безопасности на протяжении тысяч километров кыпчакской степи (Ракушин, 1998, 10).

Принятие ислама в Улусе Джучи в 1312 г. привело к существенным изменениям в государственно-правовой сфере, ислам становится официальной идеологией, ханская власть получает конкретное религиозно-политическое обоснование. В силу вступает характерный для ислама принцип слияния светского и духовного, что означает обязанность верховного правителя следить за правильным ходом всех сторон жизни, за их соответствием божественному закону.

Первая половина XIV в. ознаменовалась строительством монументальных религиозно-культовых сооружений в

крупнейших городах Золотой Орды. Хотя первые мечети и медресе начали строиться в улусе Джучи еще при хане Берке, массовое возведение их относится ко времени хана Узбека, с именем которого связаны принятие ислама как государственной религии и расцвет градостроительства. К наиболее ярким образцам монументального зодчества этого времени следует отнести знаменитый 60 метровый минарет Кутлуг-Тимура и мавзолей Тюрабек-Ханым в Куня-Ургенче, соборные мечети Селитренного и Водянского городищ, хорошо сохранившиеся остатки Большой и Малой пятничных мечетей Верхнего Джулата, Старого Орхя, Кучугурского городища, а также «медресе Узбека» и мечеть Куршун-Джами в Старом Крыму.

«Город Сарай (один) из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами... В нем 13 мечетей для соборной службы, из них одна шафиитская. Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей», – писал о столице Золотой Орды Ибн-Батута (Тизенгаузен, 1884, 305). Повсеместное возведение пятничных мечетей в новых золотоордынских городах свидетельствовало о целенаправленной политике исламизации государства. Построенные по единому малоазийскому образцу, заимствованному из Волжской Булгарии, мечети становились оплотом ислама во всех крупных городах и делали их настоящими центрами мусульманства.

Мусульманскому духовенству принадлежало почетное место в государстве. Жалованные грамоты золотоордынских ханов XIV-XV вв. показывают, что в инскрипции (обозначении адресата) сразу после обозначения представителей ханской власти на местах – дару называют мусульманских духовных лиц – кадий (судья), муфтий (законовед), шейх-мишайит (старейшина духовный), суфий (отшельник, аскет, мистик). Немногие сохранившиеся подлинники ханских ярлыков позволяют утверждать, что принятие ислама в качестве официальной религии позволило возводить всех «людей мусульманской науки» и исламских

религиозных авторитетов в ранг должностных лиц государства. А при хане Узбеке мусульманские духовные лица начинают активно участвовать в политической жизни страны (Бартольд, 1963, 62).

Ханские ярлыки помимо религиозных судей упоминают и религиозных авторитетов-муфтиев, шейхов, суфиев. Лица духовного звания: муфтии, казый (судьи, законоведы), мухтасибы (блюстители шариата), мударрисы и данишменды (учителя богословия), талибы, имамы, муллы, муэдзины, хафизы, шейхи, дервиши, свидетельствуют о самых различных сферах деятельности мусульманского духовенства, к которым можно отнести и вероисповедную и религиозную и просветительно-педагогическую и миссионерскую (Худяков, 1990, 197). Вышеперечисленные мусульманские духовные лица оказывали существенное воздействие на становление в Золотой Орде феодального общественного сознания, письменности, литературы и культуры в исламской религиозной форме (Малов, Малышев, Ракушин, 1998, 110).

В городах, селениях, где жители принимали мусульманство, одновременно с мечетью сооружались и медресе. Принятие ислама сопровождается его атрибутами: религиозной школой и письменностью на основе арабской графики, книжной образованностью, что делало возможным развитие. Медресе давали культурную ориентацию и соответственно ориентацию на язык.

По исследованиям Г.М. Давлетшина (Дәүләтшин, 1999, 220) сведения об учебных заведениях, о системе образования у болгар в домонгольский период довольно туманны, но для периода Джучиева Улуса их вполне достаточно для создания полного представления об этом. Вот, арабский писатель Ибне Халдун так пишет о правителе Джучиева Улуса, хане Берке: «Среди всего своего народа он распространил ислам. На всех подвластных ему территориях он начал строить мечети и школы, призвал к себе ученых, правоведов, подружился с ними» (Тизенгаузен, 1884, 379).

Здесь нетрудно заметить, что мусульманское просвещение приняло форму определенной системы. Сооружение мечетей, открытие школ и медресе считалось богоугодным делом. Медресе обычно работали под покровительством ханов и других высокопоставленных личностей. Например, арабский путешественник ал-Омари упоминает в своих записях о том, что хан Узбек в Сарае построил медресе для ученых (Тизенгаузен, 1884, 229). Здание медресе, построенное ханом Узбеком в одном из самых крупных городов страны Солхатте, отличается особой красотой. Естественно, они были самыми крупными очагами науки и просвещения. Их можно даже назвать университетами или академией наук своего времени (Г.М. Давлетшин, 2000, 220). Как видно из этих сведений, просвещение было тесно связано с религией и наукой. В средние века обычным, рядовым явлением был подвижный образ жизни ученых, их дальние путешествия с целью изучения своей страны, повышения своих знаний в разных зарубежных странах. А в Джучиевом Улусе, который объединял в себе древние исламские центры, условия для этого были еще более благоприятными. Один и тот же ученый мог пополнять свои знания в нескольких городах страны. В источниках приведено множество примеров этому. Например, сообщается, что аш-шейх Хафезеддин Мухаммид, известный под именем Ибне Баззас (1343-1423), родом из хорезмского города Кардар, после получения начального образования в своей стране, в дальнейшем пополнял свои знания в таких городах Джучиева Улуса, как Сарай, Булгар, Крым, Хаджитархан. Аш-шейх Мингазедин Ибрагим бине Сулейман (умер в 1369 г.) получил образование в Сарае и в Хорезме. Аш-шейхел имам Ходжа Омар ал-Булгари учился и сам преподавал в городах Булгар, Хорезм, Бухара, Ганджа (Мэржэни, 1989, 86).

Судя по тому, в каких городах ученые повышали свои знания, наиболее популярными были медресе городов Сарай, Хорезм, Булгар, Крым, Хаджитархан и их области. Однако, ученые

Джучиева Улуса, не ограничиваясь пределами своей страны, получали знания и за ее пределами.

Таким образом, исследование социально-культурной жизни городов и других культурных центров Золотой Орды позволяет сделать два важных вывода:

1) в этих центрах были созданы условия для формирования устно-разговорного койне, языковую основу которого составляли тюрки, носители диалектов кыпчакской языковой группы;

2) культурная среда, наличие административных центров и местные правители, а также мусульманская образованность, представленная медресе, библиотеками, улемами, грамотными муллами, создали базу для письменной фиксации наддиалектной формы языка и создание на его основе письменных литературных текстов разных жанров и стилей.

§ 2. Литературные традиции письменных тюркских языков

Использованные в нашем исследовании источники – прозаическая и поэтическая художественная литература, религиозные, юридические тексты известны тюркологии не один десяток лет. Они привлекали внимание нескольких поколений тюркологов, начиная с В.В. Радлова. Прежде всего они использовались как источники лексики при составлении словарей. В. Радловскую эпоху вплотную памятниками мамлюкского Египта занимался П. Мелиоранский. Самый крупный вклад в разработку проблем изучения истории тюркских литературных языков, также конкретного лингвистического анализа сделан академиком А.Н. Самойловичем, учеником В. Радлова и П. Мелиоранского. Ему принадлежит значительная заслуга в разработке проблемы литературных традиций письменных тюркских языков и сама ее постановка. Одним из первых им наиболее глубоко и всесторонне были изложены

вопросы периодизации и преемственности языков тюркских письменных памятников. Главное положение концепции А.Н. Самойловича заключается в подчеркивании единой основы тюркского литературного языка: «... правильное признавать, – писал он, – единый «среднеазиатско-турецкий [т.е. – тюркский – Н.Ф.] (а не «чагатайский» или «восточно-турецкий» [т.е. – тюркский – Н.Ф.]) литературный язык исламской эпохи» и установить внутри этого языка несколько периодов его развития в зависимости от культурных очагов, разных для разных периодов» (Самойлович, 1928, 4). Однако единый литературный язык, по мнению А.Н. Самойловича, не был однородным. Большая или меньшая степень проникновения разговорных особенностей разнохарактерных (принадлежащих различным классификационным группам), хотя и близкородственных языков, большая или меньшая степень следования нормам старого литературного языка обеспечивали вариативность языкового облика каждого памятника.

«В зависимости от племенной принадлежности авторов, при неустановившейся еще прочной литературной традиции, в одних произведениях мог среди составных элементов языка выдвигаться кыпчакский элемент (как в «Мухаббет-намэ»), в других – огузский. Кроме того, одни авторы могли обнаруживать большую зависимость от пользовавшегося тогда известностью литературного языка турецких [т.е. тюркских – Н.Ф.] мусульман Восточного Туркестана, Кашгара (это мы видим, например, в романе «Хосрев и Ширин»), другие – меньшую (как автор «Мухаббет-намэ»)» (Самойлович, 1928, 19). Положение о единстве литературного языка и положения об изменчивости его под влиянием живых диалектов лежали в основе выдвинутой А.Н. Самойловичем периодизации существования и развития письменной культуры тюркских народов в рамках исламской цивилизации: первый период – с центром в Кашгаре и с исходным моментом образования караханидского государства; второй – с центрами в бассейне нижнего течения Сырдарьи и

Хорезма и с исходным моментом укрепления ислама среди огузов и кыпчаков; третий – с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях. Этот период оказался золотым веком в истории «среднеазиатско-турецкой литературы», за которым именно в XV-XVI вв. закрепилось название «чагатайского» языка (Самойлович, 1928, 21).

Таким образом, концепция А.Н. Самойловича основана на признании непрерывности в развитии тюркского литературного языка. А.Н. Самойлович придает особое значение второму периоду, кыпчако-огузскому, в истории тюркских литературных языков исламской эпохи, так как именно в этот период, а не в чагатайский, наметилась, благодаря образованию империи Чингиз-хана, обстановка, благоприятная, для выработки единого литературного языка всех мусульманско-турецких племен монгольско-татарского государства и так как именно к этому периоду относится зарождение главных современных мусульmano-турецких (тюркских – Н.Ф.) языков (Самойлович, 1928, 23). А.Н. Самойлович прямо указывает на преемственность современного татарского языка по отношению к литературному языку Золотой Орды: «казанско-татарский литературный язык, переживший несколько периодов развития, старейшие корни свои, корни кыпчакские, имеет не в XV в., как принято утверждать, а в еще более ранних литературных произведениях Золотой Орды, в коих преобладают кыпчакские языковые элементы. Такова же начальная судьба и крымско-татарского литературного языка» (Самойлович, 1928, 21).

А.Н. Самойлович, уточняя и совершенствуя свои подходы к истории литературных языков и к языку конкретных памятников, использовал различные доказательства, опирался на фонетические и морфологические особенности конкретного языка. Так, например, работая над классификацией тюркских языков, которая строится на фонетических и морфологических признаках, он выделяет следующие группы: I) болгарскую, или

ротацирующую (признаки: *māfār* «девять», *пул* – «быть, становится», *ура* «нога», *тау* – *ту* «гора», *тулла* «горный», *јулна* «оставшийся»; языки: древнечувашский, чувашский); II) уйгурскую, или северо-восточную (признаки: *токуз*, *бол*-, *адак* – *азак* – *атак*, *тат*, *татліт*, *калтан*; подгруппы «д» – диалекты: язык орхоно-енисейской и уйгурской письменностей, карагасский, тувинский, саларский, подгруппа «з» – диалектов: язык желтых уйгуров, бельтирский, камасинский, качинский, койбальский, кюэрикий, кызыльский, сагайский, шорский; подгруппа «т» – диалектов: якутский; III) кыпчакскую, или северо-западную (признаки: *токуз*, *бол* – *бул*, *ајак*, *тау*, *тавлі*, *калтан*; языки: алтайский, балкарский, карачаевский, барабинский, башкирский, казахский, караимский, за исключением османизированных говоров, киргизский, крымскотатарский, за исключением южнобережных говоров, кумандинский, кумыкский, мещерский, ногайский, телеустский, язык татар «внутренней России», язык тобольских татар); IV) чагатайскую, или юго-восточную (признаки: *токуз*, *бол*, *ајак*, *тат*, *татлік* – *татліт*, *калтан*; собственно чагатайская подгруппа: чагатайский, узбекский, уйгурский; чулымско-абинская подгруппа: чулымский, абинский, язык черневых татар); V) кыпчакско-туркменскую, или среднюю (признаки: *токуз*, *бол*, *ајак*, *тат*, *татлі*, *калтан*; хивинско-узбекское и хивинско-сартское наречия); VI) туркменскую, или юго-западную (признаки: *докуз*, *ол*-, *ајак*, *дат*, *датлі*, *калтан*; языки: азербайджанский, гагаузский, турецкий, туркменский, южнобережно-крымскотатарский) (Рукописный отдел ГПб, Л. 841, 843-844).

Позднее А.Н. Самойлович расставил выделенные им группы в иерархическом порядке (по планам, или уровням) и соответственно переименовал их: группа, подгруппа, отдел, подотдел, подподотдел.

В пояснениях к своей классификации А.Н. Самойлович отмечает, что классификация турецких языков и наречий на основании характерных фонетических признаков не является произвольной, случайной и искусственной, а находит для себя

соответствия в фактах не лингвистического, а культурно-исторического и политического порядка, т.е. ученый предлагает обратиться к характеристике языковой ситуации соответствующего периода.

Преобладающая часть турецких племен говорит ныне на диалектах «подгруппы – «j», и это как раз та самая часть, которая, за исключением Алтая и гагаузов, на протяжении веков объединена, в отличие от «северо-восточной подгруппы», исламской культурой. «Подотдел северо-западных (кыпчакский) турецких наречий принадлежит племенам, обитающим на территории, которая почти целиком совпадает с пределами улуса Джучи, иначе именовавшегося «Дешти-кыпчак». От крымских степей до алтайских гор известны эпические произведения, касающиеся деятелей Золотой Орды, например, Едигея. Подотдел юго-восточных» (чагатайский) турецких диалектов принадлежит населению оседлой части улуса Чагатая и тесно с ним связанной территории Китайского Туркестана. Наконец, на наречиях «юго-западного» или «туркменского (огузского) отдела» говорят ныне племена, образовавшиеся на основе туркменских родов, выведенных в XI веке сельджуками из Туркестана в Персию, Закавказье и Малую Азию или остановившихся в Закаспии. Даже такое мелкое деление классификации, как подподотдел таглы, или «кыпчакско-туркменский», находит интересное соответствие в том прекрасно известном обстоятельстве, что на всем протяжении доступной изучению истории Хорезма (Хивы) страна эта тяготела преимущественно не к Средней Азии, а к Восточной Европе, и, например, в XIII-XIV веках большей своей частью входила в удел Джучи (Дешти-кыпчак), а не в удел Чагатая, тесно соприкасаясь при этом с туркменами. Данные XI века Махмуда Кашгарского в значительной мере подкрепляют мысль В.В. Радлова о том, что в VI-VIII веках в эпоху составления енисейских-орхонских памятников уже должны были существовать в основных чертах деления турецких языков и наречий на те группы, подгруппы и т.д., которые мы наблюдаем и ныне. Связанные с экономическими

обстоятельствами политические события, главным образом, XI (движение сельджуков) и XIII (образование монгольской империи) веков, привели к распределению на поверхности Евразии главнейших турецких племен приблизительно в том виде, в каком это обозначено на современной этнографической карте (Самойлович, 1926, 4-7).

С критикой ряда положений изложенной выше концепции А.Н. Самойловича выступил А.К. Боровков. «Слабой стороной теории А.Н. Самойловича, – писал он, – является понимание преемственности в развитии литературного языка в виде некоей единой книжной традиции, видоизменявшейся в различные периоды под влиянием диалектной среды в отдаленных друг от друга культурных центрах. При таком понимании теряется историческая перспектива в развитии «диалектов», определивших особенности литературного языка в каждый период в отдельности, и становятся неясными более ранние их источники» (Боровков, 1963, 8). Так, например, поясняет свою мысль А.К. Боровков, слово *орам* (урам) «улица» вряд ли следует считать исключительно кыпчакским, как утверждал А.Н. Самойлович, вероятно, полагает А.К. Боровков, оно было и в языках Средней Азии, но «повсюду вытеснено таджикско-персидским *коча*): узб. *куча*, туркм. *көче*, *көчө*, *каз*, *көше* «улица» (Боровков, 1963, 9). Фактически А.К. Боровков возражает против включения в число источников или «составных элементов» литературного языка диалектных особенностей кыпчакского типа, что особенно становится понятным из следующих его слов: «Бесспорно, в Средней Азии существовала древняя литературная огузско-туркменская традиция наряду с восточно-тюркской или караханидской, но содержание понятия кыпчакский диалект в XII-XIV вв. необходимо уточнить при помощи новых исследований памятников этой эпохи» (Боровков, 1963, 10).

Иными словами, прежде чем квалифицировать какое-либо языковое явление как кыпчакское, огузское или карлукско-уйгурское, необходимо убедиться в его абсолютной

принадлежности той или иной группе не только на современном этапе, но и в древности.

А.К. Боровков признавал язык «Тэфсира» смешанным, характеризующимся наличием в нем «элементов огузско-туркменских в фонетике, морфологии и словаре», которые «обычно употребляются параллельно с восточно-тюркскими». Аналогичная «двойственность» словарного состава свойственна, как указывал ученый, также словарю «Мукаддимат ал-адаб» Замахшари, поэмам «Мухаббат-наме» Хорезми, «Кисса-и Юсуф» Али. В связи с этим автор делает следующее заявление: «В Хорезме получила развитие огузо-туркменская диалектальная основа литературного языка. Становится все более очевидным большое значение огузско-туркменских элементов в памятниках XII-XIV вв. Происхождение памятников указывает на Хорезм, где издавна сложилась диалектная основа местного литературного языка, связанного с огузско-туркменской периферией в низовьях Сырдарьи (Боровков, 1963, 22).

Говоря об «огузско-туркменской диалектной основе литературного языка», мы должны разъяснить этническую историю тюрко-язычного населения Восточной Европы той эпохи. Как известно, в XI-XII вв. наблюдается широкое и глубокое продвижение огузско-туркменских племен с Востока на Запад. Одно направление такого проникновения на Запад происходило на юге, по направлению Средняя Азия-Иран-Междуречье-Закавказье-Малая Азия. Так была создана могущественная Сельджукская империя, распространившаяся, главным образом, в Передней Азии, но в конце XI века подчинившая также и Караханидское государство (Кляшторный, 1972, 22-23). И впоследствии, отколовшийся от империи Хорезм вплоть до монгольского нашествия играл доминирующую роль в этой части Средней Азии. Учитывая это, с мыслью А.К. Боровкова о существовании письменной фиксации огузско-туркменского койне можно согласиться: вряд ли огузские элементы легко проникали бы в язык литературного произведения, если бы они

имели только разговорный, а не литературный статус, если бы огузизмы не имели достаточной престижности. Э.Р. Тенишев считает, что с потоком культурного влияния данный язык был занесен и в Поволжье и здесь получил применение. Ведь язык какого-либо народа в силу своей престижности может быть использован как литературная форма другим народом, свой же язык остается на социально сниженном уровне (Тенишев, 1987, 135-136). Хотя историками высказывается мысль, что в период возникновения поэмы «Кыссаи Иусуф» в Поволжье проживало значительное огузское население (Усманов, 1987, 45-46).

Итак, на значение диалектных основ при дальнейшем развитии региональных тюркских языков указывал А.К. Боровков: «После монгольского завоевания процесс образования и развития тюркских языков принял вполне определенный характер: в Поволжье, в Крыму, Закавказье, в Средней Азии и Малой Азии возникли литературные центры, и к XV в. сложилась диалектная основа литературных языков: татарского, крымско-татарского, азербайджанского, староузбекского, туркменского и турецкого (Боровков, 1963, 21).

Подобные исследования А.К. Боровкова конкретизировали специфику функционирования тюркских литературных языков к XV веку. Однако представляется важным внести некоторые уточнения в высказывание ученого. Для понимания в целом системы языка письменных памятников, необходимо учитывать прежде всего наддиалектный характер письменно-литературного языка, который никак нельзя отождествлять с народным языком того времени. Очень четко эту ситуацию интерпретировала Г.Ф. Благова на примере конкретного языка «Кутадгу билик». В «Кутадгу билик» имеется указание, проливающее свет на природу языковой смешанности: поэма написана «*buğra han tiliñçe*» на богренском языке, т.е. пользуясь современной терминологией, на письменно-книжном языке «аристократического типа», но тут же уточняется – *türk luğatıñça* «тюркскими речениями». Это уточнение можно истолковать как признак того, что обиходный

язык XI века тем или иным способом отражался в литературе» (Благова, 1977, 99-100). Если принять эту гипотезу, то мы должны внести уточнение в высказывание А.К. Боровкова о том, что к XV веку в указанных культурных центрах сложилась не диалектная основа литературных языков, а были сформированы региональные варианты наддиалектного койне, легшего в основу соответствующих литературных языков. В связи с этим критика А.К. Боровковым позиции А.Н. Самойловича в отношении книжного литературного языка представляется не совсем оправданной, поскольку А.Н. Самойлович рассматривает именно историю литературного языка, а не историю народно-разговорного языка. На различие этих понятий не раз указывал Э.Р. Тенишев.

Дальнейшее развитие концепция А.Н. Самойловича о преемственности единой книжной традиции получила развитие в трудах Э.Р. Тенишева (Тенишев, 1988, 67-85; 1997, 35-38). Ученый обращает внимание прежде всего на то, что преемственность языковой традиции должна обязательно учитываться, в противном случае формирование литературного языка будет приравниваться к модификации лишь диалекта, связанного с определенным этносом, т.е. природа литературного языка не будет полностью раскрыта. Преемственность языкового развития, наследование престижной традиции – важный признак литературных языков (Тенишев, 1979, 81) Он вносит также существенные уточнения и дополнения в концепцию А.Н. Самойловича: «Периодизация не может основываться на одном каком-либо признаке, она должна быть комплексной, учитывающей как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Среди внутривидовых факторов каждый раз необходимо рассмотрение совокупных разнодиалектных признаков, сочетающихся в тех городских койне, которые лежат в основе национальных литературных языков. В результате этого рассмотрения приходится иметь дело с самостоятельным литературным языком или с каким-либо его

этапом» (Тенишев, 1988, 89). В экстралингвистическом плане необходимо выяснение степени распространения грамотности, культурно-исторической ситуации, ведущих культурных стимулов развития литературного языка. Учитывая все эти обстоятельства, Э.Р. Тенишев приходит к выводу: поскольку сочетание разнодиалектных признаков городских койне в каждый период позволяет говорить о статусе самостоятельных языков, то, очевидно, приходится иметь дело с классификацией литературных языков Центральной и Средней Азии, а не с периодизацией единого среднеазиатско-тюркского литературного языка.

Признавая обоснованным выделение А.Н. Самойловичем трех периодов в истории развития тюркских литературных языков, Э.Р. Тенишев предлагает добавить к этой схеме два литературных языка раннего периода: руническое койне и древнеуйгурский литературный язык. Формирование тюркоязычных письменных литературных языков Э.Р. Тенишев представил в виде следующей схемы:

- 1) язык памятников рунического письма (V-VIII вв.; возникший путем стяжения языков тюркских народностей;
- 2) древнеуйгурский литературный язык (VIII-XI вв.), сложившийся на основе рунического литературного языка;
- 3) караханидско-уйгурский литературный язык (XI-XII вв.), сформировавшийся на территории Караханидского государства с центром в Кашгаре. От караханидского периода сохранились выполненные арабским письмом поэма мусульманского содержания «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, «Атабат ал-хакаик» Ахмада Югнаки, «Дивани лугат ат-турк» Махмуда Кашгари и толкования к Корану. В процессе формирования язык указанных произведений вобрал в себя огузо-уйгурскую основу престижного древнеуйгурского литературного языка, на которую наложились местно-национальные элементы всех уровней;
- 4) хорезмско-тюркский литературный язык (XIII-XIV вв.) имел хождение на территории по нижнему течению Сырдарьи (вместе

с Хорезмом), а также на территории Золотой Орды. К его памятникам относятся «Кысас ал-анбийа» Рабгузи, «Муин ал-мурид» Шариф Ходжа, «Хусрав и Ширин» Кутба, «Мухаббат наме» Хоразми, «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ибн Али. Представлены жанры поэзии и прозы со стилистическими вариациями (религиозного, философско-дидактического и светского характера);

5) чагатайский литературный язык (XV-XVIII) представляет самый блестящий и вместе с тем завершающий период в истории тюркских литератур и литературных языков средневековья;

6) сельджукский, кыпчакский, болгарский есть «малые формы литературных языков XIII-XVIII вв.» (Тенишев, 1988, 67-85).

Достоинство подхода Э.Р. Тенишева к истории развития тюркских литературных языков, к их периодизации и классификации состоит в том, что он опирается на новейшие достижения лингвистики в области типологии литературных языков, что позволяет обогатить тюркское языкознание и текстологию в плане комплексного подхода к характеристике письменно-литературных памятников, которые существовали в рамках конкретных языковых ситуаций.

Крупнейший специалист в области истории средневековых литературных языков Э.Н. Наджип, в отличие от А.Н. Самойловича, исходит из признания множества литературных языков, языков различного генетического плана и по преимуществу смешанных (Наджип, 1965, 3-8; 1970, 87-92; 1989, 244-249).

Наиболее старейшим литературным памятником на тюркском языке мусульманской эпохи является «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (1069), язык которого Э.Н. Наджип определяет как «карлуко-уйгурский письменный язык восточной части Караханидского государства» (Наджип, 1975, 7); этот язык он понимает как уже смешанный, образовавшийся благодаря тому, что «карлукские» и некоторые из огузских племен слились с уйгурами, создав общий письменный язык и общую культуру.

Язык «Кутадгу билиг» Э.Наджиб относит к *д* группе тюркских языков (Наджиб, 1975, 7).

Язык хикматов Ахмада Есеви ознаменовал, по мнению Э.Н.Наджиба, «возникновение и становление второго смешанного кыпчакско-огузского письменного языка низовьев Сырдарьи» (Наджиб, 1975, 12). После монгольских завоеваний, культурные центры тюркского мира перетерпевают изменения. У Э.Н.Наджиба по этому поводу читаем: «Монгольское нашествие нанесло серьезный удар развитию литературы в Средней Азии. В этот период центр литературной деятельности на тюркских языках перемещается из Средней Азии в Золотую Орду, Сирию, Египет», что касается языка памятников, созданных в XIV веке, то его можно было бы назвать золотоордынско-египетским и золотоордынско-хорезмийским». Э.Н.Наджиб признает существование в этот период следующих письменных языков:

1) «старо-туркменский письменный еще в XIII в. в мамлюкском Египте достигает заметного развития;

2) смешанный огузско-кыпчакский письменный язык, отражающий особенности языка огузских племен, пришедших в Египет при сельджукидах, особенно при айубидах и язык кыпчакских племен, пришедших сюда вместе с огузскими;

3) смешанный кыпчакско-огузский письменный язык, сложившийся в XII в. в низовьях Сырдарьи;

4) письменный язык *з* – группы тюркских языков, сложившийся в низовьях Волги и северном Хорезме на основе языка огузско-туркменских племен, на который заметное влияние оказал язык кыпчакских племен и уйгурская литературная традиция периода правления караханидов;

5) староузбекский литературный язык, восходящий по одной линии к кыпчакско-огузскому языку *й* – группы.

Сопоставительное изучение памятников, появившихся в Египте и созданных на территории Золотой Орды, которые основываются прежде всего на выявлении их лексических

особенностей, выделение лексем по их диалектным признакам и последующей их статистической обработкой, привели Э.Н. Наджипа к следующим выводам:

1) к XIV веку оформляется общий для Золотой Орды и Египта кыпчакско-огузский литературный язык й – группы;

2) параллельно с этим качественно новым литературным языком продолжает оставаться более архаичный письменный язык з-группы, который Э.Н. Наджип называет огузско-кыпчакским литературным языком Нижнего Поволжья-Хорезма. Впоследствии этот язык дальше Поволжья не распространяется, а в Средней Азии он вытесняется й – языком. В Поволжье же он продолжает существовать вплоть до начала XX в. как язык повествовательных произведений мистического содержания (Наджип, 1989, 81-82).

Квалификация Э.Н. Наджипа при распределении средневековых тюркских памятников по фонетическим признакам д~з~й расходится с классификацией А.Н. Самойловича. Огузские, кыпчакские и уйгуро-карлукские языки, по А.Н. Самойловичу относятся к й – группе, северо-восточные – к группе д/м/з.

Между тем следует отметить, Э.Н. Наджип делает большой акцент на орфографию того или иного памятника, в частности (d ~ δ ~ j язык), поскольку орфография текстов является вторичной по отношению к его языковой основе, с нашей точки зрения логичнее назвать d – графичный памятник, а не d – язык. И тогда через такие понятия было бы сложнее определять язык самого памятника [к примеру, как бы специалисты квалифицировали язык «Кутадгу билик», если бы сохранилась только одна рукопись – либо наманганская (определенно δ – язык), или каирская (определенно d – язык)]. Большой знаток истории литературных языков, их различных жанров, восточного стихосложения, специалист по живым тюркским языкам Э.Н. Наджип внес огромный вклад в изучение письменных памятников, связанных с золотоордынским циклом, а также в публикацию текстов и их

переводов с пространными лексикологическими комментариями. Итогом этой деятельности явилось создание словаря языка исследуемых им текстов.

Таким образом, становится ясно, что в оценке языка памятника, особенно «смешанного» языка надо быть предельно осторожным, необходимо точно установить основу языка памятника, а затем показать, в каких явлениях можно видеть примешанность к этой основе иноязычных признаков.

В специальной статье «О «смешанном» характере языка письменных памятников, или проблема *o1ga-bo1ga*» Э.А. Грунина (1997, 15) пишет: «Проблема «смешанности» средневековых тюркских письменных языков, помимо лингвистического, имеет этнолингвистический и историко-культурный аспекты своего рассмотрения, особо обращает на себя внимание проблема огузо-кыпчакской общности».

Историко-этнографический подход к формированию тюркских этносов приводит, по мнению Грунина Э.А., к выделению трех периодов:

1) древний период (VI-VIII вв.), отмеченный созданием сильных государственных образований в центрально-азиатской части тюркской ойкумены (каганаты – Первый, Второй, Западно-тюркский, Уйгурский).

2) период определенной стабилизации раннесредневековых кочевых и полукочевых государственных образований на пространствах Великой степи (IX-XI вв.), закончившийся к XI в. нарастанием природных и этнических катаклизмов, что в свою очередь привело к смене этнической доминанты в этом ареале – массовому притоку кыпчаков;

3) период послемонгольского нашествия, сопровождавшегося новыми миграциями и изменениями в лингвистической картине ареала. Очевидно, что эти этапы не могут не учитываться в попытке провести лингвистическую стратификацию, принимая во внимание лингвистические и культурно-исторические процессы – вхождение в зону влияния оседлых культурных

центров, сосуществование и взаимодействие с этнически близкими племенными объединениями, процессы их поглощения друг другом, возможность формирования наддиалектных форм общения и др.

Эпоха конца IX – начала XI вв., т.е. второй период, была достаточно стабильной в существовании огузо-кыгчакской (кимакской) этнической среды, сложившейся в сходных условиях и формах полукочевой государственности, этнической близости и взаимодействия (в IX в. они сообща вытеснили печенегов из бассейна Сырдарьи и Прикаспия). В силу указанных причин можно предположить существование в этой этнической среде устного койне, и те же причины могли замедлить процессы углубления диалектной дифференциации. Этот тип языка междиалектного общения значительных масс кочевников, еще слабо связанных с оседлыми культурными центрами своего времени, можно было бы назвать ареальным койне, считает Э.А. Грунина, однако в этих условиях такому койне трудно было получить письменную форму. Когда же несколько позже сформировались региональные политические центры (в Золотой Орде, мамлюкском Египте, Малой Азии), способствующие увеличению оседлого населения, и соответствующие региональные койне, последние ориентировались на орфоэпические нормы этих оседлых культурных центров. При этом немалую роль здесь сыграли проповедь суфизма и ее обращенность к городским массам, а также развитие мусульманской учености. Арабская графика, пришедшая вместе с Кораном, и разработанные способы ее приложения к тюркской фонетической системе в известной степени оставляли возможность той свободы произносительных форм, которая была свойственна ареальному койне, и явились основой для письменной фиксации последнего.

Памятники разных региональных письменных языков XIII–XIV вв. (например, Золотой Орды и Малой Азии) обнаруживают значительное сходство грамматических подсистем и лексики, что

трудно объяснить воздействием только караханидской литературной традиции. Единство исламской культуры и мусульманской учености способствовало проникновению в создаваемые здесь письменные памятники литературных традиций предшествующих периодов и в то же время элементов ареального койне, которые входили в грамматическую систему регионального литературного языка. Таким образом, в концепции Э.А. Груниной большую роль играет этнокультурологический подход, который позволяет не только квалифицировать язык письменного памятника, но и вписать его в этнокультурную среду.

В истории татарского языкознания в начале 20-40-х годов лингвистическое изучение языка памятников донационального периода, в частности, золотоордынского цикла представлено небольшим количеством работ. В то же время их описание с литературоведческой точки зрения и определение их места в истории тюркских литератур представлено очень широко. Уже первые татарские ученые Г.Рахим, Г.Газиз, Г.Губайдуллин, Н.Хахим, Г.Сагди широко использовали литературные тексты тюрко-татарской литературы, включали тексты в учебные пособия, при этом они обращали внимание и на языковые особенности, о чем свидетельствуют исследования С.Валиди, в которых обобщены наблюдения по разным стилям: «Во второй половине XIV века в Золотой Орде существовал вполне обработанный местный литературный язык, отличающийся от уйгурского и так называемого чагатайского наречия» (Архив, фонд 53, опись 1).

Г.Ибрагимов, Г.Сагди, обращая внимание на соотношение памятников, с литературными памятниками среднеазиатского региона, специально оговаривали, что следы влияния таких древнеуйгурских памятников, как «Кутадгу билик», «Алтун Ярук», прослеживаются в ранних памятниках татарской литературы. «В результате у нас образовался такой пестрый тюркский язык, который был наполовину чагатайским и османским» (Ибрагимов, 1924, 124). Г.Сагди еще тогда отметил смешанность языка. В языке

преобладал «тюрки», и под этим термином стали понимать весь татарский литературный язык. В морфологии и синтаксисе поэтической и прозаической формы он был таким пестрым литературным языком, который состоял из кыпчакского, болгарского, уйгурского, чагатайского, турецкого, татарского языков (Сәгъди, 1924, 36-37). В работах довоенных татарских филологов были подняты вопросы о месте языка золотоордынских памятников в системе истории татарского литературного языка, но к сожалению, эти вопросы не нашли достаточного освещения, что в значительной мере определяется тем, что в те годы не была создана теория литературных языков тюркоязычных народов. Также практически не был изучен язык отдельных памятников, поэтому в науке отсутствовала широкая фактологическая база. Однако усилиями этих ученых было показано, что татарский литературный язык имеет длительную историю своего формирования. Например, Н. Хаким, анализируя состояние литературного языка, начиная с эпохи Золотой Орды, указывает на общетюркский характер письменного языка (Хәким, 1928, 149), потому что он формировался во взаимодействии с литературными языками других регионов (чагатайский, османский) и на основе традиции (орхонский, енисейский, караханидский).

Что касается периодизации, среди литераторов было распространено мнение, что собственно татарская литература начинается с XVI века (Сәгъди, 1926, 142). В то же время Х. Бадиги, характеризуя пути развития татарского литературного языка придерживается указанной выше точки зрения А.Н. Самойловича, что важной вехой для татарского литературного языка является второй период по классификации А.Н. Самойловича (Бәдиг. 1930, 33-40).

Мысли этих ученых следует рассматривать как предпосылки для становления научной теории истории татарского литературного языка.

Новый взгляд на историю татарского литературного языка представлен в трудах Л. Заляя (Жәләй, 2000), в которых основное внимание сосредоточено на истории собственно татарского языка, с привлечением большого количества диалектных данных и на его литературных формах, причем в работе нет четкого различия между этими двумя понятиями: историческая грамматика и история литературного языка. Татарский литературный язык рассматриваемого нами периода Л. Заляй определяет как начальный этап, включающий язык письменной литературы XI-XVI вв. и определяет его как древний татарский язык.

В трудах В. Хакова и в специальном учебнике по истории татарского литературного языка предлагается схема деления истории татарского литературного языка, состоящая из шести периодов, из них донациональный распадается на три этапа:

1. Становление поволжского тюрки и древнего татарского литературного языка: литературный язык Булгарского государства (X–середина XIII в.).

2. Развитие старотатарского литературного языка: золотоордынский литературный язык (вторая половина XIII – середина XV вв.).

3. Становление нормы старотатарского литературного языка: литературный язык Казанского ханства (вторая половина XV – середина XVI вв.) (Хаков, 1993, 17).

Интересно, ученый использует понятия древний, старотатарский и параллельно термин золотоордынский литературный язык. Древнетатарский увязывается с болгарским литературным языком, старотатарский литературный язык, по определению В.Х. Хакова, начинается в эпоху Золотой Орды, а казанский период – это этап сложившейся нормы старотатарского литературного языка. Этот период в исследованиях татарских ученых называется разными терминами: обычно используемое общее название «төрки тел», т.е. тюрки (при спецификации: болгар төркисе, Казан төркисе, Идел буе төркисе); термин «поволжский тюрки», использованный в исследованиях

Э.Н. Наджипа (Нәжиц, 1957, 17), быстро вошел в научный оборот; в современных исследованиях ученые-историки и филологи пользуются термином «тюрко-татарский», восстановленный М.Г. Усмановым (Усманов, 1997, 17), который отмечает, что термин привносит новое, конкретизирующее содержание: тюркское по роду и татарское по виду. Как было указано выше, историю государств и государственных образований начиная с самых древних времен до середины XVI века, т.е. до момента завоевания Казанского ханства, принято называть этим термином. Действительно, в золотоордынский период в Поволжье была предпринята попытка сплочения, консолидации тюрков как всех народов Евразии. В своих исследованиях В. Хаков предлагает термин «старотатарский», как синоним «золотоордынского литературного языка». Применение этого термина, как нам кажется, правомерно, поскольку основывается на том факте, что литературный язык этих периодов обслуживал относительно устойчивую этноформированную татарскую народность (см.: Арсланова, 1997, 30-42), функционально и географически ограниченную одним географическим регионом Урал-Поволжья.

Достаточно четкая стратификация татарского литературного языка, представлена в работах Ф.С. Фасеева, в которых автор рассматривает всю его историю, начиная с древнейших времен. Интерес представляет то, что Ф.Фасеев стремится соединить историю языка с социальной и этнической историей поволжских татар. Исторические истоки этноса он видит среди тюркских племен, приобретших свою государственность в Центральной Азии в рамках тюркского и уйгурского каганатов. Особое место в своих построениях он отводит союзу протобулгарских племен и государственным образованиям булгар на Волге. Именно к этому периоду (X-XII) он относит образование «тюркско-булгарского» койне и начало письменного языка тюрки (Фасеев, 1972, 809). Образование «татарско-кыпчакского» разговорного койне и развитие литературного языка тюрки Ф.Фасеев связывает с государством Золотая Орда (XIII-XIV вв.). Следующий этап – это

период Казанского ханства (XV-XVI вв). В другой работе ученый рассматривает упомянутые выше три периода, т.е. XI-XVI века как среднетюркскую эпоху (Фасеев, 1972, 62). Таким образом, как и В.Х. Хаков, Ф. Фасеев объединяет золотоордынский период с Казанским. Кроме того, в работах Ф. Фасеева утверждается, что тюркская письменная литературная традиция была заложена в памятниках древнетюркской рунической письменности (Фасеев, 1972, 810). В своих трудах автор рассматривает такие важные понятия, как «разговорное койне», развитие функциональных форм языка и их связь с этнокультурными процессами, признаки литературного языка, противопоставление устно-разговорного языка и его письменно-литературной формы. Как известно, эти понятия являются очень важными при изучении истории литературного языка вообще.

В новейшее время татарскими учеными по-новому были осмыслены высказанные их предшественниками в 20-30-е годы мысли о том, что в Поволжье возникла и развилась особая разновидность литературного тюрки. Новый взгляд на эту проблему изложен в фундаментальных исследованиях Ф.С. Хакимзянова, в которых особое место отводится «поволжскому варианту среднетюркского литературного языка». Он подчеркивает, что в золотоордынский период имеют место социально-исторические факторы, которые явились причиной смены языковой ситуации. Эти взгляды ученого иллюстрируются на обширном материале эпиграфических памятников волжских булгар. Им же отмечено также, что в Волжской Булгарии существовал местный тюркский язык и его письменные формы. Для нас важно, что Ф. Хакимзянов подчеркивает тот факт, что в донациональном периоде развития общества большую роль играет степень устойчивости и престижности более ранних литературных языков, т.е., сохраняя литературные традиции, чужой письменный язык, из-за своей престижности употреблявшийся в Поволжье и Приуралье, стал функционировать в языковой системе региона, то есть появился

вариант регионального тюркского литературного языка (Хакимзянов, 1991, 132).

В монографическом исследовании Ф.М. Хисамовой (1995, 1999) рассматривается последующий этап развития татарского литературного языка донациональной эпохи (XVI – начало XIX вв.). Источником послужили обширные архивные материалы дипломатических актов, выявленных автором в различных архивах страны. Детальное изучение функционирования официально-делового стиля старотатарского языка показало, что этот функциональный стиль занимал важное место в культурно-исторической жизни татарского народа. Автор показал обусловленность возникновения и развития делового стиля языка, который, выйдя за рамки Поволжского региона, оказывал влияние на формирование региональных письменных традиций в Сибири, на Северном Кавказе и в других регионах с тюркоязычным населением. Истоки этого стиля лежали в известных ярлыках и грамотах периода Золотой Орды и Казанского ханства, а также Крымского ханства. И эта традиция устойчиво сохранилась в последующие века, чему способствовала функциональная значимость официально-делового стиля, как одной из форм языка дипломатии и административной переписки. Ф. Хисамова в своей работе доказала, что именно указанная последовательность и устойчивость функционирования официально-делового стиля татарского письменного языка способствовала сохранению старотатарских литературных традиций в такие периоды развития языка, когда в отсутствие татарской государственности на татарском литературном языке создавалось не так много произведений других функциональных стилиевых разновидностей. Можно сказать, что глубоко проанализированный официально-деловой стиль татарского языка стал хребтом, благодаря которому были сохранены на протяжении всей истории литературного языка базовые черты в фонетике, грамматике, лексике, они характеризуют именно

указанный региональный вариант старотатарского литературного языка.

Одно из направлений развития и функционирования татарского литературного языка национального периода описано в монографии Г.Б. Башировой (Баширова, 2000), которая рассматривает язык памятников на обширном материале различных жанров и стилей: в художественных, публицистических, научных и эпистолярных текстах. Автор в своих работах сосредоточивает внимание на характеристике литературного языка указанного периода и освещает вопросы преемственности и обработанности литературных норм того времени, их вариативность и связи последней с функционально-стилистическими вариациями татарского литературного языка.

Глубокая теоретическая разработка проблем истории татарского литературного языка, начиная с его истоков, представлена в комплексе в исследованиях Э.Р. Тенишева. Красной линией через эти работы проходит утверждение того, что литературный язык донационального периода также обладает свойственной любым литературным языкам совокупностью качеств, которые с другой стороны можно рассматривать как различительные признаки. Причем татарский литературный язык в рассматриваемом нами золотоордынском периоде его развития (XIII-XV) обладал вариативностью, как и все литературные языки. Однако он выступал как специфический региональный литературный язык, занимающий свое место в общей линии развития тюркских языков.

Таким образом, трудами востоковедов XIX и XX века накоплен фактический материал, осуществлены публикации письменных памятников Золотой Орды, в их трудах представлены разные аспекты истории развития татарского литературного языка донационального и национального периода.

В деле изучения литературных традиций, связывающих указанные периоды, представлены различные точки зрения, которые объединяет, однако, принципиальное положение о том,

что в данном регионе сформировался и функционировал особый вариант литературно-письменного языка, получившего разные наименования: тюрки, поволжский тюрки, старотатарский, тюрко-татарский и др.

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

В монографии рассматривается литература Золотой Орды, представленная в письменных текстах разных жанров, созданных в литературных центрах в Сарае, Хорезме, и письменные памятники мамлюкского периода, созданные местными писателями и выходцами из Золотой Орды.

Привлечены следующие памятники:

1. Тексты религиозно-дидактического содержания:

а) прозаические: «Кысас ал-анбия» Рабгузи, «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари;

б) поэтические: «Джумджума султан» Хусамы Кятиба, «Кисекбаш китабы».

2. Тексты светского характера:

а) поэтические: «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми;

б) смешанные (проза и поэзия): «Гулистан бит-тюрки» Сейифа Сарайи.

3. Арабско-кыпчакские глоссарии: на примере «Codex Cumanicus».

4. Произведения по мусульманской юриспруденции: «Иршад ал-мулк вас-салатин».

Для оценки соотношения между языком указанных памятников и караханидско-уйгурской литературной традицией используются данные о караханидском литературном языке.

В данной работе опираемся на достижения современной лингвистики, которые представлены в научно-теоретических трудах отечественных и зарубежных ученых-тюркологов, таких, как А.И. Соболевский, В.М. Жирмунский, А.Н. Самойлович, Л.П. Якубинский, Б.А. Ларин, А. Зайончковский, В.В. Виноградов, Н.А. Баскаков, Э.Н. Наджип, А.М. Щербак, А.Т. Тагирджанов, М.М. Гухман, Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, Э.А. Грунина, А. Едличка, М.Л. Ремнева, Д.М. Насилов, В.Г. Гузев и др.

Большой вклад в разработку проблем, связанных с социальной и культурной жизнью Золотой Орды и прилежащих к ней районов, внесли археологические, исторические, филологические

исследования татарских ученых Г. Рахима и Г. Газиза, Г. Сагди, Г. Ибрагимова, С. Вахиди, Б. Яфарова, Дж. Алмаза, Х. Усманова, Л. Заляя, М. Усманова, М. Закиева, А. Халикова, Ш. Абилова, В. Хакова, Х. Миннегулова, Ф. Хисамовой, Н. Хисамова, Р. Ганиевой, Ф. Хакимзянова, Х. Курбатова, М. Ахметзянова, Ф. Фасеева, Р. Амирханова, Ф. Юсупова, Г. Зайнуллина, И. Башировой, М. Бакирова, Г. Давлетшина, Д. Исхакова, М. Шарипова, Р. Исламова и др.

Многие из интересующих нас проблем нашли отражение в трудах ученых, работающих в тюркоязычных республиках, в странах СНГ и дальнего зарубежья (Э. Фазылов, И. Галяветдинов, Ш. Шукуров, Я. Экман, А. Курмышжанов, М. Улаков, Ф. Кюпрюлюзаде, З. Коркмаз, Р. Топарлы, Е. Напольнова, М. Озйетгин и др.).

§ 1. Характеристика памятников религиозно-дидактического содержания

«Кысас ал-анбия» Насретдина Рабгузи

Памятник «Кысас ал-анбия» Насретдина Рабгузи написан в 1310-1311 годах в северной части Хорезма. Из введения, предпосланного к «Сказаниям» самим автором, узнаем, что он был верховным судьей селения Рабати Огуз Хорезма, Рабгузи – его псевдоним. Данные о биографии и о жизненном и творческом пути Рабгузи не сохранились. Это эпическое произведение объемом 555 страниц, имеющее богословско-дидактический характер, является одним из первых прозаических произведений, посвященных описанию жития пророков.

Начиная с середины прошлого века вплоть до наших дней, это произведение привлекало к себе внимание крупных тюркологов, таких, как П.М. Мелиоранский, А.Н. Самойлович (1928), С.Е. Малов (1930), Н.И. Ильминский (1861). При изучении истории

тюркских языков в более позднее время конкретно к этому памятнику обращались тюркологи А.М. Щербак (1961), Э.Р. Тенишев (1980), А.Н. Баскаков (1960), В.М. Насилов (1963) и другие, которые высказывали различные мнения о языковой принадлежности «Кысас ал-анбия». К произведению Рабгузи обращались и татарские ученые, такие, как Г. Газиз и Г. Рахим (1992, 78-92), С. Вахиди (53 ф. – 1 оп.).

В трудах этих ученых язык памятника исследуется как среднеазиатский тюркский язык. Но целостное и системное изучение языка памятника «Кысас ал-анбия», созданного на территории Северного Хорезма в момент его присоединения к Золотой Орде, остается актуальным и значимым и для истории татарского литературного языка, ибо этот период считается переходным по классификации к истории тюркских литературных языков и Золотая Орда уже превратилась в новый культурный центр тюркских народов.

А.Н. Самойлович относит язык памятника к первому периоду единого среднеазиатско-турецкого литературного языка, но в то же время указывает, что в язык произведения проникли кыпчакские элементы. «Предварительное моё мнение сводится к тому, что язык его, с преобладанием в фонетике черт северо-восточной группы турецких языков (конечное «γ» и «d» вместо j) и с особой близостью в отношении словаря к языку первого периода, всё же обнаруживает некоторую связь с языком второго (кыпчакско-огузского) периода» (Самойлович, 1928, 22).

Мнение А.Н. Самойловича было поддержано С.Е. Маловым: «Сочинение «Кысаи Рабгузи» написано, даже если это, возможно, перевод с персидского, хорошим, точным и кратким языком. Слов арабских и персидских, принимая во внимание чисто религиозное содержание книги, немного... Рассмотренный лексический материал носит на себе восточно-турецкий характер и указывает на близкое отношение «Кысаи Рабгузи» к литературе караханидского периода с его кашгарским языком» (Малов, 1930, 521-525). В работе тюрколога А.М. Щербака «Грамматический

очерк языка тюркских текстов X-XII вв. из восточного Туркестана» вместе с памятниками «Кутадгу билик», «Хибател – хакаик», к памятникам карлукского диалекта (или подгруппы диалектов) относится и сочинение Рабгузи (Щербак, 1962, 26).

Крупный языковед Э.Н.Наджиб также уделит большое внимание изучению «Кысас ал-анбия». Он даёт следующую характеристику языку произведения Рабгузи: «Язык этого памятника, относящийся к **d**-группе тюркских языков, принято называть уйгурским. Это один из тех первых памятников, который в сильной степени сохранил литературную традицию периода караханидов, а в своем языке – архаические элементы в лексике и грамматике» (Наджиб, 1965, 17). Н.А.Баскаков рассматривает язык произведения Рабгузи как определенный результат развития сложившихся исторических и языковых условий и считает его карлуко-уйгурским (Баскаков, 1960, 173), но затем в хронологическом аспекте своей классификации называет его уйгурским после караханидского периода (Баскаков, 1962, 352). По мнению тюрколога В.М.Насилова, «произведение Рабгузи представляет собой перевод с персидского на тюркский диалект, который, сохраняя литературную традицию караханидских памятников, сложился в огузо-кыпчакской этнической среде в хорезмском монголо-золотоордынском ханстве» (Насилов, 1974, 11). Учёный-тюрколог Э.Р.Тенишев считает, что произведение «Кысас ал-анбия» Рабгузи представляет хорезмско-тюркский литературный язык, имевший хождение на территории нижнего течения Сырдарьи (вместе с Хорезмом), а также на территории Золотой Орды.

В работах среднеазиатских учёных проявляется терминологическая неоднозначность в определении языка памятника. Так, Э.Н.Фазылов относит произведение Рабгузи к группе памятников староузбекского языка (Фазылов, 1961, 5), З.Б.Мухамедова «Кысас» Рабгузи и «Мухаббат-наме» Хорезми определяет к памятникам древнего периода (Мухамедова, 1969, 3). Как видно из приведенных примеров, среди учёных нет

согласованности в используемой терминологии, в их конкретном смысловом содержании.

Будучи религиозно-дидактическим произведением «Кысас ал-анбия» служило распространению просветительских идей среди татарского населения. С тех пор как произведение впервые было издано Н.И. Ильминским в 1859 году, оно до 1911 года с различными переложениями и сокращениями переиздавалось в типографиях Казани около десяти раз.

Самыми первыми среди татарских учёных, обративших внимание на необходимость всестороннего изучения «Кысас ал-анбия», были Г. Газиз и Г. Рахим. В своем 2-х томном труде «История татарской литературы» они подвергают всестороннему научному анализу текст произведения и высказывают мысль, что «Кысас ал-анбия» написан на общем для Поволжья и областей Хорезма языке» (Газиз, Рэхим, 1922, 78).

В дальнейшем, на протяжении нескольких лет «Кысас ал-анбия» Рабгузи не было объектом специального изучения ни в языковом, ни в литературном аспектах. Лишь в начале 80-х годов XX века оно вновь стало объектом научных исследований. Язык памятника был подвергнут системному изучению в графо-фонетическом и морфологическом планах в рамках кандидатской диссертации А.Р. Халиуллиной (Халиуллина, 2002). Было выявлено, что язык памятника сохраняет традиции караханидско-уйгурского литературного языка, в то же время приобретает новые черты в огузо-кыпчакской этнической среде, которые выражаются в графо-фонетике и морфологии «Кысас ал-анбия».

Пункты сохранения рукописей «Кысас ал-анбия» Рабгузи.

Данные о хранящихся в различных библиотеках мира списках «Кысас ал-анбия» выглядят следующим образом¹:

¹ Краткое обозрение списков ведется на основании исследований А.Р. Халиуллиной по указанной работе. С. 32-47, С. 218-229.

I. находящиеся в зарубежных собраниях:

1) В Британском музее – одна рукопись. Здесь хранится самая древняя рукопись – перепись 1489 года, состоящая из 249 страниц. Содержится указание на переписчика: Катиб Хаджи Мухаммад бин Дусти Мухаммад Хаджи Вазири переписал рукопись 27-го числа месяца Рамазан. Рукопись местами (сс. 80-206) написана стилем насх, местами стилем настаалиг. Данный лондонский список лёг в основу узбекского издания «Кысас ал-анбия» 1990-го года;

2) в Ташкентском институте Востоковедения им. Абу Райхан Беруни – несколько рукописей. О хранящихся здесь рукописях «Кысас ал-анбия» упоминается в работе У. Мирзакаримовой (1969, 13);

3) в собраниях АН Узбекистана (Узбекской ССР) – 11 списков. Они хранятся за номерами №№10252, №1834, №6685, №6127, №1624, №2061/VII, №6346, №7397, №6227, №5687, №7022/1. Судя по палеографическим данным, наиболее древним является список за № 10252, дата переписи которого относится к концу XIV века. По степени сохранности 7 списков неполных (у них утеряны начало или конец) и лишь 4 списка (№6685, №7397, №6227, №7022), даты переписи которых относятся к середине XIX – нач. XX веков, можно считать полными;

4) в собраниях института АН Азербайджана – одна рукопись за номером Б1460/3085. По мнению автора, рукопись действительно старая и может не уступать в древности Лондонскому списку. Список состоит из 185 страниц, год написания по Милади 1552 / хиджры 959. Переписчик Менгли Хаджи ибн Мурад ибн Саадат Абулхани. Работа выполнена в стиле таалик.

II. Списки, хранящиеся в библиотеках СНГ:

– в Санкт-Петербургском отделении института Востоковедения АН – три рукописи за №D45 и D43б С-145. Рукописи D45 и D46 поступили в 1909-1910 годах в тогда ещё Азиатский музей и были зарегистрированы под номерами 94Т (теперь 361 се) и 95Т (теперь

361af). Рукопись D45 (361a), по мнению русского востоковеда П.М.Мелиоранского, весьма древняя – кон. XVI – нач. XVII вв. Данная рукопись была использована при составлении первого печатного издания рукописи русским миссионером Н.И. Ильминским и позже самим П. Мелиоранским с целью воссоздания критического текста произведения (Мелиоранский, 1897, 286-287).

Рукопись D46 (361б) также была использована П.М. Мелиоранским при подготовке критического текста. Третья рукопись, хранящаяся в С.-Петербургском отделении института Востоковедения – рукопись за № С-145;

– в С.-Петербургской библиотеке им. С.-Щедрина хранится рукопись «Кысас ал-анбия» за номером ТНС-71.

– в библиотеке С.Петербургского университета хранятся рукописные копии «Кысас ал-анбия», списанные П.М. Мелиоранским в 1893 году в Лондоне с Лондонского списка, хранящегося ныне в Британском музее.

Из списков, принадлежащих частным лицам, известны только два списка. В частной коллекции Э.Р. Тенишева имеется список рукописи «Кысас ал-анбия». Дата изготовления копии и имя переписчика неизвестны. Сопоставив текст этой рукописи с текстом издания Н.И. Ильминского, Э.Р. Тенишев пришел к выводу, что «новый список Рабгузи представляется полным и по языку весьма старым, что, несомненно, должно учитываться при критическом издании сказания» (1983, 29-31). Второй список принадлежит писателю-литературоведу Ф.З. Яхину и представляет печатное издание конца XIX – начала XX вв.

III. Списки рукописей «Кысас ал-анбия», хранящиеся в Казани, – всего 20 списков:

1) наиболее многочисленная коллекция списков произведения Рабгузи хранится в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского при КГУ. В ОРПК НБ КГУ хранится 15 списков: №618, №619, №2130, №4183, №9т, №2408т, №2091, №2675, №447, №3738, №3787,

№1468, №4568, №3179, №3779. Из них только три списка полные (№619, №4183, №9т), остальные 12 списков являются неполными;

2) в архиве ИЯЛИ хранится 3 списка: №3571, №672, №5686. Из них лишь список за №672 полный и в хорошей сохранности;

3) в архиве ГИМТ хранится один список №1. Рукопись средней сохранности;

4) в отделе редких книг и рукописей Национальной библиотеки хранится один список за №571, фрагментарный и плохой сохранности.

Наибольшее количество печатных изданий «Кысас ал-анбия» находится также в Казани и хранятся они в фондах НБ КГУ. Это книги за №№ т7503, т0120338, т68716, т45463, т2290, т44604, т5283, т5284, т89118, т89117, т76134, т67375, т72999, т76140, т0101461, т0101462, т88084, т67388, т87653, т85151.

Печатные издания раннего времени не более полные. Книга, хранящаяся за №т76140 «Кыссаи Рабгузи», издана в 1859 году в типографии Файзуллина. В конце книги после заключительного стихотворения помещена следующая запись: «Ошбу «Кысас әл-нбийә» китабыны басдурмак әрәдемез улгач, ничә кадими иски китаблардин мөмкин улганча Татарстан кадими тиличә дөрестләһ ничә мөдәт билиг кылып, әүвәл мәртәбә Рәхмәтулла Әмирхан углы үз харәжәте ийлән укыганлардан хәйер дога үтенеп Казан университетынә басмаханәсендә табаг кылдурдым» «Когда задумали напечатать эту книгу «Кысас ал-анбия», собрали все возможные рукописи и, отредактировав на древнетатарский язык, издали на пожертвования Рахматуллы Амирхана, напечатали в типографии Казанского университета. Кто прочтет книгу, пусть помолится за Р. Амирхана». Имеется несколько переизданий этой книги (1859, 1891, 1899 годы), объемом 555 страниц, которые хранятся под номерами Т0101461, т0101462, т88084, Т67388, Т87653, Т85151.

Имеются и сокращенные редакции произведения, вплоть до того, что в 1909 году в типографии «Миллят» выходит «Кысас ал-анбия» под авторством Ахмета Джаудата объемом 34 страницы.

В 1992 году в изложении Ф. Яхина вышла книга «Пәйгамбәрләр тарихы» («История пророков»), которая является сборником вольно изложенных рассказов о пророках.

Сохранение большого количества списков рукописей и печатных изданий в местах проживания татар говорит о популярности произведения.

По признаку сохранности текста, списки выглядят так: полных – 2, почти полных – 9, ветхих, дефектных – 5, фрагментов – 2.

Регионы и места обнаружения списков «Кысас ал-анбия» Рабгузи: Лондон – 1 экз., Узбекистан – 11 экз., Санкт-Петербург – 2 экз., Пермская область – 2 экз., г. Касимов – 4 экз. На территории Республики Татарстан обнаружено 13 списков. Из них в Казани – 5 экз., в Актанышском районе – 1 экз., в Балтасинском районе – 2 экз., в Кукморском районе – 2 экз., в Нижнекамском районе – 1 экз. Два списка рукописи из библиотеки С.Вахида.

Относительно времени переписки прослеживается тот факт, что самые древние рукописи хранятся в Лондоне (1489 года), в АН Азербайджана (1552 года), в собраниях АН Узбекистана (список №10252 относится к концу XIV века, списки №1834 и №6685 – к концу XV века). Большинство списков, хранящихся в Узбекистане, относится к середине XIX в., реже к началу XX века. Казанские списки датируются началом XIX века, концом XIX – началом XX века.

Система социального заказа

Довольно интересен список №1468, представляющий фрагменты произведения «Кысас ал-анбия», написанные в обычной школьной тетради в линейку, состоящей из 23 листов. Видимо, тетрадь была представлена на цензуру для получения разрешения на издание этой книги, о чем свидетельствует надпись на титульном листе: «от тов. Ш. Хусаинова, 2400 экз.» и ниже: «Дозволено цензурой 29 апреля 1900 года». Далее на 22-ой странице в конце листа одна строка, на странице 22а – 7 строк, на странице 23 – 6 строк выделены в квадрат и перечеркнуты красной тушью.

Список №619 интересен тем, что был переписан четырьмя людьми: кое-где по полстраницы текст написан классическим стилем сулс опытной рукой. Остальные страницы написаны, видимо, шакирдами медресе, которые упражнялись в переписке книг. Однако каких-либо имен в рукописи не сохранилось. Список №9 т переписан Габдулджаном сыном Саттара, список №2091 – Максумом Сулейман Амир Гали. А список №447 содержит надпись: «Прочитавшая это Бибимамед дочь Вахасахаба». Список №4568 переписан Галиулла Гатауллой и был передан по наследству сыну, о чем свидетельствует надпись «Нижние Балтаси, Гатауллин Акрам, 1970».

О том, что списки переписывались учениками медресе, свидетельствует и список №672, переданный в архив ИЯЛИ из Казанской мечети. В содержимом рукописи прослеживается несколько стилей и почерков. На титульном листе списка имеются написанное в стиле настаалик имя переписчика Габдуршит бине Габделкарим и приветственное стихотворение родственникам.

«Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари

Написанный в XIV веке (1357-1358) «Нахдж ал-Фарадис» («Открытый путь в рай») Махмуда бин Гали ал-Булгари ас-Сараи представляет эпическое произведение объемом 444 страницы, имеющее богословско-дидактический характер.

Об изучении языка памятника. Интересующая нас проблема привлекала внимание отечественных и зарубежных тюркологов Ш. Марджани (Мәржәни, 1885), А.Н. Самойловича (1930), С. Вахиди (Архив 53-1, 26-43), Я. Кемаля (1930), Б. Яфарова (1949), Я. Экмана (Eckmann, 1956), Кеваметдина (Kivametdin, 1934), Э.Н. Наджипа (1971, 1969), Ш.Ш. Абилова (1977), Э.И. Фазылова (1966, 1971), Ф.Ш. Нуриевой (1993, 1999, 2002) и других ученых, в чьих трудах нашли отражение отдельные моменты исследования

данного памятника. Ценные и интересные результаты их исследований являются для нас важным источником при изучении языка памятника. Первые сведения о языке «Нахдж ал-Фарадис» дал историк Шигабутдин Марджани. При перечислении древних татарских литературных памятников он включает в их число и «Нахдж ал-Фарадис». Благодаря неустанным поискам талантливого ученого, историка С. Вахида, были обнаружены три списка рукописи «Нахдж ал-Фарадис». В неопубликованных записях (Архив 53.1.28) сохранились ценные мысли о значении памятника и о его языке. «Список является единственным источником, по которому представляется возможность изучить литературный язык и орфографию эпохи Золотой Орды и соотношение их с современным живым языком и орфографией современного татарского языка. В то же время по языку этого произведения можно судить о тех взаимоотношениях, которые существовали тогда между языками (Архив 53.1.23). Рукопись «Нахдж ал-Фарадис» как богатый источник, открывающий «древний период поволжского языка «турки», и как достоверный документ, доказывающий существование во второй половине XIV века вполне обработанного местного литературного языка в Золотой Орде, отличающегося от уйгурского и чагатайского наречия», является очень важным открытием. С. Вахиди, изучая списки произведения, пришел к такому выводу: в XIV веке в Поволжье существовал язык, отличный от уйгурского и чагатайского, который служил татарам Урала и Поволжья вплоть до революции 1905 года (Архив 53.1.27). Такого же мнения придерживались и литературоведы Г. Рахим и Г. Газизов (Рэхим, Газиз, 1924, 5).

Первая специальная работа, посвященная изучению жизни и творчества Махмуда ал-Булгари, принадлежит Б. Яфарову (Яфаров, 1949). Он, изучив литературу камско – волжских болгар, пришел к выводу, что «язык «Нахдж ал-Фарадис», имеющий элементы из древних диалектов, очень близко стоит к языку болгаро – татарских письменных памятников древнего периода. В

словарном составе «Нахдж ал-Фарадис» немало слов, являющихся исконно тюрко-булгарскими. Например: ирди, ирсэ, торыр, айде, уш, камуг, олуг, тикмэ, ялавыч, сөчү, дая, тэлим, ярлык, каравыш-карабаш, сарай, бик, тикди, тэмуг, чэмкэн и др. Эти слова являются также общими и для языков поэмы «Йосуф и Зулейха» (1210), «Нуры сыдур» (1542) и для языка эпиграфических письменных памятников булгар XIV века. Кроме того, в языке памятника мы встречаем большое количество кыпчакских элементов. В этом отношении «Нахдж ал-Фарадис» близок к таким литературным памятникам, как «Хосроу ва Ширин» (1342) Котби, «Джумджума» (1370) (Яфаров, 1949, 12 – 14).

В 1984 году вышел в свет I том шеститомника «История татарской литературы» (на татарском языке), он посвящен письменным памятникам древне- и средневековой татарской литературы, где имеется обзорная статья о памятнике, автором которой является Ш. Абилов (Татар әдәбияты тарихы 1984, 208-231).

В тюркологии специальное изучение языка памятника начинается с известных трудов А.Н. Самойловича, который непосредственно связывал язык памятника с историей казанско-татарского литературного языка Золотой Орды, в котором преобладают кыпчакские языковые элементы (Самойлович, 1926, 20), тем самым подкрепляя мысль Ш. Марджани о том, что язык «Нахдж ал-Фарадис» по сравнению с другими тюркскими языками более близок к татарскому.

В изучении этого памятника велика заслуга крымско-татарского ученого Якуба Кемая, который исследовал язык «Нахдж ал-Фарадис» по еще не известному в науке списку. Наследие этого ученого тем более ценно, что данный список позже был утерян. Якуб Кемаль о языке памятника писал следующее: «Аналитический разбор рукописи по предварительно установленным нами данным подтверждает наличие в составе ее различных языковых элементов. Кроме того, нельзя не учесть влияние, которое носил в себе автор, как воспитанник тех

культурных центров тюрко-мусульманского мира, где он имел возможность основательно изучить наряду с прочими арабский язык, как мы можем судить о том по его переводам. Влияние этой школы и его языка не могло не отразиться на литературной форме его труда. Также необходимо принять во внимание общую обстановку XIV в. в Джучиевом улусе и как стал развиваться здесь турецкий язык. Произведение «Нахдж ал-Фарадис» относим ко второму периоду среднеазиатско-турецкого литературного языка, т.е. огузо-кыпчакскому» (Кемаль, 1930, 26).

Э.Н. Наджип, известный ученый-исследователь тюркских языковых традиций средневековья, считает, что на обширной территории тюркоязычного мира от низовьев Сырдарьи и Северного Хорезма до Азербайджана, Крыма и мамлюкского Египта создавалась большая литература разнообразного содержания на смешанных тюркских языках... «Параллельно с кыпчакско-огузским языком на тех же территориях формировался и другой литературный язык, восходящий к карлукско-уйгурскому литературному языку периода караханидов... Этот язык, условно названный нами огузо-кыпчакским, относится к **d-δ-j** – группе тюркских языков. На этом литературном языке написаны «Хосроу и Ширин» Кутба, среднеазиатский «Тефсир», «Кысас Рабгузи» и «Нахдж ал-Фарадис» (Наджип, 1971, 56).

Эти высказывания об атрибуции языка памятника подтверждаются более современными исследованиями в тюркологии. Э.Р. Тенишев (1987, 133-137) в статьях, посвященных истории татарского литературного языка, связывает, например, появление таких письменных памятников, как «Кисекбаш китабы», «Бедавам» и также «Нахдж ал-Фарадис» непосредственно с поволжским регионом. Изучению языка памятника довольно большое внимание уделяется в трудах узбекских ученых. Языковые факты произведения, наряду с другими памятниками среднеазиатского литературного языка, нашли довольно последовательное отражение в сводных трудах

словарного или структурно-грамматического характера таких ученых, как Э. Фазылов (1966, 1971 Т. I, II), Ш. Шукуров (1986) и другие. В вопросе языковой атрибуции эти ученые склонны рассматривать памятник на более широком фоне среднеазиатско-хорезмийских памятников. Этой точки зрения придерживается и татарский ученый, академик М.З. Закиев. По его мнению, «до XV века старотюркский письменный язык был общим для всех тюрков, живших в Караханидском государстве, Волжской Булгарии и сельджукском объединении, Золотой Орде, Дешт-и-Кыпчаке, и памятники X-XV вв., именуемые старотюркскими, должны быть поэтому признаны общим достоянием и стать предметом изучения при исследовании истории литературы и языка всех тюркоязычных народов (кроме чувашского и якутского)» (Закиев, 1981, 140-141).

В изучении языка памятника внесли лепту и зарубежные тюркологи такие, как Я. Экман, Зеки Велиди, Е. Блоше, В. Киваметдин, Ф. Кепрюлю-Заде и другие. Я. Экман опубликовал текст памятника на основании стамбульского списка. Ахмед Зеки Велиди (Velidi 1926, II), опираясь на стамбульский список памятника высказал интересные мысли по лексическому составу памятника. Не проводя специального языкового анализа и учитывая лишь расставленные хараке, он предположил что эта рукопись написана с начала до конца жителем Хорезма. Свой довод З.Велиди подтверждает тем, что автор в своем труде ссылается исключительно на ученых-богословов среднеазиатского происхождения. Здесь нет ничего удивительного, потому что Средняя Азия в этот период являлась общепризнанным центром богословия. И мы должны считаться с фактом, что ни в Хорезме, ни в Средней Азии не найдены списки этой рукописи.

Профессор М. Фуад Кепрюлю-Заде, присоединяясь к мнению З.Велиди, связывает происхождение данного памятника с Хорезмом (Köprülü, 1926, 344-345).

Как видно из историографического анализа, приведенного выше, наметились две тенденции в языковой атрибуции

исследуемого нами памятника: татарские исследователи, такие, как Ш. Марджани, С. Вахиди, Б. Яфаров, связывают появление памятника непосредственно с Поволжским регионом и считают, что по языку «Нахдж ал-Фарадис» существенно отличается как от уйгурского, так и от чагатайского, и свидетельствует о существовании в Поволжье в ту пору «обработанного варианта местного литературного языка». Примерно такой же точки зрения придерживаются такие ученые, как А.Н. Самойлович, Э.Н. Наджип, которые отмечают преобладание кыпчакских элементов в языке памятника. Существует и несколько иная точка зрения, проводимая в частности в трудах Э.И. Фазылова. В двухтомном словаре, составленном на основе памятников XIV века «Гулистан бит-турки» Сайфи Сараи, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба и «Нахдж ал-Фарадис», по определению Э. Фазылова, памятник как «Один из важных источников чагатайской (староузбекской) литературы непосредственно связан с хорезмийской эпохой» (Фазылов, 1971, 9).

Хотя мы считаем, что нет здесь прямого противоречия, ведь Хорезм входил в состав Золотой Орды, но детальное исследование языка памятника дает нам больше повода непосредственно связывать появление памятника именно с Поволжским регионом, и наша позиция при исследовании языка памятника приближается к точке зрения исследователей первой группы (Ш. Марджани, С. Вахиди, Б. Яфаров, Э.Н. Наджип и др.), считавших наиболее вероятным регионом появления памятника Поволжье и определявших язык произведения, как кыпчакизированный вариант золотоордынско-хорезмского языка, т.е. близкого предшественника старотатарского литературного языка. Нам представляется справедливым также следующее мнение Э.Н. Наджипа: «Решая вопрос о происхождении произведения, нельзя также не учитывать того, что «Нахдж ал-Фарадис» в дальнейшем получил широкое распространение именно среди татар Поволжья» (Наджип, 1971, 59).

Действительно, произведение Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис» оказалось в числе памятников письменности, представляющих историческое звено между письменнo-литературным языком Поволжья, который подавляющим большинством исследователей характеризуется как общетюркская письменная традиция, и периодом зарождения регионального старотатарского языка.

Списки рукописи «Нахдж ал-Фарадис». Почти все списки известны исследователям и отчасти описаны в работах С.Вахиди (неопубликованные труды), Б. Яфарова, Я. Кемаля, З. Тогана, Я. Экмана, Я. Блоше, Э.Н. Наджипа, новонайденные списки описаны Ш. Абиловым¹.

Пункты сохранения.

1) В зарубежных странах:

а) во Франции – один список хранится в Парижской национальной библиотеке (E.Bloch, 1933, 132). Этот список не имеет начала и конца и не содержит данных об авторе;

б) в Турции – один список за №879. Обнаруженный в Турции, этот список является самым древним сохранившимся списком – переписан в 1360 году. Этот один из полных (4баб и 40 фаслов) и хорошо сохранившихся списков более известен и широко привлекаем в тюркологических исследованиях.

2. Списки, хранящиеся в архивах книгохранилищ СНГ:

а) в Санкт-Петербурге – 3 списка (в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН хранятся две рукописи за №B2590 и №A1085. Эти списки были найдены С. Вахиди на территории Татарстана и подарены им в 1934 году Институту. Третья рукопись хранится за №4310 и является сборником прозаических и исторических рассказов, а произведение «Нахдж ал-Фарадис» представлено лишь отдельными сюжетами);

¹ Полную информацию о списках рукописи «Нахдж ал-Фарадис» можно найти в монографии Нуриевой Ф.Ш. «Нахдж ал-Фарадис Махмуда ал-Булгари». – Казань, 1999. – С. 20-28.

б) в Уфе – 1 список;

в) в Казани – шесть списков:

1) в ОРКР НБ КГУ хранятся 3 списка: №6026, №т2257, №3060. Список №3060 был найден в 1928 году С.Вахиди на территории современного Алексеевского района. Список №6026 принадлежал профессору Ф. Готвальду, а затем был подарен его наследником библиотеке Казанского университета. Рукопись Т2257 поступила в университет летом 1968 года;

2) в архиве ИЯЛИ АН РТ – один список под №Ф39188 (фонд 39, опись 1, ед. хран. 88), найденный сотрудником ИЯЛИ в Ульяновской области;

3) в библиотеке Казанского государственного педуниверситета за №121000 хранится рукопись 1772 года переписи, в довольно хорошей сохранности. Еще около 5 списков, известных в прошлом, оказались утерянными в настоящее время.

По признаку сохранности текста имеющиеся списки выглядят следующим образом: полных списков – 3 экз., почти полных – 2 экз., фрагментарных (в составе сборников, объем текста до 40 л.) – 6 экз.

По регионам и местам обнаружения списков «Нахдж ал-Фарадис»: в Татарстане – 6 экз., в Уфе – 1 экз., в Астрахани – 1 экз., в Ульяновске – 1 экз., в Турции – 1 экз. Значительная часть списков «Нахдж ал-Фарадис» обнаружена в пределах республики Татарстан: г. Казань – 1 экз., Алькеевский район – 2 экз., Мамадышский район – 1 экз., Бавлинский район – 1 экз., Буинский район – 1 экз.

Относительно времени переписи списков рукописи можно сказать, что большая часть датированных списков, хранящихся в коллекциях г. Казани, относится к рубежу XVIII – XIX веков, а список профессора Ф. Готвальда датируется XVII веком.

Система социального заказа

В заключении самого древнего Стамбульского списка 1360 года имеется приписка, в которой указана дата завершения снятия

копии Мухаммедом ибн Хосров ал-Хорезми, но не содержится никакого указания на имя автора и на место написания труда. Этот список был обнаружен Зеки Велиди Тоган в 1923 г. в Стамбуле в библиотеке при мечети Яни Джамии. Из приписки, в конце первой страницы, мы узнаем, что данная рукопись находилась в Египте, в библиотеке Мухаммад бей, сына Абу-Саида Чакмака (1437-1445), на 3, 216 и 444 стр. рукописи сохранилась вакуфная печать Султана Ахмедхана газы султан Мехмед хана. Когда и как попала она в дальнейшем в Турцию, точно не известно. Однако можно все же предположить, что она попала в Египет из Сарая в период интенсивной связи Золотой Орды с Мамлюкским Египтом. Факт нахождения рукописи в Египте говорит в пользу поволжского или крымского происхождения списка Яни Джамии. На 443 странице этого списка имеется приписка: «Эта книга завершена в семьсот шестьдесят первом году шестого дня в благословенном богом месяце Джумади ал-аввал. Окончена рано утром. Да еще составитель этой книги из тленного мира переселился в мир вечности в упомянутое воскресение». Речь идет о времени, когда было завершено снятие данной копии переписчиком Мухаммедом ибн Хосроу ал-Хорезми и точная дата смерти автора произведения.

В конце второй древней рукописи, обнаруженной в 1928 году на территории Крыма сотрудником экспедиции Ялтинского объединенного краеведческого музея Якубом Кемалем, имеется дата снятия копии и имя переписчика «написал ее Касым сын Мухаммада в месяце Рабиг алахир в 792 году (соответствует 1390 г. н.э.). На первой странице вклеенного листа рукописи была надпись на арабском языке, перевод таков: «эта книга «Нехджуль-Ферадис», написанная в месяце Рабиг ал-ахир 792 г. Собственник и владелец ее Мухаммед-шах сын Бахадыра, настоящее время 1176 год месяц шахбана 23 дня под вечер». На основании этой записи

можно установить, что рукопись уже в XVIII в. находилась в Крыму¹.

Книга «Нахдж ал-Фарадис» служила учебным пособием. Как отметил С.Вахиди, «... особенно первые две главы книги при изучении истории пророков и праведных халифов в старое время в татарских медресе служили шакирдам учебником, а мударрисам и хальфам – руководством (Вахидов ф.5, л.7).

Хранящаяся в Казанском педуниверситете рукопись под №121000, относится к 1185 г. хиджры (1771-1772) и содержит данные о переписчике. Переписчик Файзулла Джафар сообщает, что данную рукопись он переписал за один рубль для своего учителя Семемджана муллы сына Дустмухаммеда.

Предположение о том, что рукописи целенаправленно переписывались шакирдами для учеников медресе и богословских служителей подтверждается записью в рукописи Т2257: «Копия снята в 1856 году Хабибуллой для меллы Ахмед бин Мухтар». А в конце рукописи Ф39188 (хранящейся в ИЯЛИ) читаем: «Переписчик мелла Рахматулла мелла Бахтияр мелла Али бин мелла Искандар третьего дня июля 1136/1723 г. в деревне Тережка закончил эту книгу».

«Нахдж ал-Фарадис» («Открытый путь к раю») Махмуда бин Гали ал-Булгари ас-Сараи представляет эпическое произведение объемом 444 страницы, имеющее богословско-дидактический характер. Этот ценный памятник, со времени создания которого прошло 646 лет, дошел до нас в 11 списках. Подлинник отсутствует. За основу исследования был избран стамбульский список. Язык рассматриваемой копии ценен тем, что она выполнена в XIV веке. Как известно, круг письменных источников, написанных или переписанных в XIV веке, весьма узок. Он является одним из полных списков (4 главы и 40 разделов), нам более известным, широко привлекаемым в тюркологических исследованиях. В заключении рукописи имеется приписка: «Бу

¹ Данная рукопись в настоящее время утеряна.

китап тәмам болды тарих йети йүз алтмыш бирдә шәхрүллахул мөбарәк жумади әл-әүвәл айының алтынч күнендә әрди кем китабати кушлук вахтында тәмам болды. Тәкый бу китапның мусаннифы мәзкүр йәкшәнбә күн дәрул фәнадин дәрул бәкага рихлат кылды». «Эта книга завершена в семьсот шестьдесят первом году шестого дня в благословенном богом месяце Джумади ал-аввал. Окончена рано утром. Да еще составитель этой книги из тленного мира переселился в мир вечности в упомянутое воскресенье» (443-444). В этой приписке указана дата завершения снятия копии Мухаммедом ибн Хосроу ал-Хорезми. Особая ценность этой приписки заключается в том, что она сохранила точную дату смерти автора этого произведения.

В четырех списках имеются взаимодополняющие данные об авторе памятника: *žämiy qylдиçу әл-җалим әр-раббан: вә әл җалим ас-самадани әл уstad әл mutлаq Mäxmüd bin җали bin аs-Sarai mänä ән бу ul Bol җари tualladan вә ul Kәrdari*. Бесспорным является факт рождения автора в г. Булгаре и то, что он жил и творил в г.Сарае. Третий тахаллус – «Кердер» вызывает спор. Я. Кемаль допускает, что Кердер – это один из известных городов Хорезма (Кемаль, 1930, 11). Э.Н. Наджип связывает происхождение автора с казахским родом Курдер (Наджип, 1971, 63). Б. Яфаров высказывает мнение, что это мог быть пригород Булгара – Кардар, основываясь на том, что во многих текстах слово «Kard» употребляется со словом Булгар (Яфаров, 1949, 70). Слово Кард Булгар упоминается в книге Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар», в Санкт-Петербургском институте востоковедения под шифром 344 хранится стихотворение, в котором на персидском языке восхваляется Кард Булгар.

Введение в научный оборот этого ценного памятника представляется очень важным как для филологов, так и для исследователей истории развития социально-философской мысли Поволжья.

В книге «Нахдж ал-Фарадис» зафиксирован богатый библиографический материал – труды мусульманских богословов использованные автором М. Булгари в своем произведении. В литературном памятнике всего было использовано 20 книг: «Масабих» имама Багави, «Тафсир» имама Калабази, «Машарик ал-анвар» имама Сагани, «Нисабул ахбар» имама Абу ал-Уши, «Кензул ахбар» имама Мухаммада в Башправия, «Шихабул ахбар» имама Абу Абдуллы Куда и «Мавакыйт» имама Абдуллы Сарахси, «Ихъя голум ад-дин» имама Газали, «Танбиятул-гафилин» имама Абу Лейси Самарканди, «Сахих» имама Бухари, «Сахих» имама Муслима Нишабури, «Джами» имама Абу Иса Тирмизи, «Муснади ан-нас» Шабган Махди, «Тафсир» имама Абул Магали Мухаммад Испиджаби, «Мужтала» имама Зайнулла Имаматид Фардауси, «Тафсир» имама Исбихани, «Кашшаф» имама Жаруллы аз-Замахшари, «Кутал-кулуб» имама Абу Талип Мекки, «Магази» имама Вакыйди, «Магази» имама Мухаммада Катиба.

Попытаемся выяснить, что явилось для автора «Нахдж ал-Фарадис» определяющим при подборе источников и выявить их наличие в архивах Казанских книгохранилищ.

Махмуд Булгари чаще всего (а именно 13 раз) обращается к хадисам и изречениям из книги имама Багави «Масабих». Сам Бахави ал-Хусейн Абу Мухаммад ибн ал-Фарра был знатоком хадисов, автором толкования Корана, старонником мазхаба имама Шафиги. Родился в местечке недалеко от Герата, умер в 1112 году в Мерве.

В тексте встречается труд знаменитого суннитского мухаддиси Мухаммеда ал-Бухари «ас-Сахих», составлению которого он посвятил шестнадцать лет. Махмудом Булгари употреблено краткое название, полностью свод называется «ал-Джамиг ас-Сахих». Согласно преданию из 600 тысяч передававшихся в то время хадисов лишь 2762 он счел достоверными и включил в свой труд, впервые сгруппировав их по определенным темам.

Данный принцип построения позволил ал-Бухари существенным образом расширить круг преданий: включить хадисы разнообразного содержания – юридические, исторические, биографические, этические. При написании сочинения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуд Булгари воспользовался композицией сочинения. «Сахих ал-Бухари» был очень популярен в Поволжском регионе, о чем свидетельствуют многочисленные списки, сохранившиеся в ОРР КНБ им.Лобачевского под шифрами Т 1274, Т 1503, Т 2989, Т 1744, Т 1276, Т 1385 и др.

«Сахих» Муслима в тексте «Нахдж ал-Фарадис» использован два раза. Автор свода хадисов «ас-Сахих» наравне со сводом хадисов его современника ал-Бухари считается у мусульманских традиционалистов и правоведов одним из самых авторитетных среди аналогичных трудов. В Казани в ОРРК НБ КГУ сохранился список (Т 2705), который был переписан в Бухаре в 1456 году, и составляет 790 страниц.

Научный труд имама Газали «Ихъя голум ад-дин» цитировался в тексте «Нахдж ал-Фарадис» шесть раз. Абу Хамид Мухаммад бин Мухаммад ат-Туси ал-Газали (1058-1111) крупнейший теолог, философ, факих, шафи ит, ученик знаменитого аш-шариата ал-Джувейни. «Ихъя» состоит из четырех рубаг – четвертей, а каждый рубаг, в свою очередь, включает десять книг. Первый рубаг называется «Ибадат» («Обряды»), в нем трактуются вопросы культовой практики. Во втором рубаге «Абадат» («Обычаи») обсуждаются социально значимые обычаи. В третьем рубаге «Мухликат» («Погубители») говорится о пагубных чертах характера. Четвертый рубаг «Мунджихат» («Спасатели») повествует о совершении добрых дел, ведущих к спасению. Махмуд Булгари построил свой «Нахдж ал-Фарадис» по образцу «Ихъя голум ад-дин» Газали. Ведь не случайно Сейиф Сараи использовал название произведения ал-Газали «Кимийа саадат» в качестве синонима мнимого счастья в представлении суфиев – «Философский камень счастья». В архивах ОРРК НБ КГУ хранится 4 списка сочинения ал-Газали «Ихъя

голум ад-дин»: 5628, 5629, 5630, 3657, представлены рукописи и других трактатов имама Газали.

В памятнике встречается труд известного факиха, приверженца ханафитского мазхаба Абул Лейси Самарканди «Танбиятул гафилин». По утверждению Б.Яфарова, автор «Нахдж ал-Фарадис», помимо хадисов, перевел множество хикаятов из этого сочинения. В архивах ОРК НБ КГУ имеется четыре списка данного произведения: Т 2622, Т 2332, Т 1852, 3653.

Хадисы из книги имама Абул Галя ал-Уши «Нисабул ахбар» цитируются пять раз. Али бин Усман Мухаммад бин Сулейман Абу Мухаммад Сиражетдин ат-Тими ал-Уши ал-Ханфори (1173) создал большое количество трудов «Бейдгаи Амени», «Ал-Фатави ас-Сиражия» и др. В ОРК НБ КГУ сохранено пять списков произведения «Нисабул-ахбар» Т 2343, Т 2472, Т 2533, 3664, 3198, что подтверждает популярность сочинения среди татарского народа.

Махмуд Булгари дал ссылку на ал-Калабази Абу Бакр Мухаммед бин Исхак ал Бухари, Факиха, сторонника ханафитского мазхаба. Абу Бакр родился и жил в квартале Калабаз (предместье Бухары), умер в 990 году. Из трудов Калабази более известны «Магани ал-ахбар» и «Тагаруф» (полное название «Ат-тагаруф ли мазхаб ахл ат-тасаввуф»). «Тагаруф» высоко ценился последующими поколениями суфиев; в частности, Шайх Йахйа ах-Сухраварди ал-Мактул (умер в 1191 году) заметил: «Если бы не «Тагаруф», мы не знали бы суфизм» (5).

Источниками при написании книги, кроме вышеназванных, служили сочинения имама Абул-Магали Мухаммед Испижابي «Тафсир», имама Муслима Нишабури «Сахих», имама Мухаммед ибну Башравия «Канзул-Ахбар», Абу Абдуллаһ Кузаги «Шихабул-Ахбар», имама Габдуллаһи Сарахси «Мафакыйт» и имама Шабгаи ибну Махди «Муснаду Анас».

В заключение (хатиме) переписчик называет и другие источники, которыми пользовался Махмуд Булгари при написании своей книги: «Составитель этой книги (Махмуд

Булгари) говорил так, комментарии к тефсирам (толкованиям) основаны на книгах имама Джаруллахил-алама «Кашшаф», имама Абул-Магалий Испейхани «Тафсир». В начале каждой главы приводятся хадисы пророка Мухаммеда и названия книг, откуда они цитированы, передатчиками являются ученые и шейхи, которые использовали книги имама Абу Талиби Мекки «Кутул-Кулуб», Зайнулаиматил Фирдауси «Мужтала» и комментарии к тексту «Мужтала», имама Вакыйди «Магази» и имама Мухаммеда Катиба «Магази». Одно лишь перечисление авторов этих трудов наглядно демонстрирует степень осведомленности автора в области богословско-теологической литературы. В то же время анализ источников, вовлеченных в круг интересов Махмуда Булгари, помогает раскрыть характер распространения, развития трудов восточных философов, ученых в Поволжском регионе и их роль в формировании общественной мысли XIV в.

Как показали наши поиски, некоторые из упомянутых в тексте сочинений имеются в книгохранилищах г. Казани. Как наследие средневековой литературы книга «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари играет важную роль в изучении истории общественной мысли средневекового Поволжья, помогая раскрыть духовное развитие народов нашего региона.

«Дастан Джумджума» Хусама Кятиба

Легенда о Джумджуме очень распространена в восточной литературе. В XII веке на этот сюжет писал персидский поэт Фарид ад-дин Аттар. Хусам Кятиб, используя сюжет этой поэмы, в 1369 году создает поэму «Джумджума султан». Хотя сохранены общие черты легенды, исследователи В.Жуковский, Е. Бертельс считают, что поэма не перевод, а полная самостоятельная разработка известного сюжета (Бертельс, 1939, 272). Сюжет

произведения составляет исповедь черепа, принадлежавшего султану.

О степени изученности поэмы. В изучение поэмы Хусам Кятиба значительный вклад внесли такие известные тюркологи, как И.Н. Березин, Т. Флейшер, С.Н. Эргун, М.Ф. Купрюлюзаде, Е.Э. Бертельс и другие. В их работах рассмотрены особенности языка поэмы, эпоха её написания. Так, Е.С. Бертельс считает, что произведение «Джумджума султан» создано в эпоху Золотой Орды. Сведения о личности автора, к сожалению, до настоящего времени не дошли. Однако в своей работе Е.Э. Бертельс подтверждает поволжское происхождение данного памятника, а язык поэмы определен исследователем как «довольно чистый кыпчакский язык» (Бертельс, 1939, 272).

М.Ф. Купрюлюзаде также отмечает, что язык поэмы Кятиба является «явным творением кыпчакской группы языков» и эта поэма достойна большого внимания (Körgülü, 1926, 362).

Начиная с 60-х годов XX столетия, в процесс исследования языка памятника как в литературоведческом, так и в языковедческом плане активно включились татарские ученые, такие, как Дж. Алмаз (1996, 41-56), Ш. Абилов (1968, 231-246), Х.Й. Миннегулов (1992 63-70; 1993 158-162, 179) Р.М. Амирханов (1993 20-22), Р.Ф. Исламов (1998, 68-73), А.М. Шарипов (2001, 254-310). Достаточно много сведений о памятнике содержат академические издания по истории татарской литературы (Борынгы ... 1963, 1999). Из татарских языковедов Х.Р. Курбатов в своей работе «Язык, стиль, метрика и строфика в татарской поэзии» затрагивает вопросы поэтики, языка и стиля поэмы. Ученый подчеркивает, что среди средневековых тюркоязычных памятников произведение Хусам Кятиба отличается тем, что в нем кыпчакские элементы преобладают над огузскими, а язык произведения очень близок к татарскому языку. «Һәрхәлдә, төрки халыкларның гомуми әдәби ядкярләре арасында Хусам Кятиб әсәре бүгенге татар теленә иң яқыны дияргә була (Курбатов 1984, 66)». Диссертационная работа А.И. Исламовой посвящена

системному описанию языка памятника. Так, А.И. Исламова считает, что письменный памятник «Джумджума султан» содержит в себе кыпчакско-огузскую основу и проявляет большое сходство с языком старотатарских литературных произведений и с другими памятниками кыпчакско-огузского типа языков XIV столетия (Исламова, 1998, 2).

В настоящее время в распоряжении исследователей имеется 26 списков рукописи, из них 18 находится в книгохранилищах г. Казани, в фонде Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения хранятся три списка этого произведения (Дмитриева, 1980, 73), три – в Башкирском научном центре УО АНР и в архиве (Исламова, 1998, 5), в парижской Национальной библиотеке – один список (Blochet, 1933, 114) и в хранилище рукописей АН Узбекистана еще один список этого произведения (Собрание восточных рукописей..., Т.VII, 1964, 105).

Коллекция списков рукописи «Джумджума султан» Кятиба

Пункты сохранности.

1. Списки, находящиеся в зарубежных книгохранилищах:

а) в Дрезденской библиотеке.

2. Списки, хранящиеся в библиотеках СНГ:

а) в С.-Петербурге – 3 списка;

б) в Уфе – 3 списка;

3. Списки, хранящиеся в архивных фондах Казани – 18 списков:

а) в ОРКР НБ КГУ зарегистрировано 13 списков произведения под номерами: №1971т, №2050, №2529, №2528т, №2538т, №2539т, №2540т, 3705т, №3706т, №4374т, №4460т, №4461т, №4063. Наиболее полные варианты поэмы в списках: №1971, №2539, №3705, №4460, остальные списки либо содержат только фрагменты произведения, либо в них много дефектов (много пропусков строк или даже отсутствуют отдельные фрагменты поэмы);

б) в фонде рукописей ИЯЛИ – четыре списка: №1, №375, №552, №4156 в коллекции №39, опись №1. Список №1 является самым полным и ранним из всех хранящихся в Казани;

в) в ОРКР Национальной библиотеки Республики Татарстан имеется один список под №568т, который, если не учитывать ряд дефектов, мог бы считаться наиболее полным.

География распространения рукописей по регионам и областям выглядит следующим образом: найденные на территории Татарстана – 6 экз. (Алексеевский район – 1, Алькеевский район – 1, Актанышский район – 2, Апастовский район – 1, Буинский район – 1, Дрожжановский район – 1, Кукморский район – 1); на территории Российской Федерации; Сергачевский район – 1 экз., Пермская область Октябрьский район – 2 экз., Свердловская область Ачитский район – 1 экз., Горьковская область Октябрьский район – 1 экз., Мордовия Темпековский район – 1 экз.

Большинство хранящихся в Казани списков не сохранили дату переписки, датированные же списки относятся к началу XIX века: список «1971 – 1816 года, №4374 – 1823 года, №4460т – 1827 года, №552 – 1817 года, а список, хранящийся в ИЯЛИ за №1 является наиболее ранним – 1797 год переписи.

Система соцаказа

Самый древний и полный список «Кисекбаш китабы» – список №1, хранящийся в отделе рукописей и редких книг ИЯЛИ, сохранил в начале рукописи запись на арабском языке названия произведения «Джум-джума», а на последней странице текста указана дата составления поэмы – 1367 год и автор – Хисам Кятиб. Список №1971 составлен учеником медресе в деревне Атар Сергачевского уезда (л.14).

Список №4374т на листе 105б содержит запись, из которой мы узнаем, что составителем сборника был кятиб (секретарь) Бикмухаммед бин Амирхан бин Чыкмурза. А список №4460т был составлен Ибрагимовым Фазлуллой и хранился у его сына Ибрагимова Ахмета, у которого и была приобретена данная

рукопись. Список №552 был составлен Сайфутдиным бин Муртаза Пешляви, а список №4156 был переписан Муллою Баты. Рукопись №568т содержит запись о том, что автор списка Гатиатулла бин Назмутдин имел отношение к медресе Тазетдина бин Сайфутдина.

«Кисекбаш китабы»

Этот ценный памятник в общелингвистическом плане исследован Я.С. Ахметгалаевой (1979). Я.С. Ахметгалаева считает, что дастан «Кисекбаш китабы» создан не ранее XIII и не позже XIV века в Поволжье и представляет собой небольшое по объему поэтическое произведение, имеющее характер легендарного «жития».

Жанр произведения определен Я.С. Ахметгалаевой как дастан. Сам автор также называет его дастаном «Сүзләгәем бер хуб изгү дастан» («Расскажу я хороший дастан»), иногда называется «Книгой о Кисекбаше», а иногда «Кысса-и Кисекбаш». А. Шарипов, исследователь зарождения стихотворных жанров в тюрко-татарской литературе, отмечает, что «в XIII-XIV веках среди жанровых названий стихотворных произведений лиро-эпического характера царил разнородность: «кысса», «дастан», «наме», «рисале», «хикаят», «китаб» и др. Частенько эти термины использовались как синонимы, между ними не были установлены жесткие границы» (Шарипов, 2001, 255).

Отдельные аспекты изучения «Кисекбаш китабы», проблемы языка, стиля стихосложения освещены в работах Ш. Марджани, Г. Газиза и Г. Рахима, М. Гали, Х. Вали, Х.Р. Курбатова, Э.Н. Наджипа, Э.Р. Тенишева, Ф. Яхина. Исследователи отмечают смешанный характер лексики и морфологии, что язык «Кисекбаш китабы» сближается с языком старотатарских литературных произведений и языком памятников кыпчакско-огузского типа (Ахметгалаева, 1979, 121).

До сих пор продолжается выяснение авторства этого произведения и дата написания (об этом смотри: Яхин, 2000, 26-31). Сюжет «Кисекбаш китабы» является благодатным источником вдохновения для новых творческих работ в татарской литературе и искусстве.

Коллекция списков рукописи «Кисекбаш китабы»

Пункты сохранности.

1) Списки, хранящиеся в зарубежных книгохранилищах:

а) в Баку – 1 список.

2) Списки, хранящиеся в книгохранилищах СНГ:

а) в С.-Петербурге – 10 списков;

б) в Москве – один список.

3) Списки, хранящиеся в архивных фондах Казани, – всего 36 списков:

а) в фондах ОРКР НБ КГУ – всего 18 списков: №т403, №4834, №т695, №т2314, №т2591, №т3759, №3760, №3761, №3762, №3763, №3764, №3765, №т4043, №4100, №4374, №4384, №4386, №3609. Из всех списков лишь четыре списка полные (№т695, №3764, №3765, №4374), оставшиеся списки неполные или фрагментарные;

б) в архиве ИЯЛИ (коллекция №39, опись №1) – 13 списков: №55, №791, №299, №2274, №2444, №2445, №2466, №2479, №2490, №2674, №2785, №3528, №3609. Из них пять списков полные: №791, №299, №2274, №2445, №2490.

О географии распространения рукописей «Кисекбаш китабы» можно сказать следующее: списки, хранящиеся в Казани, в основном найдены на территории Татарстана (Казань – 1 экз., Азнакаевский район – 3 экз., Актанышский район – 2 экз., Апастовский район – 2 экз., Арский район – 2 экз., Кукморский район – 1 экз., Лениногорский район – 3 экз., Минзелинский район – 1 экз.), на территории Российской Федерации: в Касыйме – 4 экз., в Пермской области – 2 экз., в Тюменской области – 1 экз. Петербургские списки приобретены в Поволжье участниками археографических экспедиций.

Следует отметить, что не у всех списков имеются даты переписки. Списки, где даты указаны, относятся к началу или концу XIX века.

Система соцзаказа

Прослеживается тот факт, что лишь в полных списках «Кисекбаш китабы» сохранились данные о переписчиках или прежних владельцев. Так, список №т695 содержит надпись «Это написал Габдулхак»; список №3764 – «Это написал Габдулла», а в списке №4374 имя переписчика смазано и сохранена лишь дата переписки – 1823 год. Относительно списков, хранящихся в ИЯЛИ, сохранилась запись о прежнем владельце списка №791: «Тетрадь шакирда, учащегося у Мухаммадфазиля, сына Гыймазетдина Котлубаева в медресе при второй мечети деревни Кисекбаш». Данные о переписчиках имеются в списках №2444 – «написавший это Камар Шариф сын Мамадрахима Ахмедша из деревни Иске Карам», переписчик списка №2445 – Шахнур бин Хайрулла, а список №2490 был составлен Габделбадигом сыном Хасана в 1885 году, имя же переписчика списка 3690 мы узнаем из заключительного стихотворения: отрок Субаш сын Насыбуллы.

Как показывает обзор исследуемого материала произведение «Кисекбаш китабы» пользовалось большой популярностью и у учащейся молодежи.

§ 2. Характеристика памятников светского характера «Хосров и Ширин» Кутба

«Хосров и Ширин» Кутба считается вольным переводом одноименного поэтического романа азербайджанского поэта Низами, написанного на персидском языке. Рукопись состоит из 280 страниц по 42 стихотворные строки на странице и разбита на 90 глав. Оригинал не сохранился, единственная дошедшая до нас рукопись была переписана и составлена в 1383 году в мамлюкском Египте, в Александрии, Берке Факихом. Переписчик – выходец из Поволжья,

кыпчак. В конце рукописи имеется 51 байт автобиографического характера, написанный самим переписчиком. Произведение завершено в 1342 году и посвящено золотоордынскому хану Тенибеку и его жене. Первые сведения о поэме Кутба в научном мире относятся к 1913 г., когда на страницах периодической печати появилось сообщение о ценной находке в Национальной библиотеке в Париже. Рукопись поэмы хранится в Ancien Fond под №312. С этого времени начинается изучение рукописи, снятие копий ценного во многих отношениях памятника. Одним из первых, обративших внимание на поэму, является М. Купрюлюзаде. Он определил язык поэмы как смешанный огузско-кыпчакский литературный язык Золотой Орды XIV в. (Kürülü, 1926, 358). Вопрос о языке рассматривался и в работах А.Н. Самойловича (1928, 6). Первым специальным филологическим исследованием, посвященным Кутбу и его поэме, является кандидатская диссертация литературоведа А. Тагирджанова «Хосров и Ширин» Кутба» (Тагирджанов, 1946). Для науки большую ценность представляет его труд «Тарихтан – эдэбиятка», в котором также отведено существенное место исследуемому памятнику. Основываясь на результатах исследования (использование слова «сала» вместо «авыл», употребление послелога «ката», наличие форм «баргу», «кылгу») ученый считает Кутба выходцем из татаро-мишарской среды (Тагирджанов, 1979, 107-109).

В изучении памятника особо следует отметить труды известного польского ученого академика А. Зайончковского. В 1958 г. А.Зайончковский публикует транскрипцию на латинской графике, факсимиле текста, а в 1961 г. – словарь тюркской части лексики поэмы. В работе за основу взяты факсимиле рукописи и транскрипция текста на латинской графике, опубликованные ученым А. Зайончковским (Zajackowski, 1958, I, .304, 1958 – II 238). Велика заслуга в изучении памятника крупного ученого-исследователя Э.Н. Наджипа. На материале «Хосров и Ширин» Кутба им составлен I том «Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV века (Наджип, 1979, 479). Это

фундаментальное исследование посвящено основательному анализу лексического состава и отчасти морфологических особенностей памятника «XIII». Языковые особенности исследуемой поэмы отражены в многочисленных статьях ученого (Наджип, 1957, 77-88; 1966, 80-91), как считает Э.Н. Наджип, язык памятника по характерным морфологическим и лексическим признакам следует назвать огузо-кыпчакским, испытавшим сильное влияние уйгурской литературной традиции, уйгурского книжного языка (Наджип, 1979, 103).

В изучение языка поэмы внесли свою лепту и узбекские ученые, такие, как Э. Фазылов (1966, 1971), Б. Валихожаев (1964), Ш. Шукуров (1971) и др., которые рассматривают памятник на более широком фоне среднеазиатско-хорезмийских памятников. Из казахских ученых Б. Сагындыков провел сравнительный анализ лексики тюркоязычных памятников XIV века, где наряду с поэмой «Хосров и Ширин» Кутба анализу подвергается «Мухаббат-наме» Хорезми и «Гулистан бит тюрки» Сейифа Сараи (Сагындыков, 1977).

В последние годы в Турции издан труд Н. Хаджименоглу «Kutb'un Husrev ü Şirin'i ve dil hususiyetleri», в котором автор публикует полный текст памятника и проводит анализ языковых особенностей (Nacieminoglu, 2000, 477).

Значительный вклад в исследование творческого наследия Кутба внесли и татарские ученые. Под редакцией Х.У. Усманова был издан полный текст «Хосров и Ширин» на арабской графике (Книга рассказов ... 1970; 1971).

В исследованиях ученого Хисамова Ш.Н. рассматривается социально-философская проблематика творчества поэта и отмечается, что сочинение Кутба является отражением высокой степени художественной зрелости тюркской поэзии (Исламов, 2002, 13).

В коллективном труде «Борынгы татар әдәбияты» (1963), «История татарской литературы» (1984) имеются отдельные статьи, посвященные Кутба и анализу памятника.

В течение тридцати лет плодотворно занимается исследованием взаимосвязей татарской и восточной литературы Х.Ю. Миннегулов. В его работах наряду с другими произведениями уделено большое внимание изучению поэмы; им подготовлено и издано учебное пособие для вузов о жизни и творчестве Кутба (1976), проведен сравнительный анализ произведений Низами и Кутба (1993; 1996; 2003). Р.Г. Ахметьяновым выполнен полный перевод поэмы на современный татарский язык (Ахметьянов, 2003).

Мировоззренческой проблематике средневековых памятников посвящена отдельная глава в книге Р.М. Амирханова «Очерки истории татарской общественной мысли», где наряду с памятниками «Нахдж ал-фарadis» М. Булгари, «Гулистан бит – тюрки» С. Сарай анализируется и исследуемый памятник «ХШ» Кутба (Амирханов, 1993). Труд А.М. Шарипова посвящен жанрово-художественным особенностям поэмы (Шарипов, 2001), в статьях Х.Р. Курбатова освещаются вопросы стихосложения в «Хосров и Ширин» (1984, 1988). В.Х. Хаков в своих исследованиях описывает стилистические особенности языка поэмы (1972, 1993). Системно-функциональному анализу морфологии произведения Кутба «Хосров и Ширин» посвящена работа Гариповой Г.Ф. Результаты ее исследований показывают, что язык «ХШ» содержит в себе кыпчакско-огузскую основу, где кыпчакские языковые элементы преобладают (Гарипова, 2003, 28).

Учитывая наличие значительного количества работ, посвященных языку памятника, нам представляется целесообразным обобщить все эти труды, акцентируя внимание на отдельных особо важных моментах описания языка. При исследовании грамматических норм, остановимся на тех моментах, которые помогают наиболее полно представить развитие грамматических норм.

«Мухаббат-наме» Хорезми

«Книга о любви» написана в 1353 году поэтом, уроженцем Хорезма. Сохранилась в двух рукописях, принадлежащих Библиотеке Британского музея (Лондон, Англия). Первая, переписанная уйгурским шрифтом в 1432 г., издана в России А.М. Щербаком, вторая – арабским письмом, более поздняя, чем уйгурская, 1508-1509 гг., издана Э.Н. Наджипом.

Нам неизвестно имя автора, Хорезми – его литературный псевдоним. Этот псевдоним упоминается в конце перевода «Гулистана» Саади, сделанного в том же веке в кыпчакской среде Египта Сейифом Сарай, имеется газель, принадлежащая Хорезми. Быть может, наш поэт и этот Хорезми – одно и то же лицо. Стамбульский список «Нахдж ал-Фарадис», созданный в то же время на территории Золотой Орды, переписан еще при жизни автора неким Хорезми. Известно, что поэты нередко ради заработка переписывали чужие труды. Можно высказать предположение, что этот Хорезми – автор «Мухаббат-наме» (Хорезми, 1961, 11).

В разделе «Завершение книги» поэт говорит:

«Süjünsün bändä Xorezmi Rävani (439) «пусть радуется раб Хорезми Равани».

Дата рождения и смерти поэта неизвестны, а дату создания «Мухаббат-наме» поэт сообщает в следующих словах:

Bu дәftär kim boluptur Mysr kandy

Jäti jüz ille türt icrä tüküнди (440) «Это произведение, которое получилось, как Египетский мед, завершено в семьсот пятьдесят четвертом году». 754 год хиджры соответствует 1353 году. На этой же странице поэт пишет:

Mäxabbät name sozin munda bittim,

qatıgyn Syr jäqasynda bittim (437) «Здесь написал я слова «Мухаббат-наме». Все это я закончил на берегу Сыра».

Произведение было написано по просьбе Мухаммед Ходжабека, о котором в разделе «Славословие» есть такие строки: *Zähı*

arslan qonrat urugy (64) «Хвала тебе, храбрый лев (родом) из племени Конграт» и далее. *Şahinşah Žanibik xanga jatansyz* (66) «Вы находитесь в родственной связи с шахин шахом Джанибеком».

Других сведений о Мухаммед Ходжа-беке мы не имеем. Известно, что Джанибек, сын хана Узбека, с именем которого Хорезми связывает имя Мухаммед Ходжа-бека, правил Золотой Ордой в 1342-1357 гг. Поэт говорит о том, что свое произведение он создал на берегу Сырдарьи. Известно, что низовья Сырдарьи и культурный центр Сыганак в эпоху создания памятника были наиболее населенной частью Ак Орды, существовавшей в этот период в пределах Золотой Орды уже на правах самостоятельной области (Хорезми, 1961, 11-12).

Восхваляя Мухаммед Ходжа-бека как идеального правителя, поэт дает наставления: *Ulusqä rähm etib gämzör bolgyl, Hämişä şad vü bärxordar bolgyl* (99). «Окажи милость и прояви заботу о народе, всегда будь веселым и счастливым».

К литературным занятиям поэта, к его поэтическим произведениям относились как к высокой и непреходящей культурной ценности. Согласно мнению Низами Арузи, от царских сокровищ, дворцов, казны и войска не останется со временем и следа, имя царя только благодаря творениям поэтов обретет вечность (Низами Арузи, 1963, 58-59). Точно такое же отношение к поэтическому слову находим в рассматриваемую нами литературную эпоху:

*Tilärmiñ kim biznin til birlä päjda
Kitabi äjläsdn bu qyş qatymda.
oş jil tek kəcär äjjami fani
Zihanda qalsa bizdin ärmäganny* (36, 37)

«Я хочу чтобы ты на нашем языке
В эту зиму книгу написал при мне.
Гленные дни промчатся, как ветер.

Пусть останется от нас в этом мире подарок».

Хорезми иллюстрирует свое утверждение следующими строками:

*Kücüm jetmişä küp hidmät qylajyn,
Zihanga egü atynny jäjajyn (39)
«Я буду трудиться изо всех сил,
На весь мир прославлю твое доброе имя».*

Порядок оплаты труда придворного поэта не менялся веками, дома городских вельмож стремились копировать обычаи царских дворов. То или иное выступление поэта, прежде всего хвалебную касыду, читаемую впервые, или остроумный экспромт меценату надлежало одаривать на месте. О сохранении этого обычая свидетельствуют строки Хорезми:

*«Davysqynca gäzäl şah guş qyldy,
Mena xalat kijürüb quş tutty (48)
«Шах выслушал газель до конца
И пожаловал мне халат и пару гонцов».*

Торжественные оды прославляли власть правящего дома. Меценат оплачивал не только литературную продукцию, но и своеобразную службу настроения. В средневековых дворах в организации досуга и празднеств важную роль играли поэзия, музыка (Воражейкина, 1984, 56). У Хорезми наблюдаются и «винные мотивы»:

*«О виночерпий, подай прозрачного вина,
Пусть смеясь и играя, пьют люди!
Ибо их тленные дни пролетят, как этот ветер,
И ни один человек не спасется от смерти» (125, 126) и т.д.*

Особого внимания заслуживают суждения поэта о литературном труде, высказанные в следующих стихотворных строках:

*Мухаммед-Ходжа бек, второй Джемшид,
Ты желание мира и владыка народа!
Осчастливь искусство,
Ради искусства осыпь нас милостями (428, 429)
А сейчас я прочту кытга, послушай,
Узнай обо мне (431)
Я не из тех птиц, которые попадают в сети алчности,*

*Я – птица счастья, песни
которой звучат над дворцами.
Языком острым, как меч, я покорил мир,
Я – шах государства, где довольствуются малым.
Я бываю и в питейном доме, и в мечети,
В которых я – то кутила, то праведник.
Как бы не был величествен султан,
Ради денег я не стану его восхвалять.
Чтобы до страшного суда осталось твое имя,
Служа тебе, я стал твоим другом (432-436).*

В этих строках выражается уверенность поэта в своем таланте. Чувство независимости Хорезми, идет от осознания своей силы владения искусством слова и доверительного дружеского отношения к Мухаммед Ходжа-беку.

*«Muxabbät nârdini küplârdin uttun
Şâkâr tik til bulâÿaldâm ni tuttun (35)
«В стихах любви ты превзошел многих
Сахароподобным языком ты покорил мир».*

Эти строки указывают на то, что Хорезми был известным поэтом своего времени. Строки, вложенные поэтом в уста Мухаммед Ходжа бека о том, что Хорезми сочинял свои произведения на фарси, свидетельствуют о владении им в совершенстве тюркским и персидским языками:

*«Künül bâxrindâ küp gâÿhârlârin bar
Aÿunda parsy dâftârlârin bar (34)
«Много жемчуга в море твоего сердца,
Много в мире твоих книг на фарси».*

В «Мухаббат-наме» четвертые, восьмые, одиннадцатые письма написаны поэтом тоже на фарси. Сама практика литературного труда требовала профессиональных знаний. Вспомним о 20 тысячах двустиший, которые следовало держать в памяти. В поэме Хорезми фигурируют литературные персонажи: Рустем, Ширин, Фархад, Хосров, Лейла и Меджнун, Джамшид, Фаридун, Афлятун (Платон), Асаф и другие – герои поэм Низами,

Фирдоуси. «Это еще одно подтверждение знания поэтом литературы того периода. В этом оригинальном произведении Хорезми использовал также арабо-персидские литературные жанры и формы арабо-персидской метрики. Композиция произведения написана в жанре «наме» (письма).

Об изучении языка памятника. Описанием, исследованием и публикацией рукописей этого памятника занимались такие ученые, как Ч. Рье (Riej, 1888, .290), Дж. Клоусон (Clouson, 1928, 99-130), С. Касымов (1950), Т. Жалалов (Хоразмий, 1959), А. Старостин (Хорезми, 1962), Т. Ганджи (Stanjei, 1957, 135-166), А.Н. Самойлович (1928, 1-23), В.В. Бартольд, (1924, 57-58). Более системный и полный список литературы, в трудах которой нашли отражение отдельные моменты исследования данного памятника, приведен в монографии Р.Ф. Исламова (Исламов, 1998, 48-60).

В определении характера языка «Мухаббат-наме» существуют различные точки зрения. Одна из них представлена в работе профессора Ф.Кепрюлюзаде. «Первые мистики в турецкой литературе», который сказал, что самое простое и самое правильное определение чагатайского языка следующее: «восточно-турецкий литературный язык, возникший и утвердившийся вслед за завоеваниями «Чингиза под влиянием исламской культуры». Ф. Кепрюлюзаде одним из первых утверждает, что написанное в XIV веке «Мухаббат-наме» Хорезми относится к числу золотоордынских произведений, «написанных не на местном языке, а на литературном языке, именуемом чагатайским». Иное определение дает А.Н. Самойлович: «Изучение «Мухаббат-наме» Хорезми привело меня к иному мнению о языке этого произведения, чем только что цитированное мнение Ф. Кепрюлюзаде. Не признавая памятниками чагатайского языка и чагатайской литературы основные тексты «Хикметов Ахмеда Есеви и «Кысасуль-энбия» Рабгузи, я не считаю возможным относить к произведениям этого языка и этой литературы также и «Мухаббат-наме» Хорезми. «Мухаббат-наме» особенно важно потому, что оно не только

свидетельствует о существовании местных турецких литературных деятелей в Золотой Орде в XIV веке, но и доказывает наличие в Джучиевом Улусе и во входившем в него Хорезме литературного языка с явными отражениями местных золотоордынских диалектов, языка, значительно отличного поэтому от чагатайского и относящегося к эпохе, когда чагатайский язык в Чагатайском улусе не обнаруживал еще заметного развития. Мы не знаем ни одного крупного памятника чагатайского языка, языка группы «j», а не «ä» (как труд Рабгузи), в Чагатайском улусе за XIV век» (Самойлович, 1928, 5). По мнению А.Н. Самойловича, «в зависимости от племенной принадлежности авторов, при неустановившейся еще прочной литературной традиции, в одних произведениях мог среди составных элементов языка выдвигаться кыпчакский элемент (как в «Мухаббат-наме»), в других – огузский. Кроме того, одни авторы могли обнаруживать большую зависимость от пользовавшегося тогда известностью литературного языка турецких мусульман Восточного Туркестана, Кашгара (это мы видим, например, в романе «Хосров и Ширин»), другие – меньшую (как автор «Мухаббат-наме» (Самойлович, 1928, 19). Э.Н. Наджип, изучив язык «Мухаббат-наме», относит его к числу памятников кыпчакско-огузского литературного языка «Во второй половине XIII – начале XIV в. происходит формирование двух литературных языков: среднеазиатского тюрки и тюрки Поволжья и Урала. Первый, представленный такими произведениями, как «Кысас ул-анбийя» Рабгузи и «Тефсир», явился дальнейшим развитием уйгуро-карлукского литературного языка с ограниченным влиянием тюркских языков огузской группы. Второй, представленный такими памятниками, как «Мухаббат-наме» Хорезми, «Хосроу и Ширин» Кутба, перевод «Гулистана» Саади и др., сложился на кыпчакско-огузской основе и включил гораздо больше огузских элементов, чем среднеазиатский тюрки. Несмотря на то, что памятники, написанные на этом языке, создавались на обширной территории от низовьев р. Сырдарья до Малой Азии и Египта, они

обнаруживают лишь незначительные языковые расхождения, которые можно трактовать как диалектные. Становление «тюрки» Поволжья-Урала исторически связано с периодом расцвета Золотой Орды и ее культурных центров (Сарай, Сыгнак и Ургенч) во второй половине XIII в. и в первой половине XIV в., что в известной степени позволяет говорить об особом литературном языке Золотой Орды, отличном от так называемого чагатайского языка» (Наджип, 1989, 118). Из вышесказанного очевидна важность изучения языка «Мухаббат-наме» как одного из звеньев большой работы по исследованию становления и формирования литературного языка Золотой Орды, его связей с другими литературными языками тюркских народов и определению влияния его норм на литературные языки более поздних периодов.

Впервые изучение «Мухаббат-наме» татарскими учеными начато Г. Рахимом и Г. Газизом (Рэхим, Газиз 1926), которые оценили это произведение как ценный источник для изучения истории Золотой Орды. Ш. Абилов (Татар әдәбияты ..., 1986, 196-207) творчеству Хорезми посвящает объемный очерк, приведен также сокращенный вариант текста. В. Хаков считает, что в основе поэмы лежит кыпчакский разговорный язык, который чередуется с огузско-уйгурскими языковыми особенностями, и акцентирует внимание на стилистических особенностях языка (Хаков, 2003, 60).

В связи с высказанным и Э. Наджипом принципиальными положениями по поводу языка памятника, очерченная таким образом проблематика нашла отражение в конкретных статьях и трудах ученых-языковедов Средней Азии, Татарстана и Башкортостана.

В связи с вышеизложенным результаты исследований вышеназванных ученых при анализе языка памятника представляют для нас весьма ценный материал.

«Гулистан бит-тюрки» Сейифа Сараи¹

Творческое наследие Сейифа Сараи в науке известно по двум рукописям:

«Китабе Гулистан бит тюрки» и «Ядгарнаме». Первая из них была переписана неизвестным переписчиком – «кятибом» в мамлюкском Египте в конце XIV века. Затем она через Крым, Турцию попала в Голландию и в настоящее время хранится в библиотеке Лейденского университета под № 1553 (Миннегулов, 1993, 130). В 1950 г. участник Амстердамской Международной конференции историков медицины профессор Феридун Нафиз Узлук в библиотеке Лейденского университета познакомился с этой рукописью, снял фотокопию и в 1954 году опубликовал факсимиле рукописи в Анкаре с кратким предисловием общего характера и с небольшим историческим экскурсом (Наджип, 1975, 49). Затем последовали полные издания в Ташкенте (в 1968 г., подготовил Э. Фазылов), Будапеште (в 1962 г. – А. Бодроглигети), Стамбуле (в 1977 г. – А.Ф. Караманлы оглы), Казани (в 1980 г. – Х. Усманов, З. Максудова, 1999 г. – Х. Миннегулов). В целом рукопись сохранилась хорошо, всего 372 страницы, на каждой по 13 строк. Рукопись написана рукой опытного, но небрежного каллиграфа почерком, который носит название «Мамлюкских насх». По словам профессора Ф.Н. Узлука, рукопись написана на сирийской шелковой бумаге кремового цвета и, как он полагает, выполнена рукой самого поэта. Вся первая страница рукописи занята семью различными стихами, написанными разными почерками на персидском и тюркском языках и принадлежащими разным поэтам (Наджип, 1975, 50).

¹ Подробные сведения о Сейифе Сараи приведены в: Э.Н.Наджип Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейифа Сараи и его язык. В 2-х частях. – Алма-Ата, 1975, Миннегулов Х.Ю. Сэйф Сараи. Тормышы һәм ижаты. – Казан. 1976. – 190, Миннегулов Х.Ю. Гөлестан. Лирика. Дастан. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1999. – 296; Исламов Р.Ф. Алтын Урда һәм мәмлүкләр Мисыры: язма мирас, мәдәни багланьшлар. – Казан: Фикер, 1998, - 250.

«Ядгарнаме» – вторая рукопись произведений С. Сарай составлена в Египте Абуд ибн Кадиром. Рукопись была привезена в Среднюю Азию в XVIII веке одним из паломников, с 1965 года она известна науке. В настоящее время «Ядгарнаме» хранится в Институте рукописей им. Х. Сулеймана АН Узбекистана (Миннегулов, 1995, 131). Рукопись состоит из семи листов, на которых помещены поэмы «Сухайль и Гульдурсун», несколько стихотворений Сейифа Сарай. Кроме того, сборник содержит 3 лирических стихотворения Ахмада Ургенжи, по одной газели Туглы Ходжи, Маляна Исхака. Весь текст «Ядгарнаме» с соответствующими комментариями и анализом опубликован Х. Миннегуловым (Миннегулов, 1972, 129-139; 1999. – 270-284).

На основе имеющихся Лейденской и ташкентской рукописей и вышеназванных исследований, утверждается, что Сейиф Сарай родился в 1321 году в Поволжье в местности Камышлы, учился и занимался литературной деятельностью в Сарае, в 80-е годы эмигрировал в мамлюкский Египет и в 1391 году завершил свое знаменитое произведение «Гулистан бит-тюрки». На 10-11-й страницах, написанных рифмованной прозой, С. Сарай объясняет причину, побудившую его взяться за перевод «Гулистана» Шейха Саади: «Однажды ранней весной сидел я в цветущем саду среди роз с остроумными учеными, обсуждали мы вопросы стилистики. Я прочел чудесные бейты и изумительные стихи. Тогда старший из этих ученых задал мне вопрос о метре одного трудного бейта, написанного размером аруз. Услышав немедленный ответ, он сказал: «О, чужестранный писатель, у меня есть подходящий совет для тебя, хорошо было бы, если бы ты принял его. Я сказал: «Извольте». «Хорошо было бы, если бы ты перевел «Гулистан» Шейха Саади на тюркский язык и посвятил (перевод) какому-либо счастливцу с тем, чтобы от него осталась в мире память», – сказал он. Я принял благословенное вдохновение этого почтенного человека и сказал: «Если будет угодно Всевышнему, но слабы мои силы для глубоких его мыслей». Он сказал: «Бог поможет, о, чужестранный писатель. Я также, надеясь на Бога и

повязав рукой страстного желания поясицу намерения, приступил к работе и надеюсь на благополучное ее завершение. Это книга по той причине названа «Цветником», что она составлена и украшена изумительными рассказами, замечательными назиданиями и многочисленными островами» (Наджиб, 1975, 54-550). Эти строки являются для нас важной информацией о мастерстве поэта С. Сарай. Сведений о литературной жизни, о школах тюркских поэтов этого периода исследований до настоящего времени нет. Но имеется специальная литература о средневековых поэтах Ирана. Средневековая поэзия была ученой профессией «наукой наук». Она категорически требовала широкой образованности, ибо стих, как значится в назиданиях стихотворцу, может быть полезен каждой науке. Поэт должен был обладать широкой эрудицией, литературной начитанностью: в ранней молодости он должен был заучить 20 тысяч стихов предшественников и прочесть 10 тысяч стихов современников, вдумчиво анализируя их мастерство (Низами Арузи, 1963, 59).

С. Сарай уже при жизни был признанным, известным поэтом, об этом узнаем из записи переписчика на первой странице. На левой половине страницы сверху вниз по вертикали по два полустушишка в две строки, затем одна строка, составляющая ее продолжение и еще половина следующего полустушишия:

*Сарай Сэйеф тик гариф жиһан эчрә күрүң кани
Сыйфатын аймага билмәй йүрәкдән актурур каны
Аның шигренең иншасын бикәнмәс кем булыр исә,
Мәгәр гаклы аның йуктыр йахүд тәнидә һәм җаны
«Где можно видеть в мире такого умного,
как Сарай Сейиф?
Не зная, как описать его (поэта), обливается
кровью в сердце
Если найдется человек, которому не нравится
стиль его стихов, -*

то он или глуп, или же нет души в его теле». (Миннегулов, 1993, 131-132).

Сам факт поэтического перевода такого крупного произведения как «Гулистан» Саади, показывает, что он был одним из образованнейших людей своего времени.

Х.Ю. Миннегулов, анализируя, почему выбрано именно это произведение, чем оно характеризуется, какова его роль в интеллектуальной и литературной жизни, ссылаясь на источники, отмечает: «С. Сарай выбрал объект перевода не случайно. «Гулистан» – самое популярное в мусульманском мире сочинение, являющееся одновременно и учебником жизни, и книгой для развлекательного чтения... Обращение Сарай к творчеству Саади обусловлено еще и тем, что образованные тюрки Поволжья уже с XIII и начала XIV века были в определенной степени знакомы с «Гулистаном», в основном, на языке оригинала. Стихотворениями Саади даже разукрашивали стены домов столицы золотой Орды (Миннегулов, 1993, 132-133).

Следует подчеркнуть, что «Гулистан» Саади и в последующие века был популярным среди татар. Об этом говорят его многочисленные списки, переводы (Исламов, 1998, 81-82). По сведению Ш. Марджани, его дед по линии отца переписал более 60 книг, среди них произведения Саади «Бустан» и «Гулистан», другой дед Ш. Марджани по линии матери – Сайфульмулюк бине Музаффар бине Муртаза бине Гали бине Йосыф ал-жабали в 1757 году в медресе Казанского уезда дер. Бай Оланнары (ныне Кукморский р-н, дер. Байлангар) также составил книгу под названием «Гулистан Саади». В качестве учебного пособия по персидскому языку произведения Саади использовались в татарских медресе и некоторых государственных учебных заведениях, в частности в Казанском университете, в Неплюевском училище и т.д. Сюжеты и изречения из «Гулистана» звучали в наставлениях педагогов, в проповедях духовных лиц (Миннегулов, 1993, 134).

§ 3. Язык «Codex Cumanicus» и «Иршад ал-мулук вас-салатин»

Проанализированные выше тексты письменно-литературного языка Золотой Орды не исчерпывают весь состав памятников письменности развития тюрко-татарского литературного языка, которые можно привлекать для ее изучения. Важными источниками для изучения истории кыпчакских языков является язык так называемых мамлюкско-кыпчакских письменных памятников – арабско-кыпчакские глоссарии, грамматики, а также переводные литературные произведения XIII-XVI веков, созданных в мамлюкском Египте в течение почти 250 лет.

Благодаря тому, что в мамлюкском Египте кыпчакский язык получил широкое распространение, правители государства мамлюков говорили на кыпчакском койне, поэтому многие местные арабы, стремясь заслужить расположение своих правителей, овладевали кыпчакским языком. К тому же правители мамлюкского государства также не могли обходиться без переводчиков с арабского языка. В результате сложения таких сложных культурно-языковых взаимоотношений в мамлюкском государстве многие арабоязычные сочинения переводились на тюркский язык и, наоборот, с тюркского на арабский. Таким образом, возникли арабско-кыпчакские грамматики и глоссарии, из них даже до наших дней сохранилось более десяти. Самый древний среди этих письменных памятников относится к 1245 году. Это созданный в Египте словарь под названием «Китаби меджмуг терджуман тюрки ве гажами ве моголи ве фарси». В тюркологии его называют «Тюрко-арабский словарь». Рукопись словаря составляет 76 страниц, из которых 62 страницы занимают тюрко-арабские слова, а остальные – монголо-персидские и арабско-монгольские. Лексический состав словаря следующий: это имена существительные, глаголы и формы их спряжения, справочные сведения об отдельных грамматических формах, об

аффиксах. Имена сгруппированы по тематическому принципу, всего 41 тематический раздел (Хаков, 1993, 41).

Среди словарей, отражающих языковые особенности тюркских народов Поволжья еще можно назвать следующие: Абу Хайан «Китабу-л идряк лисанул-атряк» (1312), Ибне Муханны «Китаби фарси ве моголи» (XIV в.) и др.

Язык мамлюкско-кыпчакских письменных памятников, по утверждению специалистов, не был чем-то единым и однообразным. В мамлюкском государстве, помимо подавляющей массы кыпчаков, обитали и другие тюркские племена, в частности – огузы, туркмены и др. Так, составитель анонимного «Тюркско-арабского словаря» («Китаб-и меджмугу терджуман тюрки ве аджами ве моголи ве фарси» – «Общая книга толкования тюркско-персидского и монгольско-персидского языков») неоднократно подчеркивает, что ему известно несколько тюркских наречий – «чисто тюркский» (ал-тюрки), или «тюркско-кыпчакский» (ал-кифчаки) и туркменский (ал-тюркменийа). «Чисто тюркским», или «тюркско-кыпчакским», автор называет собственно кыпчакский (в современном понимании) язык и в основном занимается им, а второй язык рассматривает как смешанный, содержащий в себе много заимствованных арабских и персидских элементов, и обращается к нему лишь как к дополнительному объекту исследования (Курышжанов, 1970, 16). Надо отметить, что в XIII веке термины «кыпчак» и «тюрк» зачастую употреблялись в качестве равнозначных синонимов и замещали друг друга (Зайончковский, 1967, 83).

Многие из этих памятников изданы и описаны тюркологами разных стран и поэтому общая картина языка их нам в целом известна. Все они созданы в одном регионе, как местными авторами, так и выходцами из других регионов, которые были носителями своих идиолектов. Учитывая это обстоятельство, точную атрибуцию языка каждого из этих памятников, как представляется, можно дать только после того как их язык будет проанализирован на основе современных методик и, в частности,

той методики, которую мы применили в своей работе. Пока это еще не сделано, а их комплексное исследование является столь же огромной работой, которую мы провели для языка художественных памятников, поэтому весь материал не мог быть использован. Однако среди источников изучаемого нами региона особое место занимает «Codex Cumanicus», который является крупнейшим письменным памятником кыпчакского разговорного языка золотоордынского периода, а также замечательным источником для изучения истории становления и развития практически всех современных языков кыпчакской группы.

Рукопись «Codex Cumanicus» была обнаружена в библиотеке собора св.Маркуса в Венеции в отделе редких книг. Поэт и библиофил Ф.Петрарка в свое время получил его от некоего Антониуса Финале, и в 1362 году вместе с другими своими книгами подарил республике Венеция.

«Codex Cumanicus» представляет собой две тетради из 168 страниц, сильно отличающихся между собой. Первая тетрадь, дата написания (или переписи) которой обозначена – 1303 г., 11 июля, это трехязычный латино-кумано-персидский словарь, состоящий из двух частей. Первая часть содержит примерно 1600 слов. Это глаголы, имена существительные, имена прилагательные, местоимения, образцы их спряжения и склонения, а также наречия. Вторая часть – более 1100 слов сгруппированы по тематическому принципу. Вторая тетрадь состоит из кыпчакско-немецкого словаря, в котором, кроме отдельных слов, приведены отдельные предложения, справочные сведения по грамматике кыпчакского языка. За словарем следуют отдельные тексты, основную часть которых составляют христианские молитвы на латинском языке и их переводы на кыпчакский. Затем из образцов народного творчества здесь приведены 46 загадок, которые занимают один лист полностью с обеих сторон. Большой вклад в изучение текстов внесли такие известные ученые-тюркологи, как Г. Кун, В. Банг, В. Радлов,

Ю. Немет, С. Малов, А. Чеченов, Х. Махмутов. Именно благодаря их работам загадки были включены в научный оборот.

Относительно места, времени и цели создания, а также автора этого произведения существуют разные версии. Полагают, что она была составлена между 1303 (дата, указанная в самой рукописи) и 1362 годом (время передачи ее Ф. Петраркой в Венецианскую библиотеку) (Курьшжанов, Репин Б.И., 1966, 38-39; Чеченов, 1978). По гипотезе немецкого ученого В. Банга, этот словарь был составлен в XIV веке монахами францисканского монастыря Святого Иоанна в г. Сарае (Bang, 1913, 244-245). По мнению же Д. Расовского (Расовский, 1929, 211), он создан в городе Солхат в Крыму, где находилась итальянская колония.

Город Солхат (Эски Кырым) был в то время одним из цветущих городов Причерноморско-Каспийской области, а в золотоордынскую эпоху еще и резиденцией наместника ордынского хана.

М. Сафаргалиев (Сафаргалиев, 1960, 36) считает, что «Codex Cumanicus» составлен в Италии с сугубо практической целью в качестве пособия для Венецианских купцов, торговавших в Золотой Орде и, соответственно, нуждавшихся в знании языков этой местности.

Впервые «Codex» был издан в Париже в 1828 году в неполном варианте. Полностью его издал в 1880 г. в Будапеште Геза Кун (Kun, 1880).

В 1887 году В.В. Радлов издал Кодекс на немецком языке под названием «Тюркские языковые материалы Кодекса куманов», причем материал был подан транскрипцией на кириллице (Radloff, 1887).

В.В. Радлов, тщательно изучив специфические фонетические особенности куманского (половецкого, кыпчакского) языка, убедительно показал его причастность к западным тюркским наречиям и сблизил с мишарским диалектом татарского языка (Радлов, 1884, 52-53).

Всестороннему изучению этого письменного памятника посвящено большое количество работ тюркологов самых разных стран. Довольно часто на него ссылаются и в исследованиях по истории татарского языка и литературы. Содержание «Codex Cumanicus» заслуживает особого внимания с точки зрения отражения в нем особенностей старотатарского языка. Язык «Codex» уже в нем самом назван татарским. Например, «Иисус Христос битик тилинчэ, татарча «куткардачы» татар тилгэ конэзде». Перевод: «Иисус Христос как написано был переведен на татарский, как спасающий» (Radloff, 1887, 48, 83).

Точку зрения В.В. Радлова поддерживают известные тюркологи А.М. Самойлович, С.Е. Малов, а татарские филологи усиливают эту мысль и в своих трудах приводят убедительные доводы в пользу этой версии.

По мнению специалиста по древней татарской литературе Х. Мухамметова «Язык этого памятника очень близок к современному татарскому языку. Словарь «Cumanicus» почти на 70 % состоит из слов, которые использованы в древней татарской литературе. Большинство из них в настоящее время бытуют в татарском языке или в его диалектах. То же самое можно сказать и о грамматических формах» (Мөхәммәтов, 1963, 182). Языковед Л.Т. Махмутова, исследовав лексику «Codex Cumanicus» в сравнении с лексикой современного татарского языка, на конкретных примерах доказала сохранность лексики «Codex» в современном татарском языке на 80 %. Близость или даже полное совпадение не только отдельных слов, но также грамматических норм, порядка слов, конструкции предложения этого памятника с современным татарским языком вполне очевидны (Махмутова, 1982, 68-153).

Еще в 1919 году профессор Н.В. Никольский высказал предположение о генетической близости между куманским (половецким, кыпчакским) и казанско-татарским языками (Никольский, 1919).

Литературные памятники мусульманской юриспруденции.

Литературные памятники мусульманской юриспруденции, созданные в мамлюкском Египте в золотоордынский период, остаются мало изученными среди памятников старотатарского литературного языка как в историко-источниковедческом, так и общепилологическом плане. В работах татарского ученого Исламова Р.Ф. (Исламов, 1988) указывается, что в научных библиотеках Стамбула сохранены труды по мусульманской юриспруденции. К ним относятся «Китаб фил-фикх бил-лисан ат-турки» («Книга по мусульманской юриспруденции на тюркском языке»), «Китаби – мухадимати Абу ал-Лаис ас-Самарканди» («Введение в книгу Абу ал-Лаиса ас-Самарканди»), который является переводом книги известного теолога ханифитского толка Абу ал-Лайса Насра бин Ибрагима из Самарканда. Список памятника «Иршад ал-мулук вас-салатин» («Руководство для правителей и султанов») в настоящее время хранится в библиотеке Сулеймания в Стамбуле¹.

Турецким ученым Р.Топарлы в 1992 году в Анкаре издана транскрипция текста на латинице, снабженная богатым библиографическим материалом о памятниках исследуемого периода и комментариями (Топарлы, 1992). Изучение данного памятника является важным источником для восстановления общей функциональной парадигмы тюрко-татарского литературного языка данного периода. Этот труд по мусульманской юриспруденции ценен еще тем, что его выполнил Берке бини Беракуз ибни Кандуд Ибни Огу. На последней странице рукописи имеется запись: «*Bu kitabın vüciidü zayıf latif olan Allahın rāxmätinā muxtaḡ qıpçaq sojundan ve Xänäfi mäzhäbinä mänsul Bärkä ibni Bäraküz ibni Ogü tarafyndān jazylıŷynın sona ar misi 789 sänäsi Ucävval ajynın jirminci günündä büjüik Iskändärija Şahrindä Illah onu här türlü afätdän korusunvuqu bulmuştur*» «Эту книгу написал

¹ В настоящее время для исследования языка памятника факсимиле данного списка приобретено нами из данной библиотеки.

слабое и милое существо, которое нуждается в благословении господ, выходец из кыпчакской среды и принадлежащий мазхабу Ханефидов Берке ибни Беракуз ибни Огу в великой Искандерии в 789 году месяца Шаввал 20 дня (1387 года 20 октября)». Текст принадлежит Берке Факиху, который в 1383 году в Искандерии (Египет) переписал «Хосров и Ширин» Кутба, где имеются автобиографические данные, написанные самим Берке Факихом. Как было указано выше, памятник «Хосров и Ширин» был переписан в Египте известным каллиграфистом Берке Факихом. Были упоминания, что перу Берке Факиха принадлежат и другие рукописи.

Из этого сочинения, написанного в стихотворной форме, мы можем узнать достаточно интересные сведения. Согласно этому произведению, Берке Факих находился под господством Эмира Алтын Бога (Золотой Вол), по его приказу он направился в Александрию с целью мщения неверным за мусульман в борьбе на пути к Аллаху. Согласно истории и событиям той эпохи, эта священная война велась с киприотами. Берке Факих переписав поэму «Хосров и Ширин», посвятил ее пришедшему вместе с ним другу Кутлу Ходжа и сделал исключение ради него. Себя он называет ученым и добродетелем, даже подписывается именем Берке Факих (Знаток шарията), говорит, что завоевал известность во всем Египте. Также он с горечью пишет, что факихам не уделяют должного внимания, что они проводят свою обездоленную жизнь впроголодь. Несмотря на то, что Берке Факих хотел написать все свои мысли в стихотворном жанре и использовать стихотворное измерение «Кутадгу Билиг», но из-за отсутствия таланта стихотворца и незнания правил стихосложения, большая часть его бейтов написана в прозаическом жанре. Здесь Берке еще раз подчеркивает, что он из кыпчаков, а также свою известность как улема, поэта и переводчика в мамлюкском Египте. Но особенно примечательно его заявление о том, что желая написать все свои мысли в стихотворной форме, используя стихотворный размер «Кутадгу билик», к сожалению, не смог реализовать этот замысел. Эти

слова для нас являются неопровержимым доказательством того факта, что караханидско-уйгурская традиция для тюркских носителей мусульманской культуры в Золотой Орде и в Египте была не «абстрактной моделью», а основывалась на реальном знании конкретных литературных текстов и, самое примечательное, крупного литературного памятника караханидской эпохи «Кутадгу билик» Йусуфа Баласагунлы, о котором Берке говорит, спустя 200 лет. Изложенные аргументы дали нам основание привлечь для нашего анализа язык документа мусульманской юриспруденции «Иршад ал-мулук вас-салатин».

О Берке Факихе, который, по нашему мнению, мог перевести «Путь к сокровищнице знаний» («İrşadü'l – Mülük»), других сведений, кроме вышеназванных, нет. Однако мы можем сказать следующее: он упоминает, что был известен в Египте, поэтому, возможно, имеются копии произведений, выполненных им.

Этот памятник, включающий в себя свод законов шариата, является сборником фетв, собранных из произведений известных и почитаемых ученых, знатоков законов шариата, которые в большинстве своем придерживались правовых взглядов мазхаба Ханефитов. Автор произведения высказывает также и свои мнения.

Произведение состоит из вступления, 29 книг, 56 разделов-глав и 93 глав. В конце имеется глава, включающая в себя 49 вопросов по законам шариата (фикха), а также заключение.

Во вступлении (1а-3а) славится имя Аллаха, пророков, их близких и родственников. После этого объясняется причина написания произведения: «Хочу написать небольшую книгу, которая была бы полезна молитвами автора для мазхаба Имама Азам и регента султаната Александрии. Автор, следуя своему желанию, пишет эту книгу и называет ее «Путь к сокровищнице знаний» («İrşadü'l – Mülük»).

Во вступлении далее перечисляются обязательные религиозные предписания, обязанности, религиозные и нравственные деяния, верность и поклонение Аллаху, деяния,

полезные для верующего, желающего заслужить милость и согласие Всевышнего. Все они далее нашли место в содержании произведения. После вступления идут главы, перечисляющие насущные и ненасущные проблемы неверных (9б/7-24а/6); глава, в которой раскрываются 62 вопроса о вере (24а/7-77а/8); глава, в которой описываются 50 обязательных предписаний и 11 предписаний об одежде (77б/1-87а/7).

Между частями (485б/7 – 498а/1) перечислено 49 вопросов, касающихся фикха. Здесь сначала задается вопрос, а потом дается ответ. В конце произведения приводятся высказывания переписчика, и данные о месте и времени написания этой копии.

Единственное рукописное произведение хранится в Стамбульской библиотеке Сулеймания, в отделе Айасофия под номером 1016¹. Произведение состоит из 498 частей, которые распределены по 16 строк в странице, 8 из которых на арабском и 8 на тюркском языках. Текст написан арабским шрифтом, для арабского языка использованы черные чернила, для тюркского – красные. Арабский текст полностью написан с использованием огласовки (хараке), а в тюркских текстах огласовка используется в очень редких случаях.

Книга обернута зеленой кожей, каптал испорчен. Кожа также очень сильно износилась. Обложка вышита, листы из бумаги соединены цепочкой клея. Размеры книги: 26,5 x 18,5 см (надпись: 20,8 x 12,6 см). Толщина же 8,5 см. На краях некоторых страниц есть высказывания на арабском языке, без огласовки (без использования хареке), нанесенные черными чернилами, скорее написанные для подчеркивания значимости этих строк. Заглавия в арабском тексте написаны черными и красными чернилами. На первой странице произведения написано: «Книга «Сокровищница знаний», 498 частей, книга, принесенная Касым Бекком, Айасофия 1016, имеются высказывания, написанные в 798 году в Александрии на кыпчакском наречии.

¹ Описание дается по исследованиям Р.Топарлы.

Высказывания, находящиеся в 1а части рукописи, звучат следующим образом: «С именем милостивого и всепрощающего Аллаха. Слава творцу Вселенной Аллаху, слава его Пророку Мухаммеду и всем его приближенным. Эту книгу изучил Али сын Абдуллы. Да пусть простит его Аллах в честь его благоденствующей религии. Вся милость и все благодарности одному лишь Аллаху».

На печати, поставленной после вышеприведенного высказывания есть отрывок из 43 аята суры «Занавес»: «Слава Аллаху, благодаря которому мы постигли это. Если бы Аллах не подарил нам это, то мы не достигли бы его».

Под печатью имеется высказывание: «Эта прекрасная рукопись была выполнена для ее изучения и пользования великим султаном, величественным господином, владыкой морей и суши, служителем святой Мекки и Медины Султаноглу Султан Гази Махмуд Хану (Махмуд I. 1696-1730), а также для всех желающих изучить истины, допустимые шариатом. Да пусть Аллах увеличит его благое дело в день светопреставления.

Эту рукопись написал инспектор фонда святой Мекки и Медины Факир Ахмет Шейхзаде. Пусть они оба будут прощены.

В самой нижней части есть еще одна печать со следующим высказыванием: «Эй, мой Аллах. Ахмед просит у тебя успеха».

На последней странице рукописи (498б) есть следующие высказывания:

«С именем Аллаха, творца Вселенной. Количество написанных страниц 498. О, мой Аллах, да помоги успешно завершить».

«Во имя Аллаха. Он выкупил строки этой книги из наследия отца (Да пошлет Аллах ему свою благодарность) за 200 новых медных монет. Ханифит из Хемедина отец Оглу Касыма Ахмед».

Особенности перевода: Согласно мнению Р. Топарлы (Топарлы, 1992, 31), переводчик хорошо знает арабский язык. В его переводе ошибок так мало, что можно сказать, что их практически нет. В переведенных по принципу слово в слово,

строка в строку с арабского языка текстах структура предложений не отвечает правилам тюркского синтаксиса.

Об изучении языка памятника. В изучении памятника следует отметить лишь огромный труд турецкого ученого Р. Топарлы. В 1992 году Р. Топарлы публикует транскрипцию текста на латинской графике, исследует лексический состав, графо-фонетические и морфологические особенности языка памятника. Хотя ученый не называет конкретным термином, однако подчеркивает, что язык памятника не отличается от письменного литературного языка, который использовался на территории Хорезма и Золотой Орды (Toparly, 1992, 32).

Как показывают работы филологов, историков, этнографов и философов к началу XIV века в Поволжье сформировалось мощное авторитарное государство в котором процветали центры городской культуры. Культурная и экономическая жизнь была довольно активной. Установлено, что основную массу представляло тюркоязычное население, которое говорило на средневековых кыпчакских диалектах. Кроме кыпчаков среди тюрков проживали носители средневековых огузских диалектов, которые пришли в составе войска Чингисхана. Это торговые люди, представители исламской культуры и духовенства. Стабильные социополитическая и культурная ситуации способствовали тому, что городские центры становились средоточием мусульманской книжности. Здесь творили литераторы, историки, исламоведы, о чем свидетельствует богатое рукописное наследие. По словам крупного ученого Г. Тагирджанова, Золотая Орда – это огромный очаг культуры, а дошедшие до нас памятники этой культуры – его отдельные искорки. Такое сравнение вполне правомерно. Многие источники, исторические сведения говорят о том, что в Золотой Орде и тесно связанных с ним Египте и Сирии жили и творили многие писатели и поэты, творчество которых сохранилось лишь фрагментарно, такие, как Мауля Казый Мухсин, Мавляна Исхак, Ахмед Ургенджи, Мавляна Гыймад и др.

Не случайно, в письменных памятниках именно этого периода наблюдается жанрово-стилистическое многообразие:

Ярлыки. Среди памятников достойны внимания ярлыки ханов Токтамышша (1392) и Тимура Котлыга (1398). Эпитафические памятники.

Научные труды. Ибн Гарабшах (1388-1451), Амин ал-Холли в своих трудах заявляют о проживании в Золотой Орде большого количества известных в мусульманском мире ученых, таких, как Кутбетдин ар-Рази, али-Шейх Сагдетдин, ат-Тафтазани и др., и благодаря им город Сарай становится источником знаний и счастья. На арабском языке пишутся книги по медицине, педагогике, математике, истории, логике, астрономии.

Путевые заметки. Произведения этого жанра, будучи весьма популярны в средние века, сохранились в переводах на европейские языки (записи Ибн Фадлана, Ибн Батуты и др.), ранние памятники, написанные на тюрко-татарском языке до наших дней не дошли.

Глоссарии. Эти уникальные памятники являются важным источником сведений о разговорном языке Золотой Орды, мамлюкского Египта и Хорезма.

Основную часть письменных памятников периода Золотой Орды составляют произведения художественной литературы, которым присущи поэтическое совершенство, идейно-тематическое богатство, жанровое разнообразие.

Как уже было отмечено нами, в культурных центрах сложилось устно-разговорное койне, лексико-грамматическую основу которого составлял язык кыпчакского типа. Доказательством этого являются проанализированные глоссарии того периода и такой авторитетный памятник, как «Codex cumanicus». В этих памятниках зафиксировано как раз это городское культурное койне.

Основная масса привлеченных источников показывает другой ракурс языковой жизни в Поволжье, который процветал в иной культурной среде, среди людей, имевших мусульманскую образованность. Круг этих людей составляли политическая и торговая аристократия, улемы и муллы, литераторы и ученые, служащие канцелярии, отдельные военачальники и прочие и их окружение. Большинство из них имели обширные знания по арабскому и

персидскому языкам, были хорошо знакомы с исламской культурой и классической литературой. Особую роль играли не только торгово-экономические связи, а и широкий культурный обмен в рамках всей исламской цивилизации. Благодаря этому письменные тексты, разных жанров, создаваемые в Поволжье, органично вливались в это цивилизационное пространство. И через это пространство шел обмен литературными традициями и осуществлялась преемственность письменных форм языка.

**ФОНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ЦИКЛА:
ПРОБЛЕМА ВАРЬИРОВАНИЯ
ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННОЙ НОРМЫ**

Одной из актуальных проблем исторической текстологии и квалификации статуса литературного языка является, согласно новейшим теоретическим разработкам, стратификация языка памятника, выделение и анализ в нем базовых и периферийных компонентов языковой системы, именно этим вопросам в исследовании уделяется основное внимание.

Как видно из историографического обзора, при попытках атрибуции литературного языка наблюдается большое разногласие в рассмотрении признаков. Несмотря на наличие большого количества работ на эту тему, в тюркологии не разработана схема квалификации отдельного памятника на основе единых признаков. Такое разнообразие привлеченных признаков не позволяет привести в соответствие результаты их исследований и построить единую типологическую картину.

В тюркологии смешанный характер памятников отмечается начиная с древнетюркского периода. Однако, как правило, это понятие остается не четко определенным. В целом, под термином «смешанный» тюркологи понимают содержание в тексте памятника фонетических, грамматических, лексических элементов, принадлежащих, с их точки зрения, языку другой классификационной группы. При этом обычно эти языковые элементы приписываются определенной группе языков или диалектов (кыпчакской, огузской, уйгурской, карлукской). Очень часто вместо указанной языковой атрибуции эти элементы обозначаются географическими или ареальными терминами: «хорезмийский письменный язык», «хорезмо-золотоордынский письменный язык» (А. Inan, 1953), «восточно-тюркский язык» (С. Brockelmann, 1954), «золотоордынско-египетский литературный язык» (Э.Н. Наджип, 1965) или же даются хронологические определения: древнетюркский, среднетюркский, иногда социально-политические: «мамлюкско-кыпчакский» (J. Eckmann, 1964), «чагатайский язык» (F. Koprülü, 1945).

Как правило, четко не устанавливается круг памятников, соответствующих определениям «восточнотюркский язык»,

«кыпчакский язык», «огузско-кыпчакский», «уйгурско-кыпчакский», «мамлюкско-кыпчакский», «чагатайский язык» и «хорезмско-тюркский язык». Так, проф. Я. Экман к «хорезмско-тюркскому языку» относит «Кисас ал-анбия» (710/1310) Насретдина Рабгузи, «Муинулмурид» (713/1313) Шейха Шарифа, «Хосров и Ширин» (742/1341) Кутба, «Мухаббат-наме» (754/1353) Хорезми и «Нахджул-фарадис» (762/1360) (J. Eckmann, 1963, 113-116).

Иного мнения придерживаются Э.Н. Наджип (1961, 7), А.М. Щербак (1961, 30; 1962, 20-22), хотя и они расходятся во взглядах между собой.

Такой терминологический разнобой сохраняется и в настоящее время и используется обычно в таких случаях понятие «смешанный язык». Между тем, в современной лингвистике понятие «смешанный язык» имеет конкретное содержание. В частности, его применяют к креольским языкам, которые возникли в специфических социально-культурных условиях (БЭС, Языкознание, 1998, 245). Как правило, в этих случаях обычно говорят о существенных сдвигах в лексико-грамматической системе контактирующих языков или диалектов. В сложившейся тюркологической традиции под смешением имеют в виду не изменение системы языка, а употребление в языке одного памятника диалектизмов, которые в языке иного памятника являются нормой. При этом сюда попадают как синхронные соответствия, так и явления архаичные, свойственные языку иной эпохи. Подобная терминологическая неясность значительно затрудняет сопоставительное изучение языка письменных памятников, поскольку признаки «смешанности» не являются единственными для всех исследователей, что обуславливает потребность в разработке четких и единых критериев для оценки языка памятника.

Учитывая сложившуюся в тюркологии ситуацию с термином «смешанный язык» памятника, мы предпочитаем при атрибуции исследуемого текста, говорить не о его смешанном характере, а о

соотношении нормативности и вариативности фиксируемого в языке данного памятника. Четкое определение подобных терминологических понятий (база, периферия) и последовательное применение их в текстологических исследованиях, когда каждый конкретный текст описывается единым форматом с выделением нормированных и ненормированных частей, демонстрируется в работах Г.Ф. Благовой (Благова, 1982).

В настоящей работе мы широко используем введенное Г.Ф. Благовой понятие «базисной» и «периферийной» систем (Благова, 1977, 1982), которые соотносятся также с понятиями нормы и вариативности.

Эта методика, продемонстрированная на примере тюркской падежной системы, оказывается весьма перспективной при анализе других грамматических категорий тюркских языков, поэтому при квалификации языка памятника мы тоже идем на расслоение текста и вычленение в нем базисных и периферийных элементов.

В качестве признаков, классифицирующих языковую принадлежность письменного памятника, нами приняты следующие фонетические показатели:

1. графическое выделение перебоев ¹ (алиф) и ¹ (алиф йай);
2. действие губной гармонии: при характеристике учитывается его действие в основах слов и при присоединении ряда аффиксов;
3. соответствие **d~δ~j**;
4. сохранение смычного увулярного **-q-** в интервокальном положении;
5. сохранение традиционных сочетаний **-aуу-, -aуи-, -иуи-, -ууу-**;
6. сохранение ауслатного **-γ** и **-g**;

Факты, выявленные на основе этих признаков подвергаются нами количественному анализу и делаются статистические выводы, говорящие о частотности формы и ее продуктивности. Указанная схема исследования особенностей языка памятников

позволяет сопоставить полученные результаты путем количественного анализа, регулярно дополняя его качественным анализом.

Графическое соответствие алиф и алиф йай. В языке памятников золотоордынского цикла выделяется графически многообразное вариативное написание слов с алиф+йай и алиф, что указывает на ослабление корневого [ä] и на передвижение гласных ä ~ e ~ i. Как показывают исследования тюркологов (Щербак, 1970; Севортян, 1974; СИГТЯ, 2002), изменение гласных в корне из широких в соответствующие узкие выступает спорадически во всех диалектах тюркского языка с древнейших времен. На вариативное написание в орхонских текстах слов с начальным гласным ä и с его опущением [e] обратил внимание В. Томсен, который усмотрел в указанных переборах отражение своеобразного произношения. На явления замены [e] узким [i] в руническом письме: *el-il* «народ, государство»; *eki-iki* «два» и другие указывает И.А. Батманов (1959, 31-32). Большинство ученых считает, что звук [e] в истории развития тюркских языков появился относительно поздно в результате фонетических изменений. В.В. Радлов попытался установить приблизительную хронологию этого фонетического явления. По этому поводу В.В. Радлов (1884, 25) писал: «Постепенный переход ä в i, по моему мнению, произошел в тюркских наречиях позже XIV века и именно следующим образом: сначала ä корня тюркских языков (как он еще теперь выговаривается в алтайском, крымском и азербайджанском наречиях) в западных и киргизских наречиях перешел в звук e, произносимый при большом небном сужении, как мы теперь его слышим в киргизском и абаканском наречиях (подобно немецкому e в слове *sehen*). Впоследствии небное сужение увеличилось, так что во всех урало-волжских наречиях он является как i, выговариваемый при очень энергичной небной артикуляции». Таким образом, по мнению В.В. Радлова, переход [ä] в [i] произошел в тюркских языках Поволжья позже XIV века в результате сужения корневого [ä] до ступени [i].

Соглашаясь с мнением тюркологов, что передвижение гласных не является узколокальным явлением и что изменение в корне гласных из группы широких в соответствующие узкие выступает спорадически во всех диалектах с древнейших времен, подчеркнем, что только в татарском и башкирском языках оно привело к изменению всей шкалы вокализма. Вполне возможно, процесс сужения широких гласных мог возникнуть вследствие различных причин, связанных прежде всего с особенностями внутреннего развития каждого конкретного языка, и вполне естественно, в силу интра – и экстралингвистических факторов, влияющих на специфику развития языков. Исходя из сравнительного анализа языка эпитафий волжских булгар, Ф.С. Хакимзянов (1987, 4) склоняется к мнению, что исходной является система с трехступенчатой оппозицией гласных. Если в раннетюркских памятниках начальную графему можно читать еще как [ä], то в среднетюркских текстах ее необходимо читать как [e] (Хакимзянов, 1987, 40-41). Э. Наджип также указывал на «большую трудность для транскрипции буквы йай, которая, по-видимому, обозначает [i], [e]. Негубной узкий [i] в начальной позиции легко передать при помощи арабского алфавита, но трудно передать негубной полуширокий [e]» (Наджип, 1975, 81). Об изменении исконного [ä] в первом слове на [e] и [и] Я.И. Экман говорит следующее: «Караханидское [ä] в первом слове сохранилось вплоть до середины XV в. Но после оно начало заменяться [e]. Караханидские слова, такие, как: ار (*är*), اشيك (*äşik*), كالمäk (*kälmäk*) и др. пишутся в чагатайском как *ir*, *işik*, *min*, как в современном казанско-татарском произношении или с [e]: *er*, *eşik*, *kel*, как в современных тюркских языках Средней Азии (Экман, 1966, 37).

Понимая всю сложность интерпретации графической передачи гласных [ä] – [e] – [i] и учитывая традицию большинства исследователей в транскрибировании среднетюркских памятников через [e], мы допускаем возможность интерпретации сохранения анлаутного (алиф) и пропуска гласного в закрытом

слоге как древнетюркского [ä], а звуки, переданные графемой ۱ «алиф йай», обозначаем [i], хотя допускаем, что ۱ мог обозначать и промежуточный [e]¹. Мнения таких авторитетных ученых, как В.В. Радлов, Я.Э. Экман, исследователя развития старотатарской деловой письменности Ф. Хисамовой, которая также считает, что «в текстах XVI-XVII веков узкий нелабиализованный гласный переднего ряда [i] последовательно выступает на месте исконного [ä], и этот звук передается буквой ى (йай) и буквами ۱ «алиф + йай» в анлауте (Хисамова, 1994, 156), подтверждают нашу точку зрения. При транскрипции словоформ из привлеченных текстов учитывалось и то, что официальный язык Золотой Орды был кыпчакский.

Наблюдения показывают, что для языка памятников характерно вариативное написание, где историческое [*ä] и узкий нелабиализованный гласный переднего ряда [i] выступают параллельно. При рассмотрении тенденции соответствия ä ~ e ~ i становится очевидным, что в исследуемый период наблюдается активный процесс сужения [*ä].

В языке памятника «Кысас ал-анбия» сохраняется анлаутное «алиф». В древнем лондонском списке в анлауте регулярно пишутся с ۱ (алиф) слова: اجدیلار (13-7) *äçdilär* «выпили», اشتدی (17-3) *äşitdi* «услышал», (15-6) *äsrutdi* «опьянели», اذکو (17-8) *ädgü* «праведный». Эти же слова в списках памятника более поздней переписки переданы сочетанием «алиф + йай»: ايجتیلار (И.61-23) *içtilär* «выпили», ایشلار (И.67-3) *işlär* «дела» и др.

Наблюдается графическое колебание и в словах ایر – آر – ار, которое несет определенную семантическую дифференциацию. Написание آر (18-16, 14-18) и ار (7-2) используется для передачи значения «мужчина», а написание ایر (7-17) – значения «воин». В других списках такая семантическая дифференциация не прослеживается: (14-18) *jana iki är irdi jawuz biri Masday atlyu biri*

¹ Автором учитываются анализ и транскрипция, использованные исследователями по конкретным текстам.

Fayar bän Salif «и было у них двое злых мужчин, один по имени Мусдаг, другой Фазар бан Салиф», (7-2) Xanday bän Gomär atlyu ärni ozläriñä malik tutındylar «мужчину по имени Хандаг бен Гумер поставили себе правителем».

Значение «воин» передается формой **ایر** **ir**: سنچیشتی لار یتیمیش مینک ایر اولدی (7-17) *sançıştylar jätmiş miñ ir öldi* «сразились, семьдесят тысяч воинов погибло».

В языке «Нахдж ал-Фарадис» отчетливо выделяются три группы слов:

1) характерными, как показывают статистические данные, являются дублетные формы написания: **ال** **äl** (229-9) ~ **ایل** **il** ~ **el** (34-14) «рука», **ارتا** (254-1) *ärtä* ~ **ایرتا** *irtä* (322-3) «умро», **ار** **är** (366-14) ~ **ایر** **ir** (367-1) «мужчина», **كچا** *käçä* (287-3) ~ **کیچا** *kiçä* (232-3) «вчера», **تیریک** *tirik* (262-1) ~ **ترک** *tärek* (262-11) «живой», **تیمور** *timyr* (237-16) ~ **تمور** *tämur* (11-8) «железо», **بیگی** *bigi* (36-6) ~ **بگی** *bägi* (49-8) «его правитель», **بزاک** *bzäk* (36-6) ~ **ایبزاک** *ibzäk* (380-9) «украшение – наряд», **اکسه** (218-11) *äksä* ~ **ایکسه** (234-8) *iksä* «посеять», **اگین** (43-11) *ägin* ~ **ایگین** (234-9) *igin* «посев», т.е. традиционные и новые гласные функционируют параллельно. Такое варьирование было характерно для среднетюркских памятников, где большинство исследователей предполагало наличие древнего [e] (Муталлибов, 1968, 176; Наджип, 1979, 446). Мы тоже полагаем, что процесс сужения древнего [ä] в этот период был активным. В пользу такого толкования говорят графические дублеты в вышеприведенных примерах;

2) вторая группа слов, где **ا** (алиф) в анлауте без колебаний выражает древнетюркский [ä]: **اسان** (28-1) *äsän* «живой»), **اتماک** (332-17) *atmäk* «хлеб», **ارکاک** (178-11) *arkäk* «особь мужского пола, самец», **ایلیк** (250-17) *älik* «пятьдесят», **اتاک** *ätäk* «подол», **امکاک** (28-10) *atgäk* «рука» и т.д.;

3) имеется также немногочисленная группа слов с начальным [i], где не вызывает сомнения переход *ä > i: **اینکاک** (346-8) *iñäk* «подбородок». В «Дивани лугат ат-турк» М.Кашгари, в словаре Абу-Хайяна **انکاک** *añäk* «подбородок», **ایشیت** (14-17) *işit* «услышь», в МК **әшит** «слышать», **ایل** (17-362) *il* «страна», **این** (64-10) *iñ* «ширина».

В текстах по традиции гласные звуки получили достаточно последовательное отражение, хотя средства арабского алфавита позволяли лишь указать на наличие гласного звука, но не на его качество. Сочетание *اي* (алиф+йай) и *ا* (алиф) в анлауте может передать [i], [e], [ä] в силу соответствующего кыпчакским языкам перехода $\ddot{a} > e > i$. И чтобы проследить тенденцию вариативного написания слов и передачи звуков [ä], [e], [i], мы воспользовались принципами транслитерации и транскрипции.

В языке поэмы «Джумджума султан» выделяются две группы слов:

а) характерными являются дублетные формы написания: *ail* (23,14) *ايل* (18a3) «рука» *ashit* (14616) *اشيت* (206, 24a 2), *uslysh* *bil* (14, 16, 16a 10; 18a 10) *بيل* (18f 15; 19a15, 20a 6) *знай*.

б) [i] последовательно выступает на месте исконного *ä*: *ikmak* (216 13) «хлеб», *ir* «мужчина» (15a 11).

В языке «Кисекбаш китабы» отчетливо выделяются две группы слов:

а) имеющиеся вариативные формы написания: *ash* (156) ~ *ish* (18) «работа», *ashit* (209) ~ *ishit* (17) «слышать», *ail* (113) ~ *ail* (139) «рука»; Дж: *ashit* (146-16) ~ *ashit* (2066, 24a2) «услышь», *ail* (23a-14) ~ *ail* (18a-3) «рука», *bil* (146-16, 16a-10, 18a-10) ~ *bil* (18a-15, 19a-15) «знай»;

б) в анлауте последовательно пишется сочетание *اي* (алиф + йай): *aydu* (2, 260) «хороший», *air* (78, 149) «мужчина», *ayshik* (215) «двери», *ayki* (26) «два», *ayli* (51) «пятьдесят».

В тексте «Хосров и Ширин» Кутба 1) в анлауте устойчиво поддерживается написание диаграфа *اي* «алиф + йай»: *aych* (1v-5, 62v-5) *ич* «внутренность», *aych* (43r-20) *ич* «пить», *ish* (20r-14) *ич* «работа, труд», *ail* (114v-4, 33v-4) *ил* «страна», *ail* (67v-13) *ил* «рука», *ailt* (30v-4) *илт* «отнести», *aim* (65r-4) *им* «лекарство», *air* (113v-17) *ир* «мужчина», *ayki* (37v) *ики* «два», *ayr* (74r) *ир* «дом». В закрытом слогe сохраняется полногласное написание *iy* (йай): *minik* (100r) *миң* «тысяча», *ayki* (9r) *биг* «правитель». Имеется группа слов с вариативным написанием:

Написание с алиф йай	повтор	Написание с алиф	повтор
irin «губы»	6 раз	ärän «губа»	6 раз
irdim «был»	4 раза	ärdim «был»	4 раза
işek «осел»	6 раз	äsäk «осел»	3 раза
imgel «мучиться»	10 раз	ämgän «мучение»	21 раз
kil «приходить»	287 раз	käl	26 раз
kitür «приносить»	13 раз	kätür	25 раз
timür «железо»	12 раз	tämür	4 раза

Вариантность в написании [i] или [ä], с одной стороны, это отражение традиционности в орфографии текста, с другой, отражение изменения, орфографическое ориентирование на народный язык или отражение особенностей языка писателем Берке Факыхом.

Характерной особенностью исследуемого памятника Хорезми «Мухаббат-наме» в области гласных является то, что в анлауте на место исконного ä (общетюркского e) выступает [i] и передается буквой «алиф + йай». По Э.Н.Наджипу такое сочетание может передаваться через [i]: (اير) iç «ней» и через [e] в силу свойственного кыпчакским языкам перехода ä > e > i (например, (этмэк > етмэк)) (Наджип, 1961, 22). Мы же для обозначения анлаутного (алиф + йай) использовали принцип транслитерации и данное сочетание передали через [i]: ايچ (28) iç «нутро», ايچشونلار (125) içşünlär «пусть пьют», ايشيت تينک ايرسه (56) iştittin irsä, ايرين (362, 359) irin «губа», ايشى (227) işi «его дело», ايشيك (80) işik «дверь», ايلي (14) ili «его страна», ايل (360) il ~ ايليک (168, 12) ilik «рука», ايليک (96) ilik ~ ايلي illi (440) «пятьдесят» и др. Лишь в одном примере зафиксировано анлаутное а (алиф): اسروک (347) äsrük «пьяный», ايتار (44) itär «делает», ايجيم (280) içim «мое нутро», ايجکيل (84) içkil «ней», ايز (260) iz «след», ايشيکيندا (80) işikiñdä «у твоего порога», ايکي (2) iki «два», ايلي (14) ili «его народ», ايلي (440) ill «пятьдесят» и др.

Для передачи гласных в языке памятника Сейифа Сарай «Гулистана бит-тюрки», наряду с общеизвестными тремя

арабскими буквами ^ا (алиф), ^و (уау), ^ى (йай), часто употребляются хакаре.

В языке памятника звуковые изменения перехода [ä] - [e] - [i] отражены графически. В письме превалирует анлаутное ^{اي} «алиф + йай» или ^ى (йай) в закрытом слове в словах: ^{ايل} (136r-11, 30v-9) *il* «рука», ^{ايل} (164v-1; 23v-2) *il* «страна», ^{ايا} (100-2) *ijä* «хозяин», ^{ايشيك} (119-11, 125-9) *işik* «дверь», ^{ايش} (294-4, 99-2) *iş* «дело», ^{ايار} (44-13) *ijär* «следуй», ^{ايستاماك} (140v-6, 36r-7) *istämäk* «искать», ^{اينк} (46v-12) *iñ* «ширина».

Вариативное написание отмечается в словах: ^{اير} (177v-8, 38r-9, 43r-2) *ir* ~ ^{ار} (38r-7, 45r-8, 36v-9) *ir* «мужчина, воин», ^{ايرлик} (78r-1, 146v-11) *irlik* ~ ^{ارليك} (77v-12, 149r-13) *erlik* «мужество, сила», ^{ايچмак} (257-1, 60-7) *içmäk* ~ ^{اچماк} (257-1, 286-7, 290-9) *äçmäk* «пить», ^{аир} (218-7, 99-13) *iw* ~ ^{ау} (243-2, 119-10, 60-11) *ew* «дом», ^{аишит} (307-8, 352-9) *işit* ~ ^{ашит} (262-7) *äşit* «услышь», ^{аитак} (57-6) ~ ^{атак} (41-5) *ätäk* «подол». В следующих словах пишется только ^а (алиф): ^{арта} (143-3, 119v-6) *ärtä* «утро, рано», ^{асмак} (313-10) *esmek* «веять».

Итак, в языке «Кысас ал-анбия» Рабгузи (1310) графическое колебание несет определенную семантическую дифференциацию, ср.: ^а *är* «мужчина», ^{аир} *ir* «воин», в остальных словоформах сохраняется древнетюркское ^ä, то в языке произведений, написанных в середине или во второй половине XIV века, характерным является вариативное написание слов: с начальным ^а (алиф) или ^{аи} (алиф йай), или пропуск и отражение ^й (йай) в первом слове. Сравни: для языка КР – характерно одновариантное написание слов с ^а (алиф), для НФ, КБ характерно сохранение древнетюркского типа: ^а (алиф) и вариативное написание ^а (алиф) и ^{аи} (алиф+йай), где ^а (алиф) превалирует. В языке XIII и МН, КБ, Дж наблюдается характерное для среднетюркских памятников вариативное написание, однако в анлауте превалирует графическая передача ^{аи} (алиф+йай). Для Гб и СС характерно одновариантное написание слов лишь с ^{аи} (алиф йай) и с [i].

Соответствие	КР	НФ	Кб	Дж	ХШ	МН	Гб	СС	ИМ
Карах.-уйг. (алиф)	О	О			●	●			
Вариатив.		◻	◻	◻					О
Кыпч. койне		●	О	О	О	О	О	О	О

О – базисное употребление,

◻ – вариативное употребление,

● – периферийное употребление.

Губная гармония. Учет качественных и количественных характеристик, полученных путем анализа языка исследуемых памятников, дал объективную картину действия губной гармонии в основах слов и при присоединении ряда аффиксов. В языке памятников губная гармония сохраняется в абсолютном большинстве случаев в основах слова в КР, НФ, Гб, Кб, Дж, МН.

Отражение губной гармонии в языке памятника «**Кысас ал-анбия**». Губная гармония сохраняется в основе слов: اوکوت (5-12) ögüt «стыд», كونكول (16-9) köñül «сердце, душа», اوزون (7-9) uzun «длинный», بورون (7-9) burun «до», اوکوش (15-14) üktüş, توتون (23-3) tütün «дым», بوزون (18-9) buđun «народ», اوروع (6-8) oruу «народ», اوتوز (13-12) otuz «тридцать», اولوع (6-8) uluу «старший» и так далее.

Зафиксировано употребление огубленного варианта аффиксов:

а) родительного падежа: اذغولوك نونك (11-9) äđgülikniñ «доброты», كوك نونك (7-23) kökniñ «неба», اوتتونك (8-1) otñu «у огня» и так далее;

б) аффиксов принадлежности: كوكسوم ده (17-8) küksümdä «на моей груди», سوزونك (16-12) söziñ «твое слово»;

в) губные варианты аффиксов относительных прилагательных и существительных لوق/لوق- (11-7) luq/-luk) سوز (-suz) ساج لوق (11-7) sađluq «с волосами», ياروق لوق (13-7) jaruqluq «свет», اوزونلوق (8-1) uzunluq «длина», يول سوز (17-15) jolsuz «беспутный» и др.;

г) глаголов прошедшего категорического времени 1-ого лица единственного числа на **-dum** и 1-ого лица множественного числа

на **-duq**: بول دوم (18-7) *buldum* «нашел», قورتولدوم (9-5) *qurtulduim* «избавился», بيلور اردوك (13-7) *bilür ärdük* «знали», كوركوزدوك (13-7) *körküzdük* «указали» и т.д.;

д) аффиксов деепричастий **-ub/-üb**: توشوب (7-6) *tüşüb* «упав», كدوروب (6-4) *kedürüb* «надев», но اوخشانتب (19-6) *oxşatyb* «обознавшишь».

Наблюдения показывают, что в языке «Кысас ал-анбия» отражается уйгурская традиция сохранения губной гармонии и в словах – основах и в вышеперечисленных аффиксах. Случаи нарушения губной гармонии встречаются очень редко.

Губная гармония в языке памятника “Нахдж ал-Фарадис”. Следование традициям письменного литературного языка, стремление выработать особый изысканный язык было постоянным препятствием, не допускавшим значительного отражения живых явлений языка. Махмуд ал-Болгари, придерживаясь традиций, в тексте последовательно соблюдает губную гармонию:

а) в основах слова: بوغون (326-9) *boğun* «сустав», اورومجوك (20-12) *ürümçik* «наук», اورلوق (230-14) *urluq* «семья», يونكول (374-12) *juñul* «легкий», قويوغ (385-7) *qujuq* «колодец», يوروق (7-5) *joriq* «толкование», بويون (345-17) *bojun* «шея», بورون (68-6) *burun* «раньше», بوروندوق (162-12) *burunduq* «узда», يولدوز (62-8) *julduz* «звезда», يونوغ (68-4) *juñuq* «омовение», يوزوك (76-16) *jüzük* «перстень», اورون (14-7) *orun* «место», اوتون (217-6) *otun* «дрова» и т.д. Зафиксированы употребление огубленного варианта аффиксов:

а) родительного падежа: قويوغ نونك (385-7) *qujuñunıñ* «у колодца», تون نونك (313-5) *tüñniñ* «у ночи»;

б) аффиксов принадлежности: سوزوم (319-2) *soziim* «мое слово», قول موز (254-6) *qulmuz* «наш раб», но قلميز (52-5) *qolmuz* «наши руки»;

в) огубленные варианты аффиксов относительных существительных и абстрактных прилагательных: كوركلكوك (207) *körklük* «красивый», تاليم سوز لوك (160) *tälim süzluq* «многословный», تولوغ سولوغ (273-13) *toluğ soluğ* «полноводный колодец», قويوغ (385) *qujuq* «слепой», خاتون سوز (347-11) *xatunsuz* «без жены», تورلوك (234) *turlük* «разный» и т.д.;

г) в аффиксах деепричастий на **-ub**: قاذغوروب (280) *qabduyurub* «страдаю», يابشونوب (112) *jabsünüb* «расцепившись», بولوب (82) *bolub* «став», جوروب (376-11) *žürub* «угнивая», قويوب (376-11) *qoñub* «оставив» и т.п.

В памятнике зафиксированы очень редкие случаи нарушения губной гармонии в сторону делабиализации, например: يوزونكى (439-9) *jüzünki* ~ يوزينكى (439-9) *jüzini* «твое лицо», كوتورماك (415-3) *kütürmāk* ~ کوتارماك (415-4) *kütärmāk* «поднимать», اوقيدى (418-6) *oqudy* «прочитал», يوريدى (355-3) *jüridi* «походил».

В орфографии регулярно сохраняется традиционное написание типа: قارلويغ *qarluğ* «ласточка» (42-17), انوق *anıq* «ясно» (293-10), ارتوق *artuq* «лишний» (260-9), اقرون *aqrın* «медленно» (383-7), التون *altın* «золото» (62-8), اجوق *açuq* «ясно» (7-5), تاشوک *täşük* «дыра» (21-4), یرتوق *yurtuq* «дыра» (380-4), ياستوق *jastuq* «подушка» (159-10); лишь в одном слове наблюдается вариативное написание; ازيق *azyq* (21-17) ~ ازوق *azuq* «пища» (21-17).

В языке «Джумджума султан» Кятиба губная гармония сохраняется: а) в ряде основ اولوغ (15) *uluğ* «великий», تولوغ (15) *tuluğ* «полный», قوروع (25) *quruğ* «сухой», قوبوز *qubuz* «кубыз». Губная гармония относительно устойчиво выдерживается: б) в аффиксах деепричастий: توروب (166) *turup* «встав», بولوب (18a) *bolup* «став», توزوب (21a) *tozup* «стерпев», но تورب (178) *toryp* «встав», كورب (206) *kürep* «увидев»; в) в аффиксах принадлежности: سوزوم (17) *süzüm* ~ سوزيم (20) *süzim* «мое слово», كوزوم (19) *küzüm* ~ كوزيم (20) *küzim* «мои глаза».

В тексте дастана «Кисекбаш китабы» губная гармония сохраняется: а) в основах слова: اولوغ (152) *uluğ* «большой», قوروع (264) *quruğ* «сухой», قوتلو (255) *qutlu* «счастливый, удачный», كونكول (6) *könül* «сердце», قويوغ (235) *qujuğ* «колодец», اوتوز (86) *otuz* «тридцать», توتون *tütün* «дым»; б) в аффиксах принадлежности: دوستونا *dostuna* «другу», اوزون (217) *özün* «себя», اوستونا *üstünä* «верх», но в то же время зафиксированы примеры в сторону делабиализации: سوزين (22) *sözün* «его слова», كوزين (125) *közün* «его глаза», يوزين (21, 126, 30, 220) ~ يوزون (31) «его лицо»; в) в аффиксах деепричастия: كوروب (33) *körüp* «увидев», но توتب (22) *tutup* «держая»,

بولبول (44) «став»; г) в аффиксах каузатива: كولدورورسن köldürürsen «рассмешишь», كوندور köndür «посылать», но اولتوررسن (165) oltürersen «убьешь». В языке памятника не подчиняются действию губной гармонии аффиксы родительного падежа и глаголов прошедшего категорического времени.

В языке «Хосров и Ширин» губная гармония уже не образует единой строгой системы, наблюдается сложное взаимоотношение книжной традиции и живого разговорного языка, о чем свидетельствует вариативное написание большого ряда слов и словоформ.

Соблюдается губная гармония	Повтор	Нарушение губной Гармонии	Повтор
bulut	17	bulyt	8
buru	3	buri	11
quru	1	qury	1
oqu	2	oqu	23
sungu	4	sungi	4
junu	2	junci	4
juru	22	juri	41
jurit	3	jurit	28
Всего	71		136

Губная гармония всегда соблюдается: а) в окончаниях родительного падежа: айнуη (2435) «у луны», qusnuη (798) «у птицы», kişiniη (261) «у человека», sozütüη (3624) «моих слов»; б) в аффиксах принадлежности: azıqıt (3346) «моя еда», kozüt (2501) «мои глаза», boııη (1666) «твой стан», jüzüη (1660) «твое лицо», qolıqız (2501) «ваш раб», közüñüz (77) «наши глаза», yımrumız (58) «наши жизни» и др.; в) в аффиксах -luγ, -lug, -luq, -lük, -suz, -süz: jüklüg (529) «нагруженный», joqlıq (3167) «нищета», tüzlük (3872) «стройный», tuzsuz (4119) «несоленый», küçsüz (4264) «бессильный» и др. Лишь в одном примере наблюдается нарушение губной гармонии: joqlıq (4222) «нищета».

Для языка XIII века характерны пропуски конечных **-γ** и **-q** в окончаниях относительных прилагательных. В случаях пропуска **-γ**, **-q** всегда нарушается губная гармония: *jazuqlıy* (23) ~ *jazuqlıy* (296) «грешный», *aj juzlüg* (54, 274) ~ *ay jüzli* (282) «лунолика», *sozlüg* (198) ~ *sözli* (182) «с речами» и др. Влияние губной гармонии сохраняется при присоединении аффиксов 2-го лица множественного числа повелительного наклонения: *qojuñ* (1680) «поставьте», *olturing* (3214) «садитесь», *körüing* (1487) «взгляните», *kürüingüz* (3214) «взгляните»; в аффиксах деепричастий на **-p**: *küçür* (124) «переходя», *ıruşur* (1373) «воюя», *münür* (3256) «забравшись».

В «**Мухаббат-наме**» Хорезми губная гармония сохраняется с немногими отклонениями в аффиксах принадлежности 1-го и 2-го лица, единственного числа *bojuñiz* (370) «ваш стан», *jüzün* (278) «твое лицо», *xüsnün* (123) «твоя красота», *közüm* (362) «мои глаза», *közün* (165) «твои глаза», *bulbubun* (263) «твой соловей», *jüzünüz* (23) ~ *jüzünüz* (52) «ваше лицо», в глагольных формах 1-го и 2-го лица прошедшего времени, в деепричастии на **-p**: *uttun* (135) «ты выиграл», *oqudım* (50) «я прочитал», *tuttım* (433) «я покорил», *tuttun* (135) «ты держал», *tüzür* (22) «построив». Случаи нарушения губной гармонии: *ulyy* (1) ~ *ulyy* (14) «великий», *kürkli* (220) ~ *körkliik* (228) «красивый», *jüzünüz* (23) ~ *jüzünüz* (52) «ваше лицо», *quluñızmun* (369) ~ *quluñızmun* (286) «я ваш раб» и др.

В языке «**Гулистан бит-тюрки**» наблюдается относительно устойчиво сохранение губной гармонии: а) в основах слова *بولوت* (13к-7) *bulut* «облако», *چوموج* (160r) *çümüç* «половник», *سونكو* (11r-6) *süngü* «копье» ~ *سونكى* (121v-7) *songı* «копье», *اوروش* (857) *uruş* «битва», *توتون* (40r-7) *tütün* «дым». Вариант слова *böri* «волк» зафиксирован лишь в делабиализованном варианте *بورى* (14v-6, 167v-7, 14v-6) *böri* «волк» и др.

В «**Гулистан**» губную гармонию сохраняют (с немногими исключениями): а) глагольные формы 1-го и 2-го лица прошедшего времени, см.: *kördüm* (15r-11) «я увидел», *kördün* (138r-9) «ты видел», *sordım* (145v-8) «я спросил», *öltürdün* (165v-2) «ты убил»; б) деепричастия на **-p**, см.: *buzur* (121r-7⁰) «сломал», *köçür* (103r)

«переходя», *öbüşür* (421-12) «целуясь», *qorqur* (x32r-10) «испугавшись»; в) формы принадлежности 1-го и 2-го лица, единственного числа: *dustum* (115v2) «мой друг», *dustuñ* (260-13) «твой друг», *köñüliim* (181v4) «моя душа», *koñüliñ* (105r1) «его душа», *közii* (127r6) «его глаза», *sözüm* (42v12) «мое слово», *sozii* (420-12) «твое слово» и др.; в 3-м лице единственного числа губная гармония не наблюдается: *sözi* (70r12) «его слово», *közi* (3v5) «его глаза» и др. Наблюдаются частые случаи вариативного написания, особенно с аффиксами **-ly**, **-luq**, **-liq** и др.: *dustluq* (162v2) ~ *dustliq* (120v) «дружба», *küçli* (156r11) ~ *küçlii* (100v7) «сильный», *ulugluq* (30r11) «величие», *türli* (321) ~ *türlik* (182v) ~ *türlü* (3r) «разный», *jazuqli* (34v7) ~ *yazuqli* (169v13) «грешный» и др.; в окончаниях порядковых числительных губная гармония не наблюдается, см.: *törtinçi* (8v2) «четвертый», *içinçi* (8v-1) ~ *içünçi* (81v3) ~ *içünçü* (138) «третий».

В языке исследуемых памятников губная гармония, кроме основ слов довольно устойчиво соблюдается в аффиксах:

1) родительного падежа – в КР, НФ, ХШ, Гб, МН, Дж;

2) в аффиксах принадлежности 1-го и 2-го лица – в КР, ХШ, Гб, МН, Дж, Кб. Зарегистрированы единичные случаи делабиализации в текстах Дж: *sözüm* (17) ~ *sözim* (20) «мое слово»; МН: *jüzüñüz* (23) ~ *jüzüñiz* (52) «ваше лицо». А в языке НФ вариативность играет семантическую роль. Сравни: *qulmuz* (254-6) «наш раб», *qulmuз* (32-5) «наши руки»;

3) в аффиксах глаголов прошедшего категорического времени 1-го лица единственного и множественного числа на **-dum** и **-duq**: в языке КР, НФ, ХШ, Дж, МН, Гб. В исследуемом периоде не только вышеназванные памятники, но и в книге «Codex sumanicus», в значительной степени ориентированной на живую речь, зафиксирована последовательная губная гармония во всех 3-х лицах. Наблюдается вариативное написание в некоторых словоформах. Например: в ХШ провописание **-dum** встречается 37 раз, неогубленная форма **-dym** – всего 3 раза;

4) в аффиксах деепричастий на **-ub** **-üb** устойчиво соблюдается губная гармония;

5) с абсолютной последовательностью губная гармония сохраняется в аффиксах существительных и относительных прилагательных на **-luγ, -lük, -luq, -lük, -suz, -suz**. Вместе с тем, нередко случаи варьирования разнодиалектных форм относительных прилагательных **-luγ, -lüg** с новым аффиксом кыпчакского типа **-ly**. Если в традиционных аффиксах **-luγ** губная гармония всегда соблюдается, то в новых аффиксах, в которых звонкое щелевое **-γ** опускается, прослеживается последовательное нарушение губного сингармонизма. В тексте XIII, Гб, МН отражалось региональное койне кыпчакского типа.

Соответствие	Формы	КР	НФ	Кб	Дж	XIII	МН	Гб	СС	IM
Карах.-уйг.	осн.сл.	○	○	○	○		○	○		
	-nuη	○	○		○	○	○	○		
	-um	○	○	○	○	○	○	○		
	-dum	○	○		○	○	○	○		
	-up	○	○	○	○	○	○	○		
	-luγ	○	○	○	○	○	○	○		
	-suz	○	○	○	○	○	○	○		
Вариатив.	um~ym		◐	◐	◐	◐	◐	●	◐	◐
	осн.сл up~yp									
Кыпч. койне	Делаб. осн.					○			○	○
	-nuη-ym			○						
	-dum				○					
	-yp			○						
	-ly					○	○	○		

Соответствие d~δ~j. При дифференциации тюркских языков на группы соответствие **d~δ~j** является одним из показательных признаков, начиная с первой классификации тюркских языков М. Кашгари и в исследованиях более позднего времени.

Употребление **d, δ, j** Махмуд Кашгари наблюдал в живом языке в средние века и указывал на фонетическое различие **d ~ δ**. В языке караханидско-уйгурских памятников **-δ** рассматривается как дань письменной традиции.

По классификации Н.А. Баскакова, еще в древнетюркскую эпоху тюркские языки подразделялись на группы **d/m** – языков, группу **c/z** – языков и группу **й** – языков. В этот период наиболее древние языки, входившие в состав группы **p** – языков, сосуществовали параллельно с группами **d/m** – языков и **c/z** – языков. Что касается группы **й** – языков, то ее возникновение Н.А. Баскаков относит к X в. (Наджип, 1979, 94). В своей классификации тюркских языков, отнеся болгарскую, огузскую, кыпчакскую и карлукскую группы к западно-хунской ветви тюркских языков, Н.А. Баскаков считает характерной особенностью их фонетической структуры замещение древнего **d** звуком **j** (Баскаков, 1960, 103).

А.М. Щербак считает, что процесс замены **δ > j** происходил в связи с изменением фонетической системы всех тюркских языков, по крайней мере, не позднее XII века. Возможно, что кыпчаки ранее других племен имели **j**. «Наличие **δ** – основ в некоторых памятниках, относящихся к сравнительно позднему времени, например, в «Кысас ал-анбия» и «Хибат ал-хакаик», по всей видимости, не отражает норм живого произношения и является данью литературной традиции» (Щербак, 1961, 57).

В языке памятника «Кысас ал-анбия» Рабгузи зафиксированы слова лишь с **δ** – признаком: قاندى (11-7) *qäδdy* «оставил», كاندى (11-7) *käδdi* «надел», كادىك (13-15) *käδik* «дежурство, черед», قوددى (8-1) *qoδdy* «положил», بوزلوع (6-2) *boδlu* «рослый», كانكان (5-2) *käδkän* «оставивший», اونقودا (18-6) *uδqida* «во сне» и др.

В языке памятника «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари наблюдаются следующие особенности соответствия **d~δ~j**:

1) слова, которые сохраняют постоянно традиционный **δ** – признак: انزلب (256-10) *aδrylyp* «расставаясь», اذاقى (10-11) *aδaqy* «его

нога», قودوغ (44-4) qıdıu «колодец», قوزوق (53-3) qıdıuq «хвост», ایذی (212-6) idi «хозяин, владелец», كوداكو (134-6) küdägü «зять»;

2) группа слов, которые имеют вариативное написание с чередованием $\delta - j$: اوزماق (314-2) uıtaq ~ اويماق (82-9) uıtaq «спать», كادميش (334-1) kädmiş ~ كيماس (189-15) kimäs «не оденет», بيذوك (217-4) bidik ~ بيوك (378-11) bijük «высокий», كاديك (338-4) kädik ~ كايك (209-3) käjik «дикое животное», قودتی (410-5) qodtı ~ قويدی (410-5) qojdı «поставил», قذغو (102-8) qadgu ~ قیغی (395-6) qajyg «горе», اذار (53-12) ädär ~ ايار (53-12) äjär «седло». Слово «стан, рост» в языке памятника НФ встречается в двух вариантах с z – признаком и с j – признаком, а варианта с δ – признаком не зафиксировано. Представляет интерес тот факт, что звук z встречается в составе имени прилагательного bozluu «имеющий рост»: orta bozluu (22-15) «среднего роста», Adam rajyambar bozluu boluajlar (65-11) «ростом с пророка Адама». А существительное boj «стан» и его производные зафиксированы лишь с j – признаком: bojbirin (111-17) «подчинитесь», bojya jettiler (337-8) «выросли» и др.

Надо подчеркнуть, что в языке памятника господствующее место принадлежит словам с δ (δ -признаком);

1) лишь отдельные слова типа adaq, qadaş, qod – могут быть отнесены к d -признаку: اداق adaq «нога»: eki elkitaqu eki adaquny ol qaziqlarqa bayladylar (165-10) «обе руки и обе ноги привязали к тем колам», olu tas atur adaqutnu syndurtaquz (401-8) «бросив большой камень, не переломите мне ноги»; qadaş «родственник»: Mäkkädä uıguut qadaşum bar (48-15) «в Мекке есть у меня родственники и близкие»; قود qod: özüñni saqlayul xalayıqu qoduyul (304-9) «береги себя, оставь людей».

В языке поэмы «Джумджума султан» Кятиба наблюдается в основном вариативное написание слов с δ – признаком и j – признаком:

δ – признак	Повтор	j – признак	повтор
адақ (А20б-9, 21а-2, 21б-6) «нога»	3 раз	ајақ «нога» (21а-4)	1 раз
(24а-1) іді «бог»	1 раз	іjä (2а-6) «хозяин»	1 раз
(22а-11) қадыр җүрүр «горюя»	1 раз	-	-

В употреблении $d \sim \delta \sim j$ нормой являются слова с δ – признаком. Вариативность отражается в орфографии в дублетных написаниях слов с $\delta \sim j$ признаком, **-d** признак отсутствует.

В языке «Кисекбаш китабы» наблюдается одновариантное употребление слов: а) или только с δ – признаком; б) или с j – признаком, вариативное написание слов не наблюдается: а) слова с δ – признаком: آداق (27, 120, 123, 139, 258) адақ «нога», ايذكو (5, 260) едгü «хороший, добрый», قذغو (68, 206, 208) қадыу «горе, горевать»; б) слова с j -признаком: اويو (160, 163, 165, 232) ују «спать», قوي (117, 182, 185, 186, 68) қиј «положить», قويوغ (101, 102, 106, 230, 244, 115, 67, 232, 235) қијуу «колодец».

Одна группа слов «адақ (5 раз), едгü (2 раза), қадыу (3 раза)» зафиксированы с δ – признаком, другая группа с j – признаком: ују (4 араз), қиј (5 раз), қијуу (9 раз).

При исследовании слов с δ и j признаком в языке «Хосров и Ширин» Кутба можно отметить также две тенденции: сохранение на письме традиционного δ ; дублетное написание слов с $\delta - j$.

1) группа		2) группа				
1) + δ – признак	повтор	δ – признак	Повтор	j – признак	повтор	
Адуп «иной, другой»	66 раз	адыр	9	ажур	3	отделять,
	38 раз	адыл	9	ажыл	1	отделяться
уд «отправить»	23 раза	адақ	77	ајақ	20	нога
	80 раз	қадыу	165	қажуу	6	горе
јудуу «запах»	4 раза	қод	27	қој	105	оставь
	19 раз	қидуу	9	қијуу	1	колодец
едгü «добрый»	15 раз	едерле	8	ејер	12	седло
			12	іуер-	2	оседлать

keđ «одеть»		kiđ	3	kiy	5	надевать
keđik «дичь»		tiđ	2	tiy	4	трогать
kiđiti «скрывать»		qadaş	3	qajaş	2	родственник
		boz		buj	2	стан
Всего	245		321		161	

С **d** – признаком отмечены 2 слова: *بود bod* «рост, стан»: *atun tek uz boduñ bar saçu şirin* (85-51) «как твое имя сладок твой стан»,

قاداتش qadaş «родственник»: *ne jary ne qadaş ne dünja ne din* (121-1) «ни друг, ни родственник, ни свет, ни вера».

Вариантность на уровне орфографии, абсолютная взаимозаменяемость графем **đ** ~ **j** в тексте «Хосров и Ширин» показывает, что увеличивается отклонение от традиционного написания, хотя превалируют слова с традиционным **-đ** – признаком.

В языке «Мухаббат-наме» Хорезми, созданной на той же территории и почти в те же годы, когда была написана поэма «Хосров и Ширин» Кутба, не встречается ни одного слова с **đ** – признаком. Три слова зафиксированы с **d** – признаком: *اداق adaq*: *başum dajim adaquñqa jaraşur* (106) «моей голове постоянное место у твоих ног»; *قودوق quduq* «колодец»: *Zamalyñ saldy Jusufi quduqqa* (275) «твоя красота низвергла Юсуфа в колодец», *ادگو ädgi*: *zähannu ädgi atuç tutty mutlag* (325) «твое доброе имя полностью покорило мир».

В других примерах все слова одновариантные с **j** – признаком:

اياق ajaq «нога»: *Ajaqu toprağun öpsäm ne jetmäs* (277) «я целую почву у твоих ног – чего же больше».

ايريلماق ajrylmaq: *jarydin ajrylsa bolmas* (371) «невозможно расстаться с возлюбленной».

بوی boj «стан»: *buju berlä saçunu tiñ jaratty* (6) «наравне с твоим станом он сотворил твои волосы»; *diçti bojuçuzāa latafatnuç buqajun* (45) «для твоего стана одежду изящества скроил».

قويماق qojmaq «класть, положить»: *žihan bunjaduny söz üzrā qojyañ* (4) «в основу мира поставил слово»;

كيبورماک *kijürmäk* «одевать»: *miña xilat kijurub qoş tutty* (48) «надев на меня халат, дал пару коней».

Язык «Гулистан бит-тюрки» Сараи относится к группе с *j* – признаком, все слова пишутся одновариантно с *j*.

اياق *ajaq* «нога». В тексте употреблено 23 словоформы: *jalyn ajaq idim* (90v-2) «был босоногим», *ajaquñ uwiş bolmady* (54v-11) «нога твоя не промокла», *elin ajaquyn baýlap* (48r-4) «завязав руки, ноги» и др.

ايرماق *ajurmaq* «отделять, разлучать»: *ajurmaq küç bilän* (19v-11) «разлучать силой», *sultan oýly çärikdän ajrylyp idi* (103v-10) «сын султана отделился от войска». Всего 5 слов на *ajur*.

بوی *boj* «стан» (70v-12, 180v-10, 15v-13, 77v-5, 179r-4, 181r-1): *ol boj särtw žamaly tolun aj* (15v-13) «ее стан – кипарис, красота – полная луна».

يا *ijä* «хозяин, владелец» (50v-2, 56v-11, 70r-2, 11v-7, 152r-13, 60r-10, 81v-5, 7v-3, 161v-2 и др.), всего в тексте зафиксировано – 18 словоформ: *mali ijäsi* (51v-12) «хозяин добра», *bilig ijäläri* (161r-9) «ученые», *ew ijäsi bildi* (50v-2) «хозяин дома узнал».

كيبك *kejik* «дичь»: *kejiklär atolar vaqtyn* (105r-6) «во время охоты на дичь».

كيبار *kijär* «наденет»: *Kayba tonun kijär aňyrlap* (144v-10) «одежду из святой Кагбы оденет с почетом».

قاينو *qajju* «горе, несчастье». В тексте употреблено 20 словоформ и все с *j* – признаком – 159r-1, 29v-6, 116r-13, 118r-1, 21r-1, 107r-12, 26r-10, 160r-4, 66r-5, 158v-3, 63r-8, 66r-6, 4r-7 и др.: *Dişman nazarynda qylmañdä qajju jad* (107r-12) «Около врагов не упоминай о своем горе», *ne qajjursun bu ottät axiratda* (4r-7) «зачем горевать этому народу в загробном мире».

قوي *quju* «колодец»: *quju azyu* (46v-6) «колодец», *zalimny jazıqlar qujuğa saldy* (32v-12) «обвинив преступника, бросил в колодец». Лишь в одном слове зафиксирована форма *قوئوغ* *qudiyu* (179v-6).

قوی *qoj* «оставь, поставь». Употреблено в тексте в 46 словоформах: 143v-5, 156r-2, 6v-9, 37v-6, 156r-8, 116r-5, 163v-4, 117r-12, 129v-5, 37r-6, 20r-4, 159v-2, 69r-10, 116r-5, 156r-7, 5r-3, 29r-2 и т.д.:

on är niŋ qıvvatınyu qojuyl ber erniŋ aqcasyn keltur (100r-9) «оставь силу десяти мужчин и принеси деньги одного мужчины».

توی toj «наестся, насытится»: köz jüzüni körüp andin tojmas (70v-2) «глаза никогда не насытятся, глядя на лицо» и др.

Язык «*Codex cumanicus*» относится к группе с *j* – признаком, все слова пишутся одновариантно с *-j*: *ajaq* (96, 18, 163) «нога», *bijik* (130, 25) «высокий», *qajyu* (126, 11, 37) «горе», *qajyn* (97, 11) «береза», *kij* (12, 25, 151) «одевай», *qoj* (43, 12, 126, 6 и др.) «ставь» и др.

В языке «*Иршадел-мулук*» нормативным является написание слов с *j* – признаком: *ajaq* (128a-4) «нога», *ajur* (256в-4) «разделить», *bijük* (89в-2) «высокий», *ijär* (221a-1) «седло», *qıjuq* (388a-2) «хвост», *qıju* (137a-6) «колодец», *buj* (488в-7) «стан», *qıj* (147a-2) «поставь», *tuj* (8a-2) «насытиться» и т.д. Зафиксировано вариативное написание *δ* – признак ~ *j* – признак, где превалируют варианты с *j* – признаком. Сравни: *kidsä* (346-2) ~ *kiy* (495в-4; 76 словоформах «одеться»), *kedik* (358a-8) ~ *kiyik* (226в-2) «дичь» и др.

Памятники	d – признак	δ – признак	δ ~ j	j – признак
КР	●	○		
НФ	●	○	■	
ХШ		○	■	
МН				○
Гб				○
Дж		○	■	
Кб		●		○

Как видно из результатов исследования, которые размещены в таблице, **d**-признак, являвшийся нормой для языка древнетюркских памятников, в исследуемом периоде занимает совсем иное положение, он зарегистрирован сравнительно небольшим числом слов в языке лишь ХШ, НФ, МН. В этот исторический период **d**-признак был оттеснен ставшим почти универсальным **δ**-признаком. Одновременно с **δ**-овыми формами в памятниках существуют и формы с *j* в середине и в конце слов.

При обращении к материалам памятников становится ясно, насколько важны они для изучения исторической эволюции перехода $d > \delta > j$. Так, например, в древнем списке 1489 года, известном в тюркологии как лондонский список «Кысас ал-анбия» Рабгузи зафиксированы слова лишь с δ – признаком, в то время как в печатном издании И.Ильминского имеется вариативное написание $اذكو$ (И-17) ~ $ايكو$ (И.173, 23); $اذاغى$ (И. 403, 11) ~ $اياغى$ (И.67.10) и др. (Халиуллина, 2002, 73). По данным К. Брокельмана, в списке сочинений Рабгузи, которым он пользовался, δ -овые формы существуют наряду с j -овыми: $абауу$ ~ $ајауу$ «его нога», $аѳгii$ ~ $ајгii$ «хороший», $боѳлуу$ ~ $бојлуу$ «имеющий тело» (Brokelmann, 1954, 29-30). Наличие j -признака в поздних списках Рабгузи можно объяснить работой переписчиков, книжной нормой являлся δ -признак.

Данные других памятников, составляющих в общем единый период, имеют различия по рассматриваемому соответствию. По нашим наблюдениям, в языке НФ, Дж, XIII отмечены все три формы с $d > \delta > j$ признаком в середине и в конце слов. Соответственно слова с d -признаком встречаются в единичных случаях, о чем было сказано выше. Реальное соответствие δ - j признаков имеет следующие особенности. Количественно доминирующими являются слова с δ -признаком. Однако в соответствиях δ - j в языке этих памятников можно отметить такие тенденции: 1) группу слов с устойчивым δ -признаком, 2) группу слов с вариативным написанием δ - j и 3) группа слов с устойчивым $-j$. На примере XIII можно статистически показать, как шла перестройка соотношения $\delta \sim j$ – признака. Слов с единственным δ вариантом зафиксировано 241 (с повторами): $абун$ (66 раз) «иной», $уб$ «отправить» (38 раз), $јубуу$ (23 раз) «запах», $едгii$ (80 раз) «добрый», $кеѳik$ (19 раз) «дикие животные», $кеѳti$ (15 раз) «скрывать». Если рассмотреть слова с вариативным написанием δ - j , становится ясно, что превалирующей, нормативной формой остаются слова с δ -признаком (с повторами 325 слов и 161 слово с повторами с j – признаком). Аналогичная картина характерна для

языка НФ. В языке НФ встречаются и единичные слова с *z*-признаком: *bozluγ* (22-15, 65-11) «с ростом». В языке Дж встречается вариативное написание слов с - *δ* и *j* признаками, где *δ*-признаки превалируют. В языке «Кисекбаш китабы» наблюдается употребление слов с *δ*- и *j*-признаком. Однако есть одна особенность, *δ* и *j* графемы строго закреплены за отдельными словами, вариативное написание слов не наблюдается, превалируют слова с *j*-признаком. Всего 12 слов с повторами закреплен за *δ*-признаком.

Наши исследования позволяют выделить третью группу памятников, где *j*-признак является классифицирующим и единственной формой. В языке поэмы «Мухаббат-наме» Хорезми, созданной на той же территории и почти в те же годы, когда было написано «Хосров и Ширин» Кутба, не встречаются слова с *δ*-признаком (правда всего три слова с *d*-признаком). В языке «Гулистан бит-тюрки» Сараи все слова с многочисленными повторами встречаются лишь в единственной *j* форме.

Таким образом, *δ*, являясь достоянием караханидско-уйгурских языковых памятников, сохраняется как нормативная форма и носит классифицирующий характер для языка КР, ХШ, НФ, Дж.

Включений кыпчакских диалектных *j* форм по сравнению с караханидско-уйгурскими текстами в золотоордынских текстах явно больше, о чем говорит большая вариативность в НФ, Дж, ХШ.

В языке Гб, МН, КБ выделяется другая нормативная *j* форма, и она выступает как классифицирующий признак.

Данные сопоставительного анализа языка памятников золотоордынского периода свидетельствуют о том, что их язык зафиксировал состояние, когда диалектная *j* форма проникла во все парадигмы, однако характер этого проникновения неодинаков. В языке КР, ХШ, НФ, Дж еще довольно заметно преобладает *δ* – признак, несущий караханидско-уйгурскую

традицию, над *j*-признаком. А в языке Гб, МН, КБ без каких-либо ограничений используется *j*, становясь новой языковой нормой.

Соответствие	Фор -мы	КР	НФ	КБ	Д ж	ХШ	МН	Гб	СС	ИМ
Карах.-уйг.	δ	○	○	●	○	○				
Вариатив.	δ ~ j		■		■	■				■
Кыпч. койне	j			○			○	○	○	○

Сочетания -ауу, -ауи, -ууи, -ууу. Сопоставление данных, полученных в результате анализа языков памятников, показывает, что указанные традиционные сочетания характеризуются большой устойчивостью.

В языке «Джумджума султан»: اعيز (29-14) аууз «рот», سيغير сууур (176-1) «корова», توغرى (30-6) туугу «прямой»; в языке «Кисекбаш китабы»: اغى (172) аууз «рот», اغلا (49) аула «плакать», باغلا (83) баула «привязать» сохраняются традиционные сочетания -ауи-, -ауу-; -ууи-, -ууу-.

В языке Кутба «Хосров и Ширин» сочетания -ауу-, -ууи-, -ууу- сохраняются относительно устойчиво. Для данного источника характерно наличие небольшого числа дифтонгов -uw, что указывает на использование в тексте разговорных форм, ориентированность писателя на локальную коммуникацию: سيغير сууур «корова»: *juraqraq jerdin tavary, sauyr jylqy qara qoj bar calary* (117v-19) «далее находился скот: корова, лошади и черные овцы», ساغيم сауут «удой»: *сауутну сиуганур* (83v-13) «ждущие удои молока», اغيز аууз (100r-17) «рот». Слово «холодный» встречается в тексте в форме سوق *sowuq* «холодный»: *sowuq jil* (105v) «холодный ветер», ياووق *jawuq* «близко», *jakiq keldi juraqdin* (106) «приблизился издалека» и т.п.

В тексте «Гулистан бит-тюрки» Сейифа Сарай сохраняются традиционные сочетания типа -ауу-, -ауи-, -ууу: ауур (105r-9, 105r-13, 10-13 и др.), ауур таş (75r-10) «тяжелый камень», ауур іş (129v-10) اغير «тяжелая работа», ауур bahaly (105r-9) «драгоценный»; اغيز аууз (121r-12, 78r-2, 113v-8, 23-2 и др.) ауузҗа

bal wa qajmaq qoj (77-2) «посласти уста»; аҕру «болезнь», köñlüm аҕруду (143v-4) «душа болит», сууунҕан jir (151r-12) «укромное место».

В языке «Codex cumanicus» указанные традиционные сочетания типа **-ауу** претерпели существенные изменения, что отразилось в свойственном кыпчакским языкам переходе их в дифтонги: *awuz* (141,8) «рот», *baula* (163) «завяжи», *buzaw* (107, 139, 14) «теленок». Наблюдается вариативное написание *bayla* ~ *baula* (163) «вязать».

Таким образом, литературной нормой для языка памятников являются традиционные сочетания **-ауу-**, **-ауи-**, **-ууи-**, **-ууу-**, однако следует признать, что в этот исторический период характерный для кыпчакского языка дифтонг типа **au** зарегистрирован в «Codex cumanicus» как отражение живого произношения, но в литературный язык диалектная форма еще не проникла.

Соответствие	Формы	КР	НФ	Кб	Дж	ХШ	МН	Гб	СС	ІМ
Карах.-уйг.	-ауу	○	○	○	○	○	○	○		
Вариатив.	-ауу ~ au					■			■	■
Кыпч. койне	-au								○	○

Сохранение -q- в интервокальном положении. В наддиалектном древнетюркском и караханидско-уйгурском литературном языках сохранение смычного увулярного **-q-** в интервокальной позиции является фонетической нормой. Согласно М.Рясянену, в уйгурском языке было такое же соотношение согласных, как и в древнетюркском (Рясянен, 1955, 125). Однако в более поздних уйгурских рукописях в этом отношении наблюдаются уже колебания, а в современных тюркских языковых группах дальнейшее развитие этого чередования пошло в разных направлениях, озвончение

интервокального **-q-** признается одним из важнейших характерных признаков кыпчакского языка.

Озвончение **-q-** отмечено в неодносложных основах уже у М. Кашгари: *yarmaqan* ~ *armaqan* (Кашгари I, 40), *basuyn* «налет», *tutqun* ~ *tutuyn* «пленник», хотя *daqy* «и», «также» дано у него лишь в одном варианте. В то же время он подчеркивает, что произносить *turduqy* как *turduyu* неправильно (Грунина, 1991, 27).

Как показывают наши исследования, исконное интервокальное **-q-** для языка золотоордынских памятников остается нормой.

В языке «Кысас ал-анбия» КР написание глухого **-q-** между двумя гласными, последовательно отражается на письме: *توقوز* (9-19) *toqyz* «девять», *ساقيندى* (11-14) *saqyndy* «подумал», *جيقار* (5-7) *çyqar* «отпусти», *يارليقادى* (13-7) *jarlyqady* «простил».

Проведенное исследование позволило утверждать, что для языка памятника «Нахдж ал-Фарадис» характерно сохранение традиционных черт: текст не образует заметного диапазона варьирования в отражении **-q->-γ-**, отличаясь последовательностью сохранения интервокального **-q-**: *اقار* (274-17) *aqar* «течет», *باقار* (27-8) *baqar* «смотрит», *يقيلىدى* (147-1) *juqyldy* «упал», *اياقين* (312-10) *ajaqyn* «его ногу», *بوتاقينى* (257-17) *butaqyny* «его ветви», *قيليقى* (383-16) *qulyqu* «его поступок».

Спорадически отражены случаи озвончения **-q-** между гласными, данное явление мы можем определить как использование разговорной формы языка: *ياروقى* (48-5, 262-2) *jaruqu* ~ *ياروغى* (246-2) *jaruqu* «его свет».

В тексте дастана «Джумджума султан» употребление глухого **-q-** относительно стабильно, но фиксируется тенденция озвончения **-q-** между гласными. Сравни: *اقار* (22-3) *aqar* «течет», *باقار* (22a-3) *baqar* «смотрит», *چيقيب* (22-3) *çyqur* «выйдя». Но *سلطان ليقى* (22-7) *soltanlyqu* «его султанат», *اوزونلوقى* (16-7) *uzunlyqu* «его длина».

Написание глухого **-q-** в интервокальной позиции последовательно сохраняется в языке «Кисекбаш китабы». Сравни: *اقار* (29) *aqar* «течет», *اذاقى* (27, 258) *adaqu* «его нога» ~ *اياقى* (120,

123, 139) «его нога», تاقى (8, 78, 96, 190, 207, 224) taqy «еще», چىقار (54, 53, 135, 157, 174) çuqar «выйдет».

Сохранение **-q-** в интервокальной позиции языке памятника «Хосров и Ширин», является ярким примером орфографической устойчивости. Сравни: اياقى ajaqy (162) «его нога», اقرار aqar «течет»: suw aqar erdi (111) «вода текла», aqyb boldy äränlär qany žäjhun (125) «воин истекал кровью, подобно реке Джейхун»; çuqar «отпусти, вынеси, выпусти»: چقاردى çuqardy elni (293) «высунул руку», çuqardy awaz (161) «подал голос»; بوتاقى (41) butaqy «его ветви», قولاقين qulacaqin (247) «его ушей», قولاغى qulagy (286) «его уши», يىقىلدى juqyldy (116, 74, 121 и др.) «упал». Вариативное написание: ارتاقى ortaagy joq (296) «нет пары» ~ ارتاغى ortagy (46) «пара», hosluq (41r-12) ~ hosluuy (41r-12) «его радость».

Употребление интервокального **-q-** в языке «Мухаббат-наме» относительно стабильно, однако наблюдается процесс озвончения глухого – **q:** aqar «течет»: баурумдин aqar qan (29) «сердце обливается кровью»,

jiqaldy (237) «он исчез». Встречается вариативное написание слова ajaq «нога». Сравни: اياقينيک (277) ajaqun ~ اياغينيک (121) ajaun «твоя нога».

Несколько менее постоянно сохраняется архаичное интервокальное **-q-** в языке «Гулистан бит-тюрки» Сараи. Интервокальное **-q-** в лексических морфемах в тексте в целом сохраняется, изменения происходили в основном на стыке лексем. Сравни:

اقرار aqar «плыть, течь» (22r-11, 136r-3, 142r-10): belür sän kim jana qajtmas aqar su (142r-10) «ты знаешь, что текущая вода никогда не возвращается», aqur jürak qany (87r-4) «сердце обливало кровью».

يىقىل juqyl «падать» (147r-9, 37v-12, 182r-9, 38r-12 и др.): kişi könlün iudaryu yadatuy joq (82r-12) «нет у меня привычки унижать человека».

باقار baqar «смотрит» 95v-3, 183r-12, 49r-13, 168r-8, 169r-11 и др.: kişi birni baqur ikki körär «Человек смотрит на одно, видит другое».

В тексте зафиксировано и вариативное написание словоформ. Сравни: اياق ajaq «нога»: اياقى (34r-1, 90r-3, 149v-1) ajaqy «его нога», ajaqun

(129r-10) «твоя нога», *aǰaƣun* «его ногу» (47r-4, 100v-12, 18v-6) и др. *aǰaƣun* (129r-1) «твоя нога», *aǰaƣun* (83v-1, 65v-11, 104v-12 и др.), всего с **-q-** признаком – 21 словоформ, а с **-γ-** признаком – 11 словоформ.

biǰurıq بويوروق *biǰurıqum* بويوروقوم (17v-3, 107r-3) ~ *biǰurıƣum* (34v-1) «мой приказ», *biǰurıqıƣ* (34v-1) ~ *biǰurıqıƣ* (17v-5, 106r-8) «твой приказ», *qılaq* قولاق *qılaƣumta* (59r-10) «моим ушам», *qılaƣuna* (148v-12) «его ушам» и др.

Если обратиться к словарю «Codex cumanicus», увидим сложное взаимоотношение книжного языка и живого разговорного произношения. Соответственно, приходится говорить о сохранении книжной традиции: *joƣary baƣur* (83) «смотреть наверх», *bolıƣtaƣu* (83) «его помощь», хотя озвонченные формы **-q-** преобладают в текстах: *ƣur* (124, 36, 142) «выпусти», *sagıƣ* (11, 15) «печаль», *taƣu* (62, 14, 117, 5) «еще» и др.

Систематическое употребление в языке памятников интервокального **-q-** дает нам возможность сделать вывод, что для исследуемого периода **-q-** можно считать основным признаком литературного языка. Вместе с тем, единичные примеры вариативного написания слов с озвонченным вариантом в языке памятников НФ, ХШ, Гб, Дж, Мн говорят о влиянии разговорного кыпчакского языка на книжный язык.

Соответствие	Формы	КР	НФ	Кб	Дж	ХШ	МН	Гб	СС	ІМ
Карах.-уйг.	-q-	○	○	○	○	○	○	○		
Вариатив.	q ~ γ		⊙		⊙	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙
Кыпч. койне	-γ-								○	○

Употребление ауслатного **-γ** и **-g** в языке памятников в целом сохраняется, т.е. выдерживается традиционно-архаичное написание.

Сохранение традиционного написания с увулярным [γ] в ауслате. Последовательное употребление **-γ** в конце слова является характерной особенностью языка «Кысас ал-анбия» Рабгузи: *اولوغ* (6-8) *ıluƣ* «большой», *قاموع* (6-4) *ƣatuƣ* «все», *قاتيع* (18-4)

qatuy «твердый», ساريع (15-12) saryy «желтый», قاپوع (7-7) qariy «ворота» и т.д.

Употребление в ауслaute -γ и -g соблюдается последовательно, то есть для языка памятника «Нахдж ал-Фарадис» характерно сохранение традиционно-архаичного написания: اغريغ (167-2) ayryy «боль, недуг», اريغ (59-1, 101-2, 8-9 и др.) aryy «чистый», اجيغ (135-5, 340-7, 135-5) ayy «гневный, злой», قاپوع (263-14) qariy «дверь, ворота», قاتبيغ (9-16, 385-1) qatuy «сильный, страшный», باغ (214-11) bay «связка», ياغ (114-12) jay «жир», يزيغ (396-8) yzyy «запах», يوليغ (84-13) julyy «выкуп», قوروع (267-13, 319-10) saryy «желтый», ساسيغ (25-11) sasyy «вонь», قوروع (133-14) qiryiy «сухой», قودوع (44-4) qidyiy ~ قويوع (385-7) qijiy «колодец», قورقوع (117-8, 192-1) qorqiy «страх», اولوع (50-1, 438-2, 9-1, 132-3) uluy «большой, огромный», ياماغ (400-10, 105-15) jamaу «заплата», تيريغ (396-9, 358-11) tiriy «живой», كيچيغ (52-13) kiçiy «маленький» и др.

Характерно традиционное написание с ауслутным -γ и для языка «Джумджума султан» Катиба: اولوع (21-6) otluγ, اولوع (22б, 13, 14) uluy, تولوع (15а, 16) tuluy «полный», قوروع (16а, 11) quruy «сухой, высохший» и др.

В языке «Кисекбаш китабы» всегда сохраняется анслутное -γ: اولوع (127, 129) uluy «большой», قاپوع (127 qariy) «дверь, ворота», قاتبيغ (107) qatuy «сильный», قويوع (101, 102, 106, 230) qijiy «колодец».

В языке «Хосров и Ширин» в употреблении конечного -γ и -g отражается сложное взаимоотношение книжной традиции и живого разговорного произношения. В языке памятника выделяются слова двух видов написания:

1) характерным является сохранение ауслутного -γ и -g без вариантов в словах qatuy «твердый», qatuy «все», qariy «дверь», tariy «служба», otlay «пастбище», jaray «годность», alday «обман», qaquy «гнев, злость», jajlay «пастбище», taryy «просо», ojay «бдительный», jaγlay «ошибочный», bilig «знание» и др.

Слова qabyy «ворота, дверь»: muradyny tabar oşbi qabyyda (31) «найдет желанное у этих дверей», juyyldylar qabyyda (66) «все

собрались у ворот», *jeti iqlim begläri juylyb qabuqqa* (127) «собрались беки семи континентов у ворот», *uzsa qabuqqa* (217) «направились к воротам»; тау «гора»: *taydin tayqa* (294) «от одной горы до другой горы»; табуу «служба, поклонение»: *kämär baylap turuqtylar tapuqda* (127) «опоясавшись, стояли на службе»; таруу (300) «просо», *otlay* (80) «настбище», *tawarya suwlay otlay xat barawan* «для скота есть водопой и настбище, и все в изобилии»; сынау «испытание, знак»: *bäli synaylyq ärmış kör nişanlar* (152) «было много знаков, свидетельствующих об этом», *јакау* «годность, польза, подготовка»: *jaray qyl* (64, 97) «приготовься», *jaraysyz çaqda* (69) «в ненужное время», *ојау* «бдительный, бодрый»;

2) вариативное написание с пропуском конечного -ү. Сравните: *quruu* ~ *quru*: *quruu süz тылаju* (47) «послушав пустые слова», *qojuaj quruu säwdany başdin* (173) «вычеркни из головы бесполезную торговлю», *quruu tän qaldıq* (292) «остались голыми» и т.д. С ауслаутным -ү «*quruu*» употребляется в тексте 14 раз, а с пропуском -ү 4 раза: *qoj quru gäwdä* (171) «оставь худое тело», *qıdıq* ~ *qızı*: *Jusuf teg qadıu qıdıuınya atylmış* (87) «как Юсуф, брошен в колодец горя», *alınynda qıdıu bar* (136) «перед ним имеется колодец», *bi qadıu qızıuındın qıtıyar menı* (200) «спаси меня от этого бездонного колодца горя» и т.д. Всего с -ү 8 примеров, а словоформа *qıdı* встречается в тексте всего один раз.

Несмотря на вариативное написание слов, статистические данные показывают, что пропуск конечного -ү для языка «Хосров и Ширин» не характерен.

Слово с сохранением – ү	Встречается в тексте	С пропуском – ү	Встречается в тексте
quruу	14 раз	quru	4 раза
qıdıу	8 раз	qıdı	1 раз
qaquу	28 раз	qaqu	3 раза
çugaу	28 раз	çuga	1 раз
açuу	25 раз	açu	1 раз
aryу	10 раз	ary	1 раз

toluγ	12 раз	tolu	1 раз
uluγ	9 раз	ulu	1 раз
isig	13 раз	isi	1 раз
küprüg	1 раз	küprü	1 раз
tirig	32 раза	tiri	3 раза
Всего	190		18

Из фонетических особенностей языка «Мухаббат-наме», закрепленных метром аруз и потому не внушающих сомнений, прежде всего должно быть отмечено отсутствие конечных -γ, -g в аффиксе -lu, чередующееся с присутствием этих конечных звуков. Это же чередование наблюдается и в «Кысса-и Юсуф», и в «Хосров и Ширин» (Самойлович, 1928, 15): دولتلی (292a) *daülätli* «богатый», «کورکلو» (296в) *kürklü* «красивый», تاتلی (298в) *tatly süzli* «сладкоречивый», ای اوزلی (302a) *aj jüzle* «лунолика», 303a) *türli* «разный», (308б) «сахарноустая» и др.

В языке «Гулистан бит-тюрки» Сейифа Сараи ауслатное -γ и -g всегда опускается, этим признаком язык текста отличается от языка памятников золотоордынского круга. Сравни: اجی (29v-2, 35v-4, 141r-4) *aγu* «гневный, злой», یارلی (179r-6) *jarly* «бедный», اولو (9r-13, 81v-8, 127v-12) *ulu* «большой», قاپو (184v-6) *qapu* «дверь», قاتو (86v-12, 16r-13, 86v-3) *qatu* «сильный, страшный», قویو (32r-12) *quju* ~ قویبی (312v-9) *quju* «колодец», ساری (3v-1) *sary* «желтый», قوتلونک (44v-1) «счастливое лицо», قوتلو بیزونک (6r-7) *qutlu jüzün* «твое счастливое лицо», قورقو (140r-9) *qorqu* «страх», کیچی (34r-8, 162v-4) *kiçi* «малый, младший» и др.

В языке памятника «Codex cumanicus» наблюдается отличный от письменной традиции пропуск конечного -γ, что констатирует относительную устойчивость к влиянию разговорного языка. Отмечается в тексте и вариативное написание с сохранением конечного -γ, Сравните: *bitti* (119, 21, 148) «письмо», *jamau* (163, 3) «заплата», *tau* (35, 31, 78) «гора».

Анализ рефлексов -γ и -g позволяет оценить их как относительно устойчивую языковую особенность и считать возможным принять сохранение ауслатного -γ и -g в качестве

одного из отличительных признаков письменно-литературного языка Поволжского региона.

Соответствие	Формы	КР	НФ	Кб	Дж	ХШ	МН	Гб	СС	ИМ
Карах.-уйг.	-γ	○	○	○	○	○				○
Вариатив.	γ ~ пр					◻			◻	◻
Кыпч. койне	пропуск								○	○
Уйгур.	q						○		●	

Таким образом, максимум из выделенных фонетических признаков караханидско-уйгурской традиции реализуется в «Кысса ал-анбия» Рабгузи, минимум в «Codex cumanicus» и «Иршад ал-мулук».

Соответствие	Формы	КР	НФ	Кб	Дж	ХШ	МН	Гб	СС	ИМ
Карах.-уйгур.	алиф	○	○							
	лабиал.	○	○	○	○	○	○	○		
	-δ	○	○		○	○				
	-q-	○	○		○	○	○	○		
	-aγu-	○	○	○	○	○	○	○		
-γ	○	○	○	○	○					
Вариатив.	ä ~ i		◻	◻						
	u ~ y		◻	◻					◻	◻
	δ ~ j		◻			◻				◻
	q ~ γ		◻			◻		◻		
	aγu > au					◻			◻	◻
γ - пр.					◻					
Кыпч. койне	i			○	○	○	○	○	○	○
	Делабиал.			○		○	○	○	○	○
	J			○			○	○	○	○
	w								○	○

	au									
	пропуск							○	○	
Уйгур.						○		●		

Из фонетико-графических признаков устойчивыми оказываются следующие: губная гармония, интервокальное **-q-** и сочетание типа **-aʉi**. Из фонетических признаков наиболее динамичным, менее устойчивым является [ä], который последовательно уступает позиции узкому нелабиализованному гласному переднего ряда [i], что определяется графически, а также смена признаком **-j**, **-δ**, так как язык памятников отражает то состояние, когда **j** – графема проникает в язык текстов.

Общую линию развития тюрко-татарского языка, начиная со второй половины XIII в. можно представить следующим образом. Письменно-литературная форма начального периода Золотой Орды в своем развитии в ее литературных центрах ориентируется на фонетико-графические нормы литературных языков караханидско-уйгурского ареала. Это вполне объяснимо тем, что указанные ареалы в этот исторический период оставались центрами распространения мусульманской образованности, включавшей, помимо религиозных основ, также и соответствующие формы письменно-литературного языка, в которые облекалась прежде всего религиозно-дидактическая литература. Культурная жизнь в Золотой Орде, начиная со времен становления сопровождалась сильным культурным воздействием знаменитых мусульманских подвижников-богословов, имена которых нам известны из самих произведений того периода («Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, а также трудов татарских ученых-историков Ш.Марджани, М.Г. Усманова, Г.М. Давлетшина и др.). Поэтому не удивительно, что в региональных литературных центрах Золотой Орды столь значимые позиции занимал литературно-письменный язык, базирующийся на караханидско-уйгурском варианте тюркского письменного языка, который закрепил свои позиции в литературных центрах Золотой Орды. В то же время, основное население Джучиева Улуса, как оседлое, так и кочевое, что

доказано трудами историков, начиная с М.А. Аристова, таких, как Э.Н. Наджиц, М. Усманов,, В. Хаков и др. являлось носителем племенных языков кыпчакского типа, хотя среди жителей Золотой Орды также были и носители языков огузского и карлукского типов. Таким образом, упомянутые носители мусульманской цивилизации в силу этнодемографических условий оказались в преобладающей среде кыпчакоязычного населения. Данная этническая ситуация способствовала сложению в культурных и торговых центрах наддиалектного койне, базирующегося на кыпчакской языковой стихии. И именно этот фактор находит отражение в материале нашего исследования, свидетельствующего о воздействии народно-разговорного койне, сложившегося в указанных условиях на норму письменно-литературного языка изучаемого периода. Естественно, что это влияние и взаимодействие старой традиции с новыми языковыми процессами находило разное отражение в языке отдельных памятников. Это зависело от ряда факторов: жанровой принадлежности памятника (религиозно-мусульманская литература оставалась более устойчивой, а светская литература быстрее принимала новации), от образованности автора и принадлежности к определенной художественной школе, от заказчика-спонсора, от конкретных условий места создания и, наконец, от переписчика, его племенной принадлежности и владения родным языком и многих других факторов. Иначе говоря, наши исследования на примере выделенных фонетико-графических признаков и их статистической обработки показывают, что каждый письменный памятник есть конкретное и живое отражение языковой ситуации, в которой он создавался и в то же время он служит источником для ее характеристики.

Наши исследования показывают, что в культурных центрах Золотой Орды с начала XIV века (как условная дата) начинает формироваться тот региональный вариант тюрко-татарского литературного языка, который в тюркологии именовался «поволжский тюрки», а как принято в современном татарском

языкознании – «старотатарский литературный язык». Язык в дальнейшем своем развитии прошел сложный путь, и все же в его структуре еще длительное время были видны следы караханидско-уйгурской традиции, базовой для всех тюркских литературных языков, но ее признаки проявлялись здесь как периферийные.

*окращенные обозначения источников,
ссылки на которые имеются в тексте*

ГБ – A Fourteenth century turkic translaitjn of Sa`dis Culistan (Sayfi Sarayis Culistan bit-turki). By. A. Bodrogligeti. – Budapest, 1969. – 450 P.

Дж – Исламова А.И. Исследование языка тюркско-татарского памятника XIV в. «Дастан -и Джумджума Султан» Хисама Кятиба: Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1998. – Текст. – С. 39-62.

ИМ – Toparli R. Irşadul-Mülük Ves-Selatin. – Ankara. – 1992. – 627 s. – Faksimile. – 1992. – 498 s.

КБ – Ахметгалева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы» . – М.: Наука, 1979. – Текст. – С. 124-143.

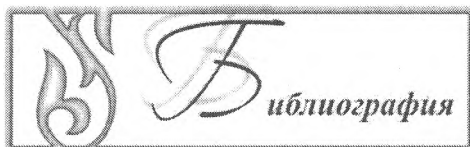
СС – Radioff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. – StP, 1887. – Wörterverzeichnis. – S. 1-132. – Einzelne Sätze. – S. 1-79. – Vorwort. – S. 80-111.

КР – Мелиоранский П.М. Сказание о пророке Салихе // Сб.ст. – СПб, 1897. – 281 с.; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М., 1951. – С. 323-341; Ильминский И. Казань, 1859. – 555 с.

МН – Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н. Наджиба. – М.: Изд.восточной лит-ры, 1961. – 223 с.

НФ – Eckmann J. Nehcû'1 – Feradis. I, Tipki Basim. – Ankara, 1956. – 444 s.

ХШ – Zajaczkowski A. Najatarsza wersja turecka Husräv u Širin Qutba. – Warszawa, 1958. – Тест. – 304 с.; Faksimile. – 238 с.; Slownik. – 207 s.

1. **Абдуллин И.А.** Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка / И.А. Абдуллин // Материалы по татарской диалектологии: Сб.ст. – Казань, 1974. – С. 175-176.
2. **Абдуллин И.А.** Система графем, передающих гласные звуки в тюркских текстах / И.А. Абдуллин // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты: Сб. ст. – Казань, 1991. – С. 4-27.
3. **Абилов Ш.Ш.** Литературные версии легенд о «Кисекбаше» и поэма Г. Тукая «Сенной базар, или «Новый Кисекбаш» / Ш.Ш. Абилов // Габдулла Тукай. – Казань: Таткнигоиздат, 1968. – С. 165-171.
4. **Абилов Ш.Ш.** «Кутадгу билиг» в болгаро-татарской литературе / Ш.Ш. Абилов // Советская тюркология. – 1970. – №6. – С. 77-97.
5. **Абилов Ш.Ш.** О новонайденных списках памятника XIV века «Нахдж ал-Фарадис» / Ш.Ш. Абилов // Советская тюркология. – 1977. – №2. – С. 69-73.
6. **Абу-Хамид ал-Газали.** Воскрешение наук о вере / ал-Газали Абу-Хамид. – М.: Наука, 1980. – 376 с.
7. **Агаджанов Г.С.** Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX – XIII в. / Г.С. Агаджанов. – Ашхабад: Ылым, 1969. – 296 с.

8. **Алеева А.Х.** Исследование языка путевых записок XVIII в. «Исмагил ага сәяхәтнамәсе»: Дис. ... канд. филол. наук / А.Х. Алеева; Каз.гос.ун-т. – Казань, 1990. – 132 с.

9. **Алексеев А.А.** Пути стабилизации языковых норм в России X – XVI веков / А.А. Алексеев // Вопросы языкознания. – 1987. – №2. – С. 34-36.

10. **Алексеев А.А.** Текстология славянской Библии / А.А. Алексеев. – СПб., 1999. – 254 с.

11. Алишер Навои. – М.: «Изд. АН СССР», 1946. – 236 с.

12. **Алов А.А.** Мировые религии / А.А. Алов. – М.: Изд-во Приор, 1998. – 357 с.

13. **Амин аль-Холи.** Связи между Нилом и Волгой в XIII-XIV вв. / Амин аль-Холи. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 40 с.

14. **Амирова Т.А.** Некоторые вопросы фонологической интерпретации графики / Т.А. Амирова // Очерки по фонологии восточных языков: Сб.ст. – М., 1975. – С. 312-317.

15. **Амирханов Р.М.** Татарская социально-философская мысль Средневековья (XIII – середина XVI вв.) в 2-х кн. / Р.М. Амирханов. – Казань, 1993. – 2 кн. – 111 с.

16. Антология узбекской поэзии. – М.: Госиздат, 1950. – 533 с.

17. **Арсланов Л.Ш.** Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Л.Ш. Арсланов; Каз.гос.ун-т. – Казань, 1961. – С. 8.

18. **Арсланова А.А.** Кыпчаки и термин Дашт-и Кыпчак / А.А. Арсланова // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. – Казань, 1990. – С. 4-20.

19. **Арсланова А.** К вопросу об этноните «татары» / А.А. Арсланова // Tatarica. Звездный час татарского народа. – 1990. – № 1. – С. 30-42.

20. **Артамонов С.Д.** Литература средних веков. Кн. Для учащихся старш. кл.: Хрестоматия / С.Д. Артамонов. – М.: Просвещение, 1992. – 240 с.

21. Архив Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, фонд С. Вахидова 53-1, дело 26-43.
22. Архив Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, фонд Л. Заляя 52-1, дело 29.
23. **Ахинжанов С.М.** Кыпчаки в истории средневекового Казахстана / С.М. Ахинжанов. – Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1989. – 291 с.
24. **Ахметгалеева Я.С.** Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы» / Я.С. Ахметгалеева. – М.: Наука, 1979. – 191 с.
25. **Ахметзянов М.И.** О лексике эпитафий XVII – XVIII вв. / М.И. Ахметзянов // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников: Сб.ст. – Казань, 1983. – С. 75-84.
26. **Ахметзянов М.И.** Татарские шеджере / М.И. Ахметзянов. – Казань: Таткнигоиздат, 1991. – 152 с.
27. **Ахметзянов М.И.** Новые археографические материалы и их значение в исследованиях по истории татарской литературы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М.И. Ахметзянов: Казань гос.ун-т. – Казань, 1998. – 67 с.
28. **Ахметьянов Р.Г.** Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья / Р.Г. Ахметьянов. – М.: Наука, 1981. – 143 с.
29. **Ахметьянов Р.Г.** Татарский язык в Волго-камском языковом союзе. Дис. ... д-ра филол. наук / Р.Г. Ахметьянов; Казань гос.ун-т. – Казань, 1993. – 405 с.
30. **Ашмарин Н.И.** Словарь чувашского языка. Вып. 16 / Н.И. Ашмарин. – Чебоксары, 1941. – 320 с.
31. **Бабаджанова Б., Муминова А.** Культ святых в центральной Азии. Взаимовлияние «книжного» и «народного» в исламе / Б. Бабаджанова, А. Муминова // Мир ислама. – 1999. – №1. – С. 50-57.
32. **Байчура У.** Звуковой строй татарского языка. В 2-х ч. / У. Байчура. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1959. – 185 с.

33. **Бакиров М.Х.** Генезис и древнейшие формы общетюркской поэзии: Автореф. ... д-ра. филол.наук / М.Х. Бакиров; Казань гос.ун-т. – Казань, 1999. – 96 с.

34. **Баллод Ф.Б.** Старый и Новый Сарай, две столицы Золотой Орды, его современные им селения Нижнего Поволжья / Ф.Б. Баллод // Новый Восток. – 1923. – №3. – С. 31-37.

35. **Баллод Ф.Б.** Культура Золотой Орды / Ф.Б. Баллод // Новый Восток. – 1924. – №6. – С. 336-349.

36. **Бартольд В.В.** История изучения Востока в Европе и России / В.В. Бартольд. – Л., 1925. – 318 с.

37. **Бартольд В.В.** Сочинения. Т. 6, Работы по истории ислама и арабского халифата / В.В. Бартольд. – М.: Изд-во вост. лит., 1966. – 784 с.

38. **Бартольд В.В.** Сочинения. Т.8. Работы по источниковедению / В.В. Бартольд. – М.: Изд-во вост. лит., 1973. – 721 с.

39. **Баскаков Н.А.** Каракалпакский язык. Материалы по диалектологии. Фонетика и морфология (части речи и словообразование). В 2 т.– / Н.А. Баскаков – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 2т. – 1 ч. – 543 с.

40. **Баскаков Н.А.** Тюркские языки / Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1960. – 170 с.

41. **Баскаков Н.А.** Введение в изучение тюркских языков / Н.А. Баскаков. – М.: Высшая школа, 1962. – 332 с.

42. **Баскаков Н.А.** Роль уйгуро-карлукского литературного языка караханидского государства в развитии литературных тюркских языков средневековья / Н.А. Баскаков // Советская тюркология. – 1970. – №4. – С. 13-19.

43. **Баскаков Н.А.** Происхождение форм повелительного наклонения в тюркских языках / Н.А. Баскаков // Вопросы языкознания. – 1975. – №1.

44. **Баскаков Н.А.** Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация / Н.А. Баскаков. – М., 1988. – 140 с.

45. **Батманов И.А.** Язык енисейских памятников древнетюркской письменности / И.А. Батманов. – Фрунзе, 1959.
46. **Бахревский Е.В.** Языковая ситуация в Крыму в середине XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Бахревский; Моск. гос. ун-т. – М., 2000. – С. 17
47. Башкирское народное творчество. – Т. 1. – Уфа.: Башк. кн. изд-во, 1987. – 539 с.
48. **Баширова И.Б.** Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола: Автореф. ... д-ра филол. наук / И.Б. Баширова: Казань гос. ун-т. – Казань, 2000. – 68 с.
49. **Баязитова Ф.С.** Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении / Ф.С. Баязитова. – М.: Наука, 1986. – 247 с.
50. **Березин И.Н.** Внутреннее устройство Золотой Орды (По ханским ярлыкам) / И.Н. Березин // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1850. – II ч. – С. 1-24.
51. **Березин И.Н.** Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева / И.Н. Березин // Труды восточного отделения Императорского русского археологического общества. – СПб, 1864. – вып. VIII. – С. 387-494.
52. **Берта А.** Судьба начального [у] в татарском языке / А.Берта // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников: Сб. ст. – Казань, 1983. – С. 62-75.
53. **Бертельс Е.** Литература народов Средней Азии / Е. Бертельс // Новый мир. – 1939, №9 – С. 264-281.
54. **Бируни Абурейхан.** Избранные произведения. Т 1/ А. Бируни. – Ташкент, 1963. – 196 с.
55. **Благова Г.Ф.** Некоторые вопросы развития средневекового среднеазиатского литературного языка / Г.Ф. Благова // Советская тюркология. – 1971. – №7. – С. 68-75.
56. **Благова Г.Ф.** О соотношениях прозаического и поэтического варианта среднеазиатско-тюркского литературно-

письменного языка XV – нач. XIV в. / Г.Ф. Благова // TURCOLOGICA. – Л., 1976. – С. 27-37.

57. **Благова Г.Ф.** О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов / Г.Ф. Благова // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 86-100.

58. **Благова Г.Ф.** Проблемы лингвистического изучения средневековых тюркских текстов / Г.Ф. Благова // Тюркологический сборник. – М., 1977. – С. 27-50.

59. **Благова Г.Ф.** О принципах лингвистического изучения тюркских текстов / Г.Ф. Благова // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6. – С. 97-107.

60. **Благова Г.Ф.** Тюркское склонение в ареально-историческом освещении: юго-восточный регион / Г.Ф. Благова. – М.: Наука, 1987. – 304 с.

61. **Благова Г.Ф.** Соотношение «истории литературного языка» и «исторической грамматики» / Г.Ф. Благова // Советская тюркология. – 1988. – №1. – С. 80-85.

62. **Благова Г.Ф.** Бабур-наме. Язык, прагматика текста, стиль / Г.Ф. Благова. – М., 1994. – 404 с.

63. **Благова Г.Ф.** Академик А.Н. Самойлович и его турецкие этюды. Из архива незаконченных работ-рукописей / Г.Ф. Благова // ROCZNIK ORIENTALISTY CZN 4. TLII Z1, 1999. – С. 37-60.

64. **Благова Г.Ф.** Эдиционно-исследовательская методика в трудах академика А.Н. Самойловича / Г.Ф. Благова // ROCZNIK ORIENTALISTY CZN. T.LII, Z1, 2000. – С. 79-96.

65. **Богородицкий А.В.** Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-е, испр. и доп. / А.В. Богородицкий. – Казань, 1953. – 220 с.

66. **Бокадорова Н.Ю.** Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века. Структура знания о языке / Н.Ю. Бокадорова. – М.: Наука, 1987. – 151 с.

67. **Болдырев А.Н.** Зайнадин Васифи / А.Н. Болдырев. – Сталинабад: Таджикское гос. издат., 1957. – 356 с.

68. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1998. – 684 с.
69. **Бомбачи А.** Тюркские литературы. Введение в историю / А. Бомбачи // Зарубежная тюркология. – М., 1986. – Вып. 1. – С. 191-293.
70. **Боровков А.К.** Очерк истории узбекского языка. (Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского тевфсира XIV – XV вв.) / А.К. Боровков // Советское востоковедение. – 1949. – VI т. – С. 24 – 51.
71. **Боровков А.К.** Лексика среднеазиатского тевфсира XII – XIII вв. / А.К. Боровков. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 367 с.
72. **Будагов Л.З.** Сравнительный словарь турецко-татарских наречий / Л.З. Будагов. – Т. 1. – СПб., 1869. – 810 с. Т 2. – СПб. 1871. – 415 с.
73. **Бурганова Н.Б.** Особенности говора татар Нагорной стороны ТАССР / Н.Б. Бурганова // Материалы по татарской диалектологии. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. – С. 28-69.
74. **Бурганова Н.Б.** Говор каринских и глазовских татар / Н.Б. Бурганова // Материалы по татарской диалектологии: Сб.ст. – Казань, 1962. – С. 19-56.
75. **Бурганова Н.Б.** Диалекты татарского языка и памятника древней письменности / Н.Б. Бурганова // Вопросы татарского языка и литературы: Сб.ст. – Казань, 1969.
76. **Бурганова Н.Б.** Система глаголов поэмы Мухамедьяра «Төхфәи мәрдан» (XVI в.) / Н.Б. Бурганова // Исследование древнеписьменных памятников: Сб.ст. – Казань, 1980. – С. 66-96.
77. **Валеев В.Х.** Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья / В.Х. Валеев. – Йошкар-Ола, 1977. – 212 с.
78. **Валеева Г.Ф.** Проблемы изучения искусства волжских булгар золотоордынского времени (вторая пол. XIII – нач. XV) / Г.Ф. Валеева-Сулейманова // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 61-67.
79. **Валиди Дж.** Очерк истории образованности и литературы волжских татар / Дж. Валиди. – Казань: Иман, 1998. – 157 с.

80. **Варваровский Ю.Е.** Распад Улуса Джучи в 60-70-е годы XIV века (по данным письменных источников и нумизматики): Дисс. ... канд. ист. наук / Ю.Е. Варваровский. – Казань, 1994. – 221 с.
81. **Вафина Э.Х.** Фонетическая и морфологическая вариативность в поэмах Мухаммедьяра (XVI в.) / Э.Х. Вафина // *Анализы текстов по истории татарского литературного языка: Сб.ст.* – Казань, 1987. – С. 105-119.
82. **Вахидов С.Г.** Исследование языка Сахиб-Гирей Хана / С.Г. Вахидов // *ИОАИЭ Казань*, 1925. – Т. 33.
83. **Веселовский А.Н.** Собрание сочинений / А.Н. Веселовский. – Т.3. – СПб., 1908. – 124 с.
84. **Веденин Ю.А.** Очерки по географии искусства / Ю.А. Веденин. – СПб., 1997. – 224 с.
85. **Вельяминов-Зернов В.В.** Исследование о касимских царях и царевичах / В.В. Вельяминов-Зернов. – СПб., 1864. – Ч. II. – 498 с.
86. **Вернадский Г.В.** История России. Кн.3 / Г.В. Вернадский. – Тверь, – 1997. – 477 с.
87. **Виноградов В.В.** Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1967. – 134 с.
88. **Виноградов В.В.** Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1982. – 529 с.
89. **Волкова З.Н.** Истоки французского литературного языка / З.Н. Волкова. – М.: Высшая школа, 1983. – 168 с.
90. Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы научн. конф. Пензен. депртамента культуры. Пензен. гос. объедин. краевед. музей. Сост. А.В. Расторопов. – Пенза, 1992. – 111 с.
91. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья: Сб.ст. – Казань, 1971. – 293 с.
92. **Ворожейкина З.Н.** Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время / З.Н. Ворожейкина. – М.: Наука, 1984. – 270 с.

93. **Габескерия Ш.В.** Лексика произведений Юнуса Эмре / Ш.В. Габескерия. – Тбилиси: Изд-во Мецниреба, 1983. – 214 с.
94. **Гавранек Б.** Задачи литературного языка и его культура / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок. – М.: Изд-во Иностран. лит., 1967. – 559 с.
95. **Гаджиева Н.З.** Проблемы тюркской ареальной лингвистики / Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1975. – 303 с.
96. **Газиз Г.** История татар / Г. Газиз. – М.: Московский лицей, 1994. – 197 с.
97. **Гайнутдинов М.В.** «Гарызнаме» Батырши – памятник татарского языка XVIII в. / М.В. Гайнутдинов // Исследования по диалектологии татарского языка: Сб.ст. – Казань, 1985. – С. 92-109.
98. **Галяутдинов И.Г.** «Тарих Нама–и–Булгар» Тажетдина Ялчыгулова / И.Г. Галяутдинов. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1990. – 238 с.
99. **Галяутдинов И.Г.** Некоторые методологические аспекты системного исследования башкирского литературного языка // И.Г. Галяутдинов // Вопросы истории башкирского литературного языка. – Уфа, 1985. – С. 5-19.
100. **Ганиев Ф.А.** Актуальные вопросы морфологии современного татарского литературного языка / Ф.А. Ганиев // Актуальные вопросы грамматики и стилистики татарского языка: Сб.ст. – Казань, 1981. – С. 26-32.
101. **Ганиев Ф.А.** Семантические разряды глаголов татарского языка / Ф.А. Ганиев // Исследования по татарскому языкознанию: Сб.ст. – Казань, 1984.
102. **Ганиева Р.К.** Восточный ренессанс и поэт Кул Гали / Р.К. Ганиева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 170 с.
103. **Гарипов Т.М.** Кыпчакские языки Урало-Поволжья / Т.М. Гарипов // Опыт синхронической и диахронической характеристики: Сб.ст. – М.: Наука, 1979. – 303 с.

104. **Гарипова Г.Ф.** Морфологические особенности поэмы Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.): Дис. ... канд.филол.наук / Г.Ф. Гарипова: Казань гос.ун-т. – Казань, 2003. – 244 с.

105. **Гарипова Ф.Г.** История в названиях / Ф.Г. Гарипова. – Казань, 1995. – 287 с.

106. География искусства. – М., 1998. – 256 с.

107. **Гольдциэр И.** Лекции об Исламе / И. Гольдциэр. – СПб, 1912. – 362 с.

108. Город Булгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987. – 229 с.

109. **Горохов В.М.** Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья / В.М. Горохов. – Казань, 1941. – 141 с.

110. **Греков Б.Д.** Золотая Орда и её падение / Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский. – М.-Л., 1950. – 479 с.

111. **Григорьев А.П.** Официальный язык Золотой Орды XIII – XIV вв. / А.П. Григорьев // Тюркологический сборник, 1977. – М.: Наука, 1981. – С. 81-89.

112. **Грицер П.А.** Литература древняя и средневековая в системе исторической поэзии и исторические поэты / П.А. Грицер. – М.: Наука, 1986. – С. 72-103.

113. **Грунина Э.А.** К вопросу о письменной традиции в анатомийских памятниках XIII-XIV вв. / Э.А. Грунина // Советская тюркология. – 1971. – № 4. – С. 98-104.

114. **Грунина Э.А.** Учебное пособие по османо-турецкому языку / Э.А. Грунина. – М.: Изд-во Мос. ун-та, 1988. – 177 с.

115. **Грунина Э.А.** Историческая грамматика турецкого языка (Морфология) / Э.А. Грунина. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 224 с.

116. **Грунина Э.А.** О «смешанном» характере языка письменных памятников, или проблема olga ~ bolga / Э.А. Грунина // Вопросы тюркской филологии. Выпуск III (Материалы Дмитриевских чтений) – М., 1997. – С. 12-21.

117. Губайдуллин Г.С. Материалы по изучению Татарстана. Вып. II / Г.С. Губайдуллин. – Казань, 1925. – С. 71.-111.

118. Гузев В.Г. Опыт фонологической интерпретации некоторых графических особенностей ленинградского списка «Сказание о Мелике Данышменде» / В.Г. Гузев // Тюркологический сборник. – М., 1966. – С. 37-43.

119. Гузев В.Г. К вопросу об использовании данных анатолийских тюркских памятников для изучения фонетики языка тюрков Малой Азии XIII – XIV вв. / В.Г. Гузев // Исследования по филологии стран Азии и Африки. – Л., 1966. – С. 31-39.

120. Гузев В.Г. Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII – XIV вв. / В.Г. Гузев // Тюркологический сборник. 1972. – М., 1973. – С. 69-92.

121. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. / В.Г. Гузев. – Л., 1987. – 141 с.

122. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол / В.Г. Гузев. – Л., 1994. – 164 с.

123. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры / А.Я. Гуревич. – М., Искусство, 1981. – 359 с.

124. Гухман М.М. От языка немецкого народа к языку немецкой нации / М.М. Гухман. – М., 1955. – С. 1.; 1959. – 62 с.

125. Гухман М.М. Изучение регионального варьирования в немецком литературном языке и методика лингвистической географии / М.М. Гухман // Philologica. Исследования по языку и литературе. – М., 1973.

126. Гухман М.М. История немецкого литературного языка IX-XV вв. / М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк – М., 1983. – 215 с.

127. Давлетшин Г.М. Духовная культура предков татарского народа (истоки, становление и развитие): Дис. ... д-ра ист.наук / Г.М. Давлетшин. – Казань, 2002. – 414 с.

128. Данияров Х. Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком / Х. Данияров. – Изд. Фан, Узбек. ССР. – Ташкент, 1975. – 240 с.

129. Десницкая А.В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка / А.В. Десницкая. – Л.: Наука, 1970. – 99 с.

130. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка / Н.К. Дмитриев. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 65 с.

131. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков / Н.К. Дмитриев. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 607 с.

132. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка / Н.К. Дмитриев. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 607 с.

133. Дмитриева Л. В. Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения / Л.В. Дмитриева, С.Н. Муратов // История, акты, библиография, энциклопедия, география, календари. – М.: Наука, 1975. – 231 с.

134. Дмитриева Л.В. Описание тюркских рукописей Института востоковедения / Л.В. Дмитриева // Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика: Сб.ст. – М.: Наука, 1980. – 262 с.

135. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1996. – 676 с.

136. Дубинин С.И. Немецкий литературный язык позднего средневековья: юго-западный ареал / С.И. Дубинин. – Самара: Изд-во Самарский ун-т, 2000. – 200 с.

137. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XV – XVI вв. / В.Л. Егоров. – М.: Наука, 1985. – 245 с.

138. Едличка А. О пражской теории литературного языка / А.О. Едличка // «Пражский лингвистический кружок». – М.: Изд-во «Прогресс», 1967. – С. 544-557.

139. Едличка А. Проблематика нормы и кодификации литературного языка в отношении к типу литературного языка / А. Едличка // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. – М.: Наука, 1976. – 204 с.

140. Едличка А. Литературный язык в современной коммуникации / А. Едличка // Новое в зарубежной лингвистике.

Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. – М.: Прогресс, 1988. – С. 45-68.

141. **Ле Гофф Жак** Цивилизация средневекового Запада / Ле Гофф Жак // Пер. с фр. Е.И. Лебедева и др., общая ред. Ю. Л. Бессмертного, послесл. А.Я. Гуревича. – М.: Изд-во «Прогресс». – 1992. – 374 с.

142. **Живов В.М.** Язык и культура в России XVIII века / В.М. Живов. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 590 с.

143. **Жирмунский В.** Народный героический эпос / В. Жирмунский. – М.-Л., 1962.

144. **Зайнуллин Г.Г.** Татарская версия «Калилы и Димны» (рукописные, литературные варианты и переводы): Дисс. ... канд. филол. наук / Г.Г. Зайнуллин; Казань гос.ун-т. – Казань, 1988. – 181 с.

145. **Зайончковский А.** К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI – XVI вв.) / А. Зайончковский // Вопросы языкознания. – 1967. – №6. – С. 80-89.

146. **Зайончковский А.** К изучению Золотоордынской лексики / А. Зайончковский // Вопросы тюркологии: Сб.ст. – Ашхабад, 1975. – С. 17-27.

147. **Закиев М.З.** Некоторые вопросы развития татарского литературного языка / М.З. Закиев // Вопросы языкознания: Сб.ст. – Казань: Таткнигоиздат, 1965. – С. 5-37.

148. **Закиев М.З.** О периодизации истории тюркских письменных литературных языков / М.З. Закиев // Советская тюркология. – 1975. – №5. – С. 3-8.

149. **Закиев М.З.** Взаимоотношения татарского литературного языка и диалектов в различные периоды их развития / М.З. Закиев // Лингвистическая география, диалектология и история языка. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1976. – С. 313-318.

150. **Закиев М.З.** К вопросу о периодизации истории тюркских письменных литературных языков / М.З. Закиев // Развитие гуманитарных наук в Татарии: Сб.ст. – Казань, 1977. – С. 94-106.

151. **Закиев М.З.** Проблемы языка и происхождения волжских татар / М.З. Закиев. – Казань: Таткнигоиздат, 1986. – С. 140-141.

152. **Закиев М.З.** Введение: койне, традиционные нормы, старотатарский и современный татарский литературный язык / М.З. Закиев // Истоки татарского литературного языка: Сб.ст. – Казань, 1988. – С. 3–11.

153. **Закиев М.З.** Татары: проблемы истории и языка / М.З. Закиев. – Казань, 1995. – 464 с.

154. Звездный час татарской истории: Улус Джучи, Алтын Урда, Золотая Орда. – Казань, 1997. – 149 с.

155. **Зиндер Л.Р.** Общая фонетика / Л.Р. Зиндер. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1960. – 335 с.

156. **Зиндер Л.Р.** К вопросу о фонологической интерпретации данных древней письменности / Л.Р. Зиндер // Вопросы теории и истории языка: Сб.ст. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1963. – С. 143-159.

157. Золотая Орда: археология, нумизматика, эпиграфика: Сб.ст. – Казань, 1998. – 128 с.

158. **Иванов С.Н.** Родословное дерево тюрок Абу-л-Гази хана / С.Н. Иванов. – Ташкент: Изд-во АН Узб. ССР, 1969. – 203 с.

159. Известия общества обследования и изучения Азии. – 1926. – №1. – С. 104-106.

160. **Измайлов И.Л.** Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII-XV вв. / И.А. Измайлов // Из истории Золотой Орды. – Казань гос. ун-т. – С. 17-32.

161. **Измайлов И.** Вспомни: была Золотая Орда... / И. Измайлов // Татарстан. – 1991. – №7. – С. 63.

162. Изысканный дар тюркскому языку: Сб.ст. – Ташкент: Фан, 1978. – 492 с.

163. **Ильминский Н.И.** Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка / Н.И. Ильминский // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским ун-том, 1861. – Казань: типография ун-та, 1861. – 3 кн. – С. 1-42.

164. Ислам. Историографические очерки. – М., 1991. – 81 с.
165. Ислам в среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань, «Мастер Лайн», 2001. – 516 с.
166. Ислам: Религия, общество, государство: Сб.ст. – М.: Наука, 1984. – 232 с.
167. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – 315 с.
168. **Исламов Р.Ф.** «Шахнаме» Шарифа в контексте золотордынской и кипчакско-мамлюкской литератур: Автореф. дис. ... д-ра филол.наук/ Р.Ф. Исламов. – 2002. – 91 с.
169. **Исламова А.И.** Исследование языка тюркско-татарского памятника XIV в. «Дастан -и Джумджума Султан» Хмсама Кятиба: Дис. ... канд. филол. наук / А.И. Исламова – Казань, 1998. – 223 с.
170. Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. – Казань: ИЯЛИ, 1983. – 163 с.
171. Исследования по исторической диалектологии татарского языка: Сб.ст. – Казань, 1979. – 176 с.
172. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: в 4х т. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т.1 – 336 с.
173. Исследования по татарскому языку: Сб.ст. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 158 с.
174. Исследования по тюркологии: Сб.ст. – Алма-Ата, 1969. – 295 с.
175. Исследования языка древнеписьменных памятников: Сб.ст. – Казань, 1990. – 160 с.
176. Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. Вып. 14. – 1992. – 219 с.
177. История Европы с древних времен до наших дней. – М.: Наука, 1988. – Т.1. – 763 с.
178. Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 467 с.
179. Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223-1556. – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2002. – 432 с.

180. **Исхаков Ф.Г.** Об отдельных фонемах татарского языка. ИСГТЯ, ч. II / Ф.Г. Исхаков. – М.: Изд-во Ан СССР, 1956. – С. 208-262.

181. **Исхаков Д.М.** Ключевой этап татарской истории / Д.М. Исхаков // Татарстан. – 1997. – №3. – С. 14-19.

182. **Исхаков Д.М.** Этнополитическая история татар / Д.М. Исхаков // Идель. – 1997. – №1. – С. 36-43.

183. **Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.** Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. / Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов. – Казань, 2000. – 136 с.

184. **Ицкович В.И.** Языковая норма / В.И. Ицкович. – М.: Просвещение, 1968. – 94 с.

185. **Кадыров Р.М.** Источники по истории старотатарской письменности (XIII – XVIII вв.) и их палеографические особенности: Дисс. ...канд. ист. наук / Р.М. Кадыров. – Казань, 1999. – 218 с.

186. **Кадырова Э.Х.** Поэмы Мухаммедьяра «Тухфа-имардан» и «Нур-и-содур». Лексика / Э.Х. Кадырова. – Казань: Фикер, 2001. – 232 с.

187. **Короглы Х.** Узбекская литература / Х. Короглы. – М., 1976. – 299 с.

188. Книга рассказов о Хосрове и Ширин. – Казань, 1970. – 1 книга. – 220 с.; 1971. – II книга. – 440 с.

189. **Краубаева А.** Идеино-художественные особенности «Кыссаи Рабгузи» и «Мухаббат-наме» / А. Краубаева. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1974. – 28 с.

190. **Каримуллин А.Г.** У истоков татарской книги / А.Г. Каримуллин. – Казань, 1971. – С. 13-14.

191. **Кемаль Якуб** Тюрко-татарская рукопись XIV в. «Нахжд-уль-Ферадис» / Я. Кемаль. – Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1930. – 54 с.

192. Классические памятники литературного Востока. – М.: Наука, 1985. – 241 с.

193. **Кляшторный С.Г.** Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье / С.Г. Кляшторный, Т.К. Султанов. – СПб., Петербургское Востоковедение, 2000. – 320 с.
194. **Ковалевская Е.Г.** История русского литературного языка / Е.Г. Ковалевская. – М.: Просвещение, 1992. – 303 с.
195. **Кондратьев В.Г.** Очерк грамматики древнетюркского языка / В.Г. Кондратьев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. – 65 с.
196. **Кононов А.Н.** Грамматика современного турецкого литературного языка / А.Н. Кононов. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
197. **Кононов А.Н.** Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази хана Хивинского / А.Н. Кононов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 193 с.
198. **Кононов А.Н.** Грамматика современного узбекского литературного языка / А.Н. Кононов. – М.-Л., 1960.
199. **Конрад Н.И.** Запад и Восток / Н.И. Конрад. – М., 1972. – 442 с.
200. **Кортава Т.В.** Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка / Т.В. Кортава. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1998. – 110 с.
201. **Крамовский М.Г.** К атрибуции золотоордынского ковча с тюркской надписью / М.Г. Крамовский // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока, Сб.ст. – Л., 1975. – С. 70-79.
202. **Кривошеев Ю.В.** Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. / Ю.В. Кривошеев. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. – 408 с.
203. **Крачковский И.Ю.** Избранные сочинения. Т. 2. Арабская средневековая художественная литература (поэзия и проза) / И.Ю. Крачковский. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 702 с.
204. **Кривелев И.А.** История религии: Очерки. Т. 2. / И.А. Кривелев. – М.: Мысль, 1988. – 445 с.
205. **Крымский А.Е.** История мусульманства. Гл. V. Коран и Легенда / А.Е. Крымский. – М., 1904. – 379 с.

206. **Крымский А.Е.** Низами и его современники / А.Е. Крымский. – Баку: Элм, 1981. – 487 с.

207. **Куделин А.Б.** Средневековая арабская поэтика (вторая пол. VIII – XI в.) / А.Б. Куделин. – М.: Наука, 1983. – 261 с.

208. **Кузьмина Х.Х.** Лексико-семантические и стилистические особенности поэмы XIII в. «Кысса и Йусуф» Кул Гаали: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Х.Х. Кузьмина; Казань гос.ун-т. – Казань, 1998. – 20 с.

209. **Курбатов Х.Р.** Языковые особенности при атрибуции литературных памятников / Х.Р. Курбатов // Истоки татарского литературного языка: Сб.ст. – Казань, 1988. – С. 117-125.

210. **Курбатов Х.Р.** Некоторые итоги и дальнейшие задачи изучения татарского литературного языка / Х.Р. Курбатов // Некоторые задачи изучения татарского литературного языка: Сб.ст. – Казань, 1992. – С. 19-24.

211. **Курбатов Х.Р.** Отличительные черты и система согласных в морфологии узбекского и татарского литературного языков / Х.Р. Курбатов // Формирование татарского литературного языка: Сб.ст. – Казань, 1992. – С. 20 – 25.

212. **Курбатов Х.Р.** Татарская лингвистическая стилистика и поэтика / Х.Р. Курбатов. – М.: Наука, 1988. – 218 с.

213. **Курышжанов А.К.,** Репин Б.И. К истории изучения языка древнекыпчакских памятников XIII – XVII вв. / А.К. Курышжанов // Известия АН Казахской ССР. Серия общественная. – Алма-Ата, 1966. – №4. – С. 38-39.

214. **Курышжанов А.К.** Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века «Тюркско-арабского словаря» / А.К. Курышжанов. – Алма-Ата, 1970. – 233 с.

215. **Курышжанов А.К.** Язык Старокыпчакских письменных памятников XII – XIV века: Автореф. дис....д-ра филол. наук / А.К. Курышжанов. – Алма-Ата, 1973. – С. 3-15.

216. **Ларин Б.А.** Лекции по истории русского литературного языка / Б.А. Ларин. – М.: «Высшая школа», 1975. – 327 с.

217. Литературный язык и культурные традиции: Сб.ст. – М.: Стелла, 1994. – 282 с.

218. **Мавлютов Р.Р.** Ислам / Р.Р. Мавлютов. – М.: Политиздат, 1974. – 168 с.

219. **Маллаев Н.** История узбекской литературы с древнейших времен до XVII века: Автореф. дис. ... д-ра филолог. наук / Н. Маллаев; – Ташкент, 1963. – С. 27.

220. **Малов Н.М.** Религия в Золотой Орде. Учеб. пособие для студентов ист. фак. / Н.М. Малова, А.Б. Малышев. А.И. Ракушкин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – 127 с.

221. **Малов С.Е.** К истории и критике Codex Cumanicus / С.Е. Малов // «Известия АН СССР», 7 сер. – М., 1930. – №5. – С. 347-375.

222. **Малов С.Е.** Мусульманские сказания о пророках по Рабгузи / С.Е. Малов // Записки Коллегии Востоковедов. – Т.1. (В честь ак.Крачковского) – Л., 1930. – С. 521-530.

223. **Маннапова А.Х.** Язык татарской деловой письменности XVII в. Дис. ... канд. филол. наук / А.Х. Маннапова; Казань гос ун-т. – Казань, 1982. – 184 с.

224. Материалы по татарской диалектологии. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. – 138 с.

225. Материалы по татарской диалектологии. – Казань: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 2. – 315 с., 1974. – Т.3. – 251 с.

226. **Махмудов Х.** Фонетика тюркских письменных памятников XIII – XIV веков / Х. Махмудов. – Ташкент: Фан, 1990. – 220 с.

227. **Махмутов Х.Ш.** Татарские параллели куманских загадок /Х.Ш. Махмутов // Советская тюркология. – 1971. – № 3. – 87-96 с.

228. **Махмутова Л.Т.** Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику «Codex cumanicus» по данным лексики / Л.Т. Махмутова // Исследования по исторической диалектологии. – Вып. 2. – Казань, 1982. – С. 8-153.

229. **Махмутова Л.Т.** Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект) / Л.Т. Махмутова. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

230. **Мелиоранский П.М.** Араб филолог о турецком языке / П.М. Мелиоранский. – СПб., 1900. – 85 с.

231. **Мец А.** Мусульманский Ренессанс / А. Мец. – М.: Наука, 1973. – 201 с.

232. **Мечковская Н.Б.** Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.

233. **Мещерский Н.А.** История русского литературного языка / Н.А. Мещерский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 279 с.

234. **Миннегулов Х.Ю.** Переводы и оригинальные произведения Саифа Сараи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Х.Ю. Миннегулов; Каз.гос.ун-т. – Казань, 1972. – 31 с.

235. **Миннегулов Х.Ю.** Литература Золотой Орды / Х.Ю. Миннегулов // Татарстан. – 1992. – №7 – 8. – С. 65 – 67.

236. **Миннегулов Х.Ю.** Татарская литература и восточная классика / Х.Ю. Миннегулов. – Казань: Изд-во КГУ, 1993. – 384 с.

237. **Мирзакаримова У.** Морфологические особенности «Киссаи Рабгузи»: Автореф. дис.... канд. филол. наук / У. Мирзакаримова. – Ташкент, 1969. – 39 с.

238. **Мифтахова И.Г.** История татарских грамматик: исследование глагола, местоимения и наречия. Автореф. дис. канд. филол. наук / И.Г. Мифтахова. – Казань, 1999. – 80 с.

239. **Молявкин А.Г.** Историческая география Центральной Азии / А.Г. Молявкин. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 336.

240. **Мурад Аджи.** Полынь половецкого поля: из родословной кумыков, карачаевцев, балкарцев, казаков, казахов, татар и других народов, ведущих свое начало от тюркского (кыпчакского) корня и забывших его / А. Мурад. -М.: ТОО «Пик контекст», 1994. – 350 с.

241. **Мусаев К.М.** Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западнокыпчакская группа) / К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1975. – 359 с.

242. **Мусаев К.М.** Лексикология тюркских языков / К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1984. – 226 с.
243. **Мухамадиев А.Г.** Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв./ А.Г. Мухамадиев. – М., 1983. – 162 с.
244. **Мухамадиев А.Г.** Золотая Орда / А.Г. Мухамадиев // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 134-185.
245. **Мухаммедова З.Б.** Исследования по истории туркменского языка XI – XIV вв. / З.Б. Мухаммедова. – Ашхабад, 1973. – 236 с.
246. **Мухаммедова З.Б.** Исследования по истории туркменского языка XI-XIV вв. (По данным арабоязычных филологических сочинений): Автореф. дис. ... д-ра филол.наук / З.Б. Мухаммедова. – М., 1969. – 49 с.
247. **Мухамметрахимова Р.** Язык поэтических произведений Утыз-Имени: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Мухамметрахимова. – Казань, 1990. – 19 с.
248. **Наджиб Э.Н.** Кыпчако-огузский литературный язык мамлюкского Египта. XIV века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Э.Н. Наджиб. – М., 1965 – 94 с.
249. **Наджиб Э.Н.** «Хосров и Ширин» Кутба и его язык / Э.Н. Наджиб // Тюркологический сборник. – М., 1966. – С. 80-91.
250. **Наджиб Э.Н.** О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках / Э.Н. Наджиб // Советская тюркология. – 1970. – №1. – С. 87-92.
251. **Наджиб Э.Н.** О некоторых недостатках в изучении истории тюркских языков / Э.Н. Наджиб // Советская тюркология. – 1970. – №6. – С. 48-55.
252. **Наджиб Э.Н.** О памятнике XIV в. «Нахдж ал-Фарадис» и его язык / Э.Н. Наджиб // Советская тюркология. – 1971. – №6. – С. 56-89.
253. **Наджиб Э.Н.** Тюрко-язычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык. В 2-х книгах / Э.Н. Наджиб. – Алма Ата: Наука, 1975. – Кн. 1. – 210 с.; Кн. 2. – 301 с.

254. **Наджип Э.Н.** О языке памятника начала XIII века «Кыса-и-Йусуф» Кул Али / Э.Н. Наджип // Советская тюркология. – 1976. – №2. – С. 74-88.

255. **Наджип Э.Н.** Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века на материале «Хосров и Ширин» Кутба. В 4-х кн. / Э.Н. Наджип. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1979. – 2 кн. – 479 с.

256. **Наджип Э.Н.** Исследование по истории тюркских языков XI – XIV вв. / Э.Н. Наджип. – М.: Наука, 1989. – 291 с.

257. **Напольнова Е.М.** История турецкого литературного языка XIII-XIV вв.: Дис. ... канд. филол. наук / Е.М. Напольнова. – М., 1995. – 145 с.

258. **Насилов В.М.** Язык орхоно-енисейских памятников / В.М. Насилов. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 87 с.

259. **Насилов В.М.** Древнеуйгурский язык / В.М. Насилов. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 122 с.

260. **Насилов В.М.** Язык тюркских памятников уйгурского письма XI – XV вв. / В.М. Насилов. – М.: Наука, 1974. – 101 с.

261. **Насилов Д.М.** О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности / Д.М. Насилов // Тюркологический сборник. – М., 1972. – С. 62-68.

262. **Насилов Д.М.** Записи А.Н. Самойловича «Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями / Д.М. Насилов // Советская тюркология. – 1973. – № 5. – С. 105-110.

263. **Насилов Д.М.** Лингвистические взгляды Алишера Навои / Д.М. Насилов История лингвистических учений. Средневековый Восток. – М., 1981. – С. 143-154.

264. **Насилов Д.М.** К характеристике языковой ситуации в уйгурском государстве в IX-XIII вв. / Д.М. Насилов // Вестник шелкового пути. Вопросы тюркской филологии. Вт.П, Центр «Шелковый путь», 1993. – С.60-77.

265. На стыке континентов и цивилизаций ... (Из опыта образования и распада империй X – XVI вв.) – М.: ИНСАН, 1996. – 768 с.

266. **Недашковский Л.Ф.** Золотоордынский город Укек и его округа / Л.Ф. Недашковский. – М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. – 224 с.

267. **Нигматов Х.Г.** Соотношение категорий времени и наклона в тюркском глаголе / Х.Г. Нигматов // Советская тюркология. – 1970. – №5. – С. 51-56.

268. **Нигматов Х.Г.** Функциональная морфология тюркоязычных памятников XI – XII вв. / Х.Г. Нигматов. – Ташкент: Фан, 1989. – 192 с.

269. **Нигматуллов М.М.** О некоторых огузских чертах в фонетике и грамматике татарских диалектов / М.М. Нигматуллов // Структура и история татарского языка. – Казань, 1982. – С. 73-79.

270. **Нигматуллов М.М.** Роль и место огузских элементов в развитии истории татарского языка: Дис. ... канд. филол. наук / М.М. Нигматуллов; Казань гос.ун-т. – Казань, 1983. – 223 с.

271. **Нигматуллов М.М.** Огузские элементы в татарском языке / М.М. Нигматуллов // Формирование татарского литературного языка. – Казань, 1989. – С. 96-100.

272. **Нигматуллов М.М.** Традиционные глагольные формы в татарском литературном языке XVI – XIX веков / М.М. Нигматуллов // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты. – Казань, 1992. – С. 52-60.

273. **Нигматуллина Ю.Г.** Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур / Ю.Г. Нигматуллина. – Казань: Фэн, 1997. – 192 с.

274. **Низами А.С.** Собрание редкостей или четыре беседы / А.С. Низами. – М., 1963. – 164 с.

275. **Никольский Н.В.** Половцы и татары / Н.В. Никольский // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1919. – Т. 30. – Вып. 2.

276. **Нугманов В.** Неспешное познание Отчизны / В. Нугманов // Научный Татарстан. – 1997. – №2. – С. 13-19.

277. **Нуриева Ф.Ш.** Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – 376 с.

278. **Нуриева Ф.Ш.** Из лексики «Нахдж ал-Фарадис» / Ф.Ш. Нуриева // Формирование татарского литературного языка: Сб.ст. – Казань, 1989. – С. 91-96.

279. **Нуриева Ф.Ш.** Лексические варианты «Нахдж ал-Фарадис» / Ф.Ш. Нуриева // Исследования по лексике и грамматике татарского языка. – Казань, 1986. – С. 127-132.

280. **Нуриева Ф.Ш.** Категория падежа в памятнике XIV века «Нахдж ал-Фарадис» / Ф.Ш. Нуриева // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты. – Казань, 1991. – С. 37-48.

281. **Нуриева Ф.Ш.** Отражение фонетических изменений в письменном памятнике XIV в. «Нахдж ал-Фарадис» / Ф.Ш. Нуриева // Вопросы истории диалектологии и функционирования языка. – Казань, 1998. – С. 126-135.

282. **Нуриева Ф.Ш.** Имена собственные в памятнике XIV в. / Ф.Ш. Нуриева // Языковые уровни и их анализ. – Казань: Изд-во ТГГИ, 1999. – С. 81-91.

283. **Нуриева Ф.Ш.** Сюжет об ожившем черепе в произведениях писателей Поволжья XIII – XIV вв., / Ф.Ш. Нуриева // Общественное развитие и гуманитарные науки. – Казань: Изд-во ТГГИ, 1999. – С. 61-64.

284. **Нуриева Ф.Ш.** Коллекция списков рукописи XIII – XIV вв. в рукописных хранилищах г. Казани, / Ф.Ш. Нуриева // Ученые записки. – Казань: Изд-во ТГГИ, 1999. – С. 133-148.

285. **Нуриева Ф.Ш.** «Нахдж-ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари / Ф.Ш. Нуриева. – Казань: Изд-во «Фэн», 1999. – 208 с.

286. **Нуриева Ф.Ш.** Система склонения в памятниках XIII – XIV вв., написанных в Поволжье / Ф.Ш. Нуриева // Материалы итоговой научно-практической конференции за 1999 г. – Казань: Изд-во ТГГИ, 2000. – С. 36-39.

287. **Нуриева Ф.Ш.** Тюркоязычный памятник «Ана вә угыла дастаны» / Ф.Ш. Нуриева // Языковые уровни и их анализ. – Казань: Изд-во ТГГИ, 2000. – С. 46-73.

288. **Нуриева Ф.Ш.** Основные звуковые процессы в языке тюрко-язычных письменных памятников XIV в. Поволжья / Ф.Ш. Нуриева // Материалы итоговой научно-практической конференции ТГГИ за 2000 год. – Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. – С. 43-45.

289. **Нуриева Ф.Ш.** Норма и вариативность в языке тюркоязычных памятников XIII – XIV века Поволжья / Ф.Ш. Нуриева // Татар теле, әдәбияты, тарихы – үткәне, бүгенгесе. – Казань: Изд-во ТГГИ, 2000. – С. 207-213.

290. **Нуриева Ф.Ш.** Общий взгляд на развитие письменно-литературного старотатарского литературного языка (XIII – XIV вв.) / Ф.Ш. Нуриева // Языковые уровни и их анализ. – Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. – С. 29-35.

291. **Нуриева Ф.Ш.** О роли поэта в произведении Хорезми «Мухаббат-наме» / Ф.Ш. Нуриева // Фэнни язмалар. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – С. 69-75.

292. **Нуриева Ф.Ш.** Использование трудов мусульманских богословов в тюркоязычном памятнике XIV в. «Нахдж ал-Фарадис» / Ф.Ш. Нуриева // Тюркология, 2002. – № 2. – С. 38-41.

293. **Нуриева Ф.Ш.** Чередование d – δ – j в языке памятников золотоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева // Фэнни язмалар. – 2003. – Казань: РИЦ «Школа», 2004. – С. 166-171.

294. **Нуриева Ф.Ш.** «Мухаббат-наме» Хорезми / Ф.Ш. Нуриева // История татарского литературного языка. – Казань: Фикер, 2003. – С. 220-239.

295. **Нуриева Ф.Ш.** Тюркоязычный памятник «Ана вэ угыл дастаны» / Ф.Ш. Нуриева // История татарского литературного языка. – Казань: Фикер, 2003. – С. 136-144.

296. **Обнорский, С.П.** Очерки по истории русского литературного языка старшего периода / С.П. Обнорский, . – М.-Л., 1946. – 199 с.

297. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 603 с.

298. О любви и красотах женщин: трактаты о любви эпохи Возрождения. Перевод и сост., авт. вступ. ст. В.П. Шестаков. – М, 1992. – 368 с.

299. **Остроумов Н.** Критический разбор мухамеданского учения о пророках / Н. Остроумов. – Казань, 1874. – 68 с.

300. Очерки истории башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1989. – 256 с.

301. Памятники южновеликорусского наречия. – М.: Наука, 1993. – 235 с.

302. **Пауль Г.** Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Наука, 1960. – 486 с.

303. Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. – М.: Наука, 1970. – 312 с.

304. **Покровская А.А.** Термины родства в тюркских языках / А.А. Покровская. – М., 1978. – 145 с.

305. Поэзия и проза древнего Востока. – М.: Наука, 1973. – 570 с.

306. Принципы издания эпистолярных текстов // Вопросы текстологии. Вып. 3, 1964. – 305 с.

307. Проблема лингво-этноистории татарского народа. – СПб., 1995. – С. 36-83.

308. Проблемы тюркологии и истории востоковедения. – Казань: Изд-во Казан. гос.ун-та, 1964. – 282 с.

309. **Пылев А.И.** Ходжа Ахмад Йасави – первый тюркский суфийский поэт Средней Азии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.И. Пылев; СПб.гос.ун-т. – СПб., 2001. – 26 с.

310. Радлов В.В. О языке куманов: по поводу издания куманского словаря / В.В. Радлов // Записки Императорской Академии наук. – СПб., 1884. – Т. 48. – Кн. 2. – №4. – 53 с.

311. Радлов В. Ярлыки Токтамышша и Тимиркутлуга / В. Радлов // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. – СПб, 1889. – С. 1-40.

312. Ракушин А.И. Мусульманство у золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья XIII – XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.И. Ракушин. – Саратов, 1998. – 17 с.

313. Рамазанова Д.Б. Формирование говоров юго-западной Башкирии / Д.Б. Рамазанова. – Казань, 1984. – 191 с.

314. Рамазанова Д.Б. Ареальная терминология родства и некоторые вопросы этнического формирования татар Приуралья / Д.Б. Рамазанова // Материалы татарской диалектологии. – Казань, 1990. – С. 8-28.

315. Рамазанова Д.Б. Термины родства и свойства татарского языка / Д.Б. Рамазанова. – Казань, 1991. – 190 с.

316. Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание (Морфология) / Г.И. Рамstedт. – М., 1957. – 117 с.

317. Расовский Д.А. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus / Д.А. Расовский // Seminarium Kondakovianum. – 1929. – С. 211.

318. Ремнева М.Л. История русского литературного языка / М.Л. Ремнева. – М.: МГУ. Филология, 1995. – 400 с.

319. Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии: Сб.ст. – Улан Батыр, 1974. – С. 187-194.

320. Рукописная книга в культуре народов Востока. – Кн. 1. – М.: Наука, 1981. – 557 с., кн. 2. – 1988. – 547 с.

321. Рукописный отдел ГПб, ф.671, ед.хр.100, л.841, 846-844 с.

322. Русановский В.М. Вопросы нормы на разных этапах истории литературного языка / В.М. Русановский // Вопросы языкознания, 1970. – № 4. – С. 54-68.

323. Рычков П.И. История Оренбургская (1730 – 1800) / П.И. Рычков. – Оренбург, 1896. – 697 с.

324. **Рясянен М.** Материалы по истории фонетики тюркских языков / М. Рясянен. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 222 с.
325. **Сагындыков Б.** Сравнительный анализ лексики тюркоязычных памятников XIV века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б. Сагындыков. – Алма-Ата, 1977. – 31 с.
326. **Садыкова З.Р.** Говоры оренбургских татар / З.Р. Садыкова. – Казань, 1985. – 159 с.
327. **Садыкова З.Р.** Некоторые названия птиц в диалектах татарского языка / З.Р. Садыкова // Материалы по татарской диалектологии. – Казань, 1990. – С. 47-57.
328. **Самойлович А.Н.** Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика / А.Н. Самойлович // ЗВОРАО, 1913, Т. XIX, вып. 1.
329. **Самойлович А.Н.** Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования / А.Н. Самойлович // Языковые проблемы по числительным. – Л., 1927. – Вып. I. – С. 135-156.
330. **Самойлович А.Н.** К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка / А.Н. Самойлович // Мир Али Шир. – Л., 1928. – С. 3-25.
331. **Сапунов Б.В.** Книга в России XII – XIII вв. / Б.В. Сапунов. – Л.: Наука, 1978. – 229 с.
332. **Сафаргалиев М.Г.** Распад Золотой Орды / М.Г. Сафаргалиев. – Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1960. – 276 с.
333. **Севортян Э.В.** Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования / Э.В. Севортян. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. – 643 с.
334. **Севортян Э.В.** Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) / Э.В. Севортян. – М., 1974. – 767 с.
335. **Севортян Э.В.** Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б») / Э.В. Севортян. – М., 1978. – 349 с.

336. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на буквы В, Г, Д) / Э.В. Севортян. – М., 1980. – 395 с.
337. Семантика русского языка в диахронии. Лексика и грамматика. – Калининград, 1992. – 145 с.
338. Семенюк Н.Н. О реконструкции функциональных парадигм в истории немецкого языка / Н.Н. Семенюк // Функциональная стратификация языка. – М., 1985. – 240 с.
339. Серебрянников Б.А. Система времен татарского глагола / Б.А. Серебрянников. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. – 76 с.
340. Серебрянников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Б.А. Серебрянников, Н.З. Гаджиева. – Баку: Маариф, 1979. – 304 с.
341. Снесорев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии / Г.П. Снесорев. – М.: Наука, 1983. – 112 с.
342. Соболевский А.И. История русского литературного языка / А.И. Соболевский. – Л.: Наука, 1980. – 194 с.
343. Советская Археология. – 1963. – №3. – С. 246-248.
344. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР. – Ташкент: Наука, 1964. – 7 т. – С. 332-339.
345. Современный татарский литературный язык: в 2-х ч. – М.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 380 с.
346. Социальная и функциональная стратификация литературных языков. – М.: Наука, 1977. – 343 с.
347. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М.: Наука, 1984. – 483 с.
348. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 557 с.
349. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997. – 800 с.
350. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М.: Наука, 2002. – 767 с.

351. Средневековая татарская литература (VIII – XVIII вв.). – Казань: Фэн, 1999. – 240 с.

352. **Степанов Г.В.** Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М.: 1976. – 224 с.

353. Структура и история татарского языка. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 156 с.

354. Страницы истории Поволжья и Приуралья. – Казань, 1984. – 183 с.

355. **Султанов Т.И.** Письмо золотоордынского хана Улуг Мухаммада турецкому султану Мурад II / Т.И. Султанов // Тюркологический сборник. 1975.– М.: Наука, 1975. – С. 53-61.

356. Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М.: Наука, 1981. – 236 с.

357. **Тагирджанов А.Т.** «Хосров и Ширин» Кутба: Дис. ... канд. филол. наук / А.Т. Тагирджанов. – Ташкент, 1946. – 252 с.

358. **Тагиров И.Р.** История национальной государственности татарского народа и Татарстана / И.Р. Тагиров. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2000. – 310 с.

359. Татарская АССР. Административно-территориальное деление. – Казань: Таткнигоиздат., 1966. – 363 с.

360. Татарская грамматика в 3-х т. – Казань, 1995. – 1 т. – 583 с.

361. Татарская история будет написана по-татарски: Материалы обсуждения // Идель, 1997. – №1. – С. 24-27.

362. Татарско-русский словарь. – М.: Изд-во «Сов. Энциклопедия», 1966. – 863 с.

363. Татары древние и современные: (попул. ист. очерк) // Татаро-башк. общественно-культурный центр «Туган тел» респ. Кыргызстан: Авт. – сост. Габдрахманов Х.Г. – Бишкек, 1993. – 61 с.

364. **Тенишев Э.Р.** Место кыпчакского (половецкого, куманского) и печенежского языков среди современных тюркских языков / Э.Р. Тенишев // Известия АН Казахской ССР: Серия фил. Алма-Ата, 1975. -№5. – С. 78-81.

365. Тенишев Э.Р. К понятию общетюркское состояние / Э.Р. Тенишев // Советская тюркология. – 1971. – №2. – С. 13-16.

366. Тенишев Э.Р. О построении народно-разговорного и литературного языков / Э.Р. Тенишев // Тюркологические исследования. – М., 1976. – С. 230-232.

367. Тенишев Э.Р. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников / Э.Р. Тенишев // Turcologica. – Л., 1976. – С. 164-172.

368. Тенишев Э.Р. Строй сарыг-уйгурского языка / Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1976. – 307 с.

369. Тенишев Э.Р. Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского литературного языка / Э.Р. Тенишев // Социальная и функциональная стратификация литературного языка. – М., 1977. – 343 с.

370. Тенишев Э.Р. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков / Э.Р. Тенишев // Советская тюркология. – 1977. – №5. – С. 119-124.

371. Тенишев Э.Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте / Э.Р. Тенишев // Вопросы языкознания. – 1979. – №2. – С. 85 – 93.

372. Тенишев Э.Р. Новый список Рабгузи / Э.Р. Тенишев // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. – Казань, 1983. – С. 25-31.

373. Тенишев Э.Р. Система существования древнеуйгурского языка / Э.Р. Тенишев // Функциональная стратификация языка. – М.: Наука, 1985. – С. 61-78.

374. Тенишев Э. О языке поэмы Кул Гали «Кыссаи Юсуф» / Э.Р. Тенишев // Turcologica. – Л., 1986. – С. 270.

375. Тенишев Э.Р. О языке поэмы «Кыссаи Йусуф» Кул Гали / Э.Р. Тенишев // Поэт гуманист К. Гали. – Казань, 1987. – С. 137-145.

376. Тенишев Э.Р. Принципы составления исторических грамматик и истории литературных языков / Э.Р. Тенишев // Советская тюркология. – 1988. – №3. – С. 67-78.

377. Тенишев Э.Р. Древнекыргызский язык / Э.Р. Тенишев. – Бишкек: Кыргызстан, 1997. – 56 с.
378. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В.Г. Тизенгаузен, . – СПб., 1884, т. I – II. – 305 с.
379. Типы наддиалектных форм языка. – М.: Наука, 1981. – 310 с.
380. Токарев С.А. Ранние формы религии / С.А. Токарев. – М.: Политиздат, 1990. – 612 с.
381. Толстов С.П. Выступления на сессии Отделения истории и философии АН СССР, посвященной этногенезу казанских татар. Происхождение казанских татар / С.П. Толстов. – Казань, 1945. – 139 с.
382. Толстой Н.И. Избранные труды /Н.И. Толстой. Т. 2. Славянская литературно-языковая ситуация. – М., 1988. – 519 с.
383. Тугушева Л.Ю. Раннесредневековый тюркский литературный язык / Л.Ю. Тугушева. – Санкт-Петербург, 2001. – 176 с.
384. Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар / Д.Г. Тумашева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 293 с.
385. Тумашева Д.Г. Об особенностях развития старотатарской деловой письменности / Д.Г. Тумашева, М.А. Усманов, Ф.М. Хисамова // Советская тюркология. – Казань, 1977. – №3. – С. 51-66.
386. Тумашева Д.Г. Старотатарская деловая письменность и историческая диалектология / Д.Г. Тумашева, Ф.М. Хисамова // Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков. – Уфа, 1986. – 165 с.
387. Тумашева Д.Г. Перебой гласных и формирование вокализма кыпчакских языков / Д.Г. Тумашева // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. – М.: Наука, 1989. – С. 5-18.
388. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России / Р.Ф. Туровский. – М.: Институт Наследия, 1998. – 210 с.

389. Тюркские и монгольские письменные памятники: тексты и культуроведческие аспекты исследования / сост. И.Е. Петросян. Рос. Акад. Наук, Ин-т востоковедения, – М.: Наука, 1992. – 155 с.

390. Указатель выставки IV Всероссийского археологического съезда. – Казань, 1877. – С. 63.

391. Улаков М.З. История Карачаево-балкарского языка / М.З. Улаков. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2001. – 80 с.

392. Умаров Э.А. Материалы по фонетике староузбекского языка / Э.А. Умаров. – Ташкент, 1999. – 20 с.

393. Урманчиев Ф.И. Героический эпос татарского народа / Ф.И. Урманчиев. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – 310 с.

394. Усманов, М.А. Татарские исторические источники XVI-XVIII вв. / М.А. Усманов,. – Казань: КГУ, 1972. – 318 с.

395. Усманов, М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. / М.А. Усманов,. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 318 с.

396. Усманов, М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманского духовенства в татарских ханствах XIII – XVI вв. / М.А. Усманов, // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М., 1985. – С. 177-185.

397. Усманов Х. Новаторство Кул Гали и Рабгузи / Х. Усманов, // Тюркский стих в средние века. – Казань: КГУ, 1987. – С. 60-68.

398. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.) / Б.А. Успенский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.

399. Фазылов Э.И. Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIV в. / Э.И. Фазылов. – Ташкент: ФЭН, 1966. – Т.1. – 650 с; – 1971. – 2 т. – 779 с.

400. Фазылов Э.И. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Автореф. дис. ... д-ра филол.наук / Э.И. Фазылов. – Ташкент, 1967. – 212 с.

401. Фазылов Э.И. А.Н. Самойлович – исследователь тюркских памятников средневековья / Э.И. Фазылов // Советская тюркология, 1973. – №5.

402. **Файзуллаева Ш.А.** Исследование языка памятника XIV в. «Китабы Булгат ол-муштак вал-кифчак Джалил Ад-Дина Ат-турк. Авторефер. дис. ... канд. филол. наук / Ш.А. Файзуллаева. – Ташкент, 1969. – 23 с.

403. **Фасеев Ф.С.** Основные этапы и компоненты формирования языковой общности татарской нации / Ф.С. Фасеев // Конференция по татарскому языкознанию, посвященная 50-летию СССР. Тезисы докладов. – Казань, 1972. – С. 57-63.

404. **Фасеев Ф.С.** Старотатарская деловая письменность XVIII в. / Ф.С. Фасеев. – Казань: КГУ, 1982. – 171 с.

405. **Фасеев Ф.С.** Кол Гали «Кысса-и-Йусуф» / Ф.С. Фасеев. – Казань: Тат. кит. нәшр., 1983. – 542 б.

406. **Фасеев Ф.С.** Вокализм татарского языка в синхронии и диахронии / Ф.С. Фасеев // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1985. – С. 99-110.

407. **Фахрутдинов, Р.Г.** Золотая Орда / Р.Г. Фахрутдинов, // Татарстан, 1992. – №4. – С. 52-64.

408. **Фахрутдинов Р.Г.** История татарского народа и Татарстана / Р.Г. Фахрутдинов,. – Казань: Магариф, 1995. – 255 с.

409. **Федоров-Давыдов, Г.А.** Общественный строй Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов,. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1973. – 180 с.

410. **Федоров-Давыдов Г.А.** Золотоордынские города Поволжья / Г.А. Федоров-Давыдов,. – М., 2001. – 254 с.

411. **Федоров-Давыдов, Г.А.** Торговля нижеволжских городов Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов, // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 38-59.

412. **Федоров-Давыдов Г.А.** Денежное дело Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов,. – М.: Палеограф., 2003. – 351 с.

413. **Феоктистов А.П.** Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков: (ранний период) / А.П. Феоктистов. – М.: Наука, 1976.

414. **Филичева Н.И.** Немецкий литературный язык / Н.И. Филичева. – М.: Высш. шк., 1992. – 176 с.

415. Формирование татарского литературного языка. – Казань: ИЯЛИ, 1989. – 120 с.

416. **Хабутдинов А.Ю.** Миллет Оренбургского духовного собрания в конце XVIII – XIX веках / А.Ю. Хабутдинов. – Казань: Иман, 2000. – 160 с.

417. **Хайрутдинова И.Х.** Истоки и изоглоссы татарских диалектных названий предметов быта, связанных с приготовлением пицци / И.Х. Хайрутдинова // Материалы по татарской диалектологии. – Казань, 1990. – С. 26-47.

418. **Хайрутдинова И.Х.** Названия пицци в памятниках старотатарской письменности / И.Х. Хайрутдинова // Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка. – Казань, 1992. – С. 49-69.

419. **Хакимзянов Ф.С.** Язык эпитафий волжских булгар / Ф.С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1978. – 206 с.

420. **Хакимзянов Ф.С.** О поволжском варианте среднетюркского литературного языка / Ф.С. Хакимзянов // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. – Казань, 1983. – С. 9.

421. **Хакимзянов Ф.С.** О языке межэтнического общения в Волжской Булгарии / Ф.С. Хакимзянов // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1985. – С. 90.

422. **Хакимзянов Ф.С.** Эпиграфические памятники волжских булгар и их язык / Ф.С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1987. – 101 с.

423. **Хакимзянов Ф.С.** Варианты реализации поволжского литературного языка / Ф.С. Хакимзянов // Старотатарский литературный язык. Исследования и тексты. – Казань: Наука, 1991. – С. 28-37.

424. **Хаков В.Х.** Развитие татарского литературного языка и его стилей. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.Х. Хаков. – Алма-Ата, 1971. – 60 с.

425. **Хаков В.Х.** Кыпчакские письменные памятники как источник изучения истории татарского языка / В.Х. Хаков // Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. – Уфа, 1977. – С. 56-66.

426. **Хаков В.Х.** О методах и источниках составления истории тюркских литературных языков / В.Х. Хаков // Советская тюркология. – 1988. – №3. – С. 86-91.

427. **Хаков В.Х.** Роль глоссарий в развитии лексических норм древне- и старотатарского литературного языка / В.Х. Хаков // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. – Казань, 1990. – С. 4-13.

428. **Халидов А.Б.** Арабские рукописи и арабская рукописная традиция / А.Б. Халидов. – М.: Наука, 1985. – 304 с.

429. **Халиков А.Х.** Татарский народ и его предки / А.Х. Халиков. – Казань: Татар. книж. изд-во, 1989. – 222 с.

430. **Халиков А.Х.** Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария / А.Х. Халиков. – Казань: Изд-во «Фэн», 1994. – 163 с.

431. **Халиуллина А.Р.** Графо-фонетические и морфологические особенности тюркоязычного памятника XIV века «Кысас аланбия» Насретдина Рабгузи: Дис...канд. филол. наук / А.Р. Халиуллина. – Казань, 2002. – 229 с.

432. **Хамраев М.К.** Основы тюркского стихосложения / М.К. Хамраев. – Алма-Ата: изд-во АН Казахской ССР, 1963. – 254 с.

433. **Хафизов Г.Г.** Распад монгольской империи и образование Улуса Джучи: Дис. ... канд. ист. наук / Г.Г. Хафизов; Каз. гос. ун-т. – Казань, 1997. – 146 с.

434. **Хисамиева З.А.** Язык дастанов Кадыр-Гали Бека: Дис. ... канд. филол. наук / З.А. Хисамиева; Каз. гос. ун-т. – Казань, 1989. – 231 с.

435. **Хисамов Н.Ш.** Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Али / Н.Ш. Хисамов. – М.: Наука, 1979. – 251 с.

436. **Хисамова Ф.М.** Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XVI – XVII вв. / Ф.М. Хисамова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 154 с.

437. **Хисамова Ф.М.** Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности (XVI – нач. XVII вв.): Дис. ... д-ра филол. наук / Ф.М. Хисамова; Каз. гос. ун-т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1995. – 418 с.

438. **Хисамова Ф.М.** Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – нач. XVIII вв.) / Ф.М. Хисамова. – Казань, 1999. – 407 с.

439. **Хорезми.** Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н. Наджипа / Хорезми. – М.: изд. восточной лит-ры, 1961. – 223 с.

440. Хрестоматия по исламу. – М.: Наука, 1994. – 238 с.

441. **Худяков М.** Очерки по истории Казанского ханства / М. Худяков,. – Казань, 1990. – 264 с.

442. **Чайковская А.И.** Предпосылки изучения тюркских языков арабскими филологами XIV в. / А.И. Чайковская // Исследования по литературоведению и языкознанию. – Ташкент: ФАН, 1977. – С. 158-169.

443. **Чалая И.П., Веденин Ю.А.** Культурно-ландшафтное районирование Тверской области / И.П. Чалая, Ю.А. Веденин. – М., 1997. – 286 с.

444. **Чареков С.Л.** Эволюционная морфология. Ч. 2. Очерки формирования и эволюции категории глагола в алтайских языках / С.Л. Чареков. – СПб.: Наука, 2000. – 167 с.

445. **Челышева И.И.** Становление литературного языка Италии: к типологии формирования романских литературных языков / И.И. Челышева. Автореф. дис. д-ра филол. наук. – М., 1998. – 64 с.

446. **Черкесский М.А.** Тюркский вокализм и сингармония / М.А. Черкесский. – М.: Наука, 1965. – 142 с.

447. **Чеченов А.А.** Язык памятника XIV века Codex Cumanicus в ареальном освещении / А.А. Чеченов. – М.: Наука, 1978. – 186 с.

448. **Шабанова Ф.А.** Лексика огузо-сельджукских памятников: Автореф. ... канд. филол. наук / Ф.А. Шабанова. – Баку, 1988. – 20 с.

449. **Шамиль Ю.** Формирование исторического сознания татар: Шигабутдин Марджани и образ Золотой Орды / Ю. Шамиль // Татарстан. – 1991 – №10. – С. 21-30.

450. **Шарипов А.М.** Зарождение и становление системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе (VIII – XIV вв.) / А.М. Шарипов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 364 с.

451. **Шахматов А.А.** Очерк современного русского литературного языка / А.А. Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1941. – 288 с.

452. **Шидфар Б.Я.** Образная система арабской литературы (VI – XII в.) / Б.Я. Шидфар. – М.: Наука, 1971. – С. 254.

453. **Шпилевский С.М.** Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии / С.М. Шпилевский. – Казань, 1877. – С. 25-95.

454. **Штелинг Д.А.** О неоднородности грамматических категорий / Д.А. Штелинг // Вопросы языкознания. – 1959. – №1. – С. 55-65.

455. **Шукуров Ш.** Наклонение и времена глагола в письменных памятниках узбекского народа в сравнительном освещении: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ш. Шукуров. – Ташкент, 1974. – 89 с.

456. **Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.** Введение в социолингвистику / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.

457. **Щербак А.М.** Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности / А.М. Щербак. – М., 1959. – 270 с.

458. **Щербак А.М.** Грамматический очерк языка тюркских текстов X – XIII веков из восточного Туркестана / А.М. Щербак. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 204 с.

459. Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка / А.М. Щербак. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 210 с.
460. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1970 – 204 с.
461. Щербак А.М. О фонетических особенностях языка «Кутадгу билиг» в древнеуйгурском консонантизме / А.М. Щербак // Советская тюркология. – 1970. – С. 20-23.
462. Щербак А.М. Формы желательного наклонения в тюркских языках / А.М. Щербак // TURCOLOGICA. – М., 1976. – С. 17-23.
463. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя) / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1977. – 191 с.
464. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол) / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1981. – 92 с.
465. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – 540 с.
466. Юдакин А.П. Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков / А.П. Юдакин. – М.: «Глас», 1997. – 391 с.
467. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1965. – 275 с.
468. Юнусов А. Исследование памятника XIV в. «Таржуман турки ва ажами ва мутали» / А. Юнусов. – Авт.канд.филол.наук, Ташкент, 1973. – 25 с.
469. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику / Г.В. Юсупов. – М.-Л., 1960. – С. 183-185.
470. Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 317 с.
471. Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: ФЭН, 1986. – 230 с.
472. Юсупов Ф.Ю. Морфология диалектного языка: категории глагола / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: ФЭН, 2004. – 592 с.
473. Языки мира. Тюркские языки. – М., 1999. – 453 с.

474. Языковая норма. Типология кодификационных процессов. – М., 1996. – С. 23-42.

475. Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча / А.Ю. Якубовский // Известия государственной академии истории материальной культуры. – Л., 1930.

476. Ярцева В.Н. Соотношение территориальных диалектов в разных исторических условиях / В.Н. Ярцева // Энгельс и языкознание. – М.: Наука, 1972. – С. 189-2007.

477. Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX-XV вв. / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1985. – 247 с.

литература на национальных языках

1. **Абдуллин И.А.** Әдәби тел тарихын һәм чыганаclar өйрәнүнең төп концепцияләре / И.А. Абдуллин // Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка. – Казань, 1992. – Б. 8-25.
2. **Абдуллин Я.** Ислам безнең тарихыбызда һәм әдәбиятыбызда / Я. Абдуллин // Казан Утлары. – 1993. – №7. – Б. 169.
3. **Абилов Ш.** Низами һәм татар әдәбияты / Ш. Абилов // Казан Утлары. – 1993. – №3. – Б. 166-171.
4. **Алмаз.** Жәмжәмә дастаны / Ж. Алмаз // Әдәби мирас. 3 к. – Казан: Татар. китап. нәшр, 1996. – Б. 42-56.
5. Әдәбият белеме сүзлеге. – Казан: Татар. китап. нәшр, 1990. – 259 б.
6. **Амирханов Р.Г.** Мәхәббәт фәлсәфәсе чыганагы / Р.Г. Әмирханов // Мирас. – 1993. – №5. – Б. 35-41.
7. **Әмирхан Р.Г.** Иманга тугрылык / Р.Г. Әмирханов. – Казан: Татар. китап. нәшр, 1997. – 384 б.
8. **Әхмәтжанов М.И.** Яңа археологик табышлар һәм аларны татар әдәбияты тарихын тикшерүдә куллану: Филол. фән. ... д-р дис. / М.И. Әхмәтжанов. – Казан, 1998. – 421 б.
9. **Баширова И.Б.** XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: исем категорияләре һәм фигыль наклонениеләрендә әдәби норма, норма вариантлылыгы һәм функциональ – стилистик вариантлылык / И.Б. Баширова. – Казан: ҚДТУ нәшр., 1999. – 576 б.

10. Бәдигъ Х. Татар әдәби теленең барышы / Х. Бәдигъ // Безнең юл. – 1930. – № 2-4. – Б. 33-40
11. Борынғы татар әдәбияты. – Казан: Татар. китап. нәшр., 1963. – 525 б.
12. Борынғы төрки һәм татар әдәбиятының чыганақлары: Уку-укыту әсбабы. Төзүчесе Х. Госман. – Казан университеты нәшрияты, 1981. – 246 б.
13. Газиз Г, Рәхим Г. Татар әдәбияты тарихы, 1 том. 2 бүлек / Г. Газиз, Г. Рәхим. – Казан, 1922. – 244 б.
14. Гайнуллин М.Х. Татар әдәбияты XIX йөз / М.Х. Гайнуллин. – Казан, 1957. – 654 б.
15. Гарипова Ф.Г. Исемнәрдә — ил тарихы: Югары һәм урта уку йортлары өчен дәреслек-кулланма / Ф.Г. Гарипова. — Казан, 1994. — 262 б.
16. Гарипова Ф.Г. Авыллар, калалар тарихыннан / Ф.Г. Гарипова. — Казан, 1997. — 560 б.
17. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. – Казан: Татар. китап. нәшр., 1965. – 353 б.
18. Гобәйдуллин Газиз. Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма хезмәләр / Г. Гобәйдуллин. – Казан: Татар. китап. нәшр., 1989. – 334 б.
19. Госман Х. Алты йөз егерме ел элек / Х. Госман // Совет әдәбияты. – 1962. – №12. – Б. 135-137.
20. Госманов М. Яңа табылган әдәби, тарихи, истәлекләр / М. Госманов // Казан утлары. – 1966. – №7. – Б. 81-86.
21. Госманов М. Тарихтагы тирән эзләрдән / М. Госманов // Казан утлары. – 1970. – №5. – Б. 160-172.
22. Госманов М. Каурый-каләм эзеннән. Археограф язмалары / М. Госманов. – Казан: Татар. китап. нәшр., 1994. – 464 б.
23. Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәнияты тарихы / Г.М. Дәүләтшин. – Казан, 1999. – 512 б.
24. Жәләй Л. Татар теленең тарихи морфологиясе. Очерклар / Л. Жәләй. – Казан: Фикер, 2000. – 288 б.
25. Зәйнуллин Ж.Г. 18 йөз — 20 йөз башында татар рухани әдәбияты / Ж.Г. Зәйнуллин. — Казан: Мәгариф, 1998. — 205 б.

26. **Ибраһимов Г.** Имля, тел, әдәбият мәсьәләләре / Г. Ибраһимов. — Казан, 1924. — 143 б.
27. **Ибраһимов Г.** Әсәрләр. Сигез томда. 8 том. Тәрки һәм татар теле белеме турында мәкаләләр, хезмәтләр / Г. Ибраһимов. — Казан: Тат. кит. нәшр., 1978. — 431 б.
28. **Исәнбәт Н.** Татар теленең фразеологик сүзлегә / Н. Исәнбәт. — Казан: Татар. китап. нәшр., 1989. — Т.1.— 495 б.; 1990. — Т.2. — 365 б.
29. **Кәримуллин Ә.** Борынгы китаплар һәм кулъязмалар / Ә. Кәримуллин // Совет әдәбияты. — 1958. — №9. — Б. 107-110.
30. **Котб.** Хөсрәү вә Ширин / Котб. — Казан: Мәгариф. — 2003. 367 б.
31. **Курбатов Х.Р.** Иске татар поэзиясендә тел, стиль, метрика һәм строфика / Х.Р. Курбатов. — Казан: Тат. кит. нәшр., 1984. — 164 б.
32. **Курбатов Х.Р.** Татар теленең алфавит һәм орфография тарихы / Х.Р. Курбатов. — Казан, 1997. — 283 с.
33. **Максудова З.** Онытылган шагыйрьләребез / З. Максудова // Казан утлары. — 1968. — №1. — 97 б.
34. **Мәржәни Ш.** Мостәфадел — әхбар фи әхвали Казан вә Болгар / Ш.. Мәржәни. — Казан: Татар. китап. нәшр., 1989. — 414 б.
35. **Мәхмүтов Х.Ш.** Борынгылар әйткән сүzlәр (VIII-XVII йөз төрки—татар ядкярләрендә афоризмнар) / Х.Ш. Мәхмүтов. — Казан: Фикер, 2002. — 256 б.
36. **Миңнегулов Х.Ю.** Сәйиф Сарай. Тормышы һәм ижаты / Х.Ю. Миннегулов. — Казан, 1976. — 180 б.
37. **Миңнегулов Х.Ю.** Шәрәк һәм татар әдәбиятында кысалы кыйссалар / Х.Ю. Миннегулов. — Казан: КДУ нәшр., 1988. — 198 б.
38. **Миңнегулов Х.Ю.** Алтын Урда әдәбияты / Х.Ю. Миннегулов // Татарстан. — 1992. — №7-8. — Б. 63-73.
39. **Миңнегулов Х.Ю.** Алтын Урда чоры язма мәдәнияте / Х.Ю. Миннегулов // Мирас. — 1993. — №6. — Б. 14-24.
40. **Миңнегулов Х.Ю.** Урта гасыр әдәбиятын өйрәнү юлында / Х.Ю. Миннегулов // Мирас. — 1995. — №7-8. — Б. 40-48.

41. **Миңнегулов Х.Ю.** «Ни белгәйләр сине сүзләтмәсәң тел» (Алтын Урда әдәби традицияләре) / Х.Ю. Миннегулов // Мирас. – 1996. – №5-6. – Б. 202-215.
42. **Миңнегулов Х.Ю.** Татарларда ислам дине / Х.Ю. Миннегулов // Мирас. – 1998. – №4. – Б. 109-115.
43. **Миңнегулов Х.Ю.** Дөнъяда сүземез бар... / Х.Ю. Миннегулов. – Казан: Татарстан Китап нәшрияты, 1999. – 336 б.
44. **Миңнегулов Х.Ю.** Гасырлар өнен тыңлап ... / Х.Ю. Миңнегулов. – Казан: Мәгариф, 2003. – 335 б.
45. **Мөхәммәтов Х.** Язма әдәбият / Х. Мөхәммәтов // Борынгы татар әдәбияты. – Казан, 1963. – 182 б.
46. **Нәҗип Ә.Н.** Татар әдәбиятының һәм әдәби теленең кайбер онытылган язма истәлекләре турында / Ә.Н. Нәҗип // Совет әдәбияты. – 1957. – №12. – С. 77-88.
47. **Насыри К.** Ләһжәи татари / К. Насыри. – Казан, 1895. – 226 б.
48. **Ногман М.** XVII – XVIII йөздәге русча татарча кулъязма сузлекләр / М. Ногман. – Казан: ҚДУ нәшр., 1969. – 122 б.
49. **Нуриева А.Х.** Татар теле тарихынан материаллар / А.Х. Нуриева. – Казан: Татар. китап. нәшр., 1975. – 97 б.
50. **Нуриева Ф.Ш.** Мәхмүт Болгари «Нәһжел Фәрадис» (текстны хәзерге татар әдәби теленә күчәрүче Ф.Ш. Нуриева) / Ф.Ш. Нуриева. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 358 б.
51. **Рәхим Г.** Халык әдәбиятымызга бер караш / Г. Рәхим // Аң.– 1914. – №14-16. – Б. 19-22.
52. **Рәхим Г., Газиз Г.** Татар әдәбияты тарихы. Беренче җилд. Борынгы дәвер. Икенче бүлек / Г. Рәхим, Г. Газиз. – Казан, 1924. – 175 б.
53. **Рәхим Г., Газиз Г.** Татар әдәбияты тарихы. Икенче басма / Г. Рәхим, Г. Газиз. – Казан, 1925. – 316 б.
54. **Сараи Сәйф.** Гөлестан. Лирика Дастан / С. Сараи. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1999. – 296 б.
55. **Сәгъди Г.** Әдәбият тарихымы, язмалар тарихымы / Г. Сәгъди // Безнең юл. – 1924 – №13. – Б. 40-44.

56. Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы / Г. Сәгъди. – Казан: Татгосиздат. 1926. – 300 б.
57. Саттаров Г.Ф. Татарстан АССРның антропотопонимнары / Г.Ф. Саттаров. – Казан: ҚДУ нәшр., 1973. – 305 б.
58. Таһирҗанов Г.Т. Тарихтан– әдәбиятка / Г.Т. Таһирҗанов. – Казан, 1979. – 167 б.
59. Татар теленең диалектологик сүзлеге. – Казан, 1969 – 644 б.
60. Татар әдәбияты тарихы. – Казан: Татар. китап. нәшр., 1984. – 1 т. – 567 б.
61. Тумашева Д.Г. Көнбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек / Д.Г. Тумашева. – Казан, 1961. – 240 с.
62. Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теле. Морфология / Д.Г. Тумашева. – Казан: Казан. ун-ты нәшр., 1978. – 221 б.
63. XIII – XIV асрлар турки адаби едгорликлар тили. Морфология. – Ташкент: Фан, 1986. – 223 с.
64. Фәхрутдинов Ф. Болгар шәһәрләре / Ф. Фахрутдинов // Казан утлары. – 1970. – №2. – Б. 167-179.
65. Фәтхи А. Татар әдипләре һәм галимнәренең кулъязмалары. 3 булектән / А. Фәтхи. – Казан: Казан. ун-ты нәшр., 1968. – 84 б.
66. Хаков В.Х. Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше / В.Х. Хаков. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1972. – 224 б.
67. Хаков В.Х. «Мәхәббәтнамә» әсәре һәм татар әдәбиятында аның традицияләре / В.Х. Хаков // Казан утлары, 1980. – №3. – Б. 161-167.
68. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы һәм этнолингвистика / В.Х. Хаков// Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка. – Казан, 1992. – Б. 25-32.
69. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы / В.Х. Хаков. – Казан, 1993. – 323 б.
70. Хаков В.Х. Тел-тарих көзгесе / В.Х. Хаков. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2003. – 295 б.

71. **Хәким Н.** Татар грамматикасының эшләнүе һәм Г. Ибраһимов / Н. Хәким // Г. Ибраһимов. – Казан: Татиздат., 1928. – Б. 130-155.

72. **Хисамов Н.** Яңача фикерләү һәм урта часыр әдәбиятын өйрәнүнең принципаль мәсьәләләре / Н. Хисамов // Казан утлары, 1997. – №3. – Б. 183.

73. **Хисамов Н.** XIX йөз шигъриятендә кеше идеалы / Н. Хисамов // Казан утлары, 1997. – №3. – Б. 157-171.

74. **Хисамова Ф.М.** Татар телендә – ган формасынын кулланышында кайбер үзенчәлекләр / Ф.М. Хисамова // Татар тел белеме мәсьәләләре. 3 китап. – Казан: – КДУ, 1969. – Б. 197-209.

75. **Хисамова Ф.М.** XVIII йөздәге татарча эш кәгазьләренен тел үзенчәлекләре / Ф.М. Хисамова. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1981. – 162 б.

76. **Юсупов М.** Яңа кулъязмалар / М. Юсупов // Социалистик Татарстан. – 1968. – 25 август.

77. **Яфаров Б.А.** X – XIV йөзләрдә Кама-Волга болгарлары әдәбияты һәм «Нәһж әл-Фәрәдис» кулъязмасы: Дис. ... филол.фән.канд. Б.А. Яфаров – Казан, 1949. – Б. 62-150.

78. **Яхин Ф.** Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология / Ф. Яхин. – Казан: Татар дәүләт гуманитар ин-т нәшр., 2000. – 266 б.

79. **Eski түркі жазба ескерткиштері туралы зертеулер** (Исследование старота-тарских письменных памятников). – Алма-Ата: Наука, 1983. – 206 с.

80. **Ишбирзин Э.Ф.** Башкорт әзәби теленен тарихы / Э.Ф. Ишбирзин. – Өфә: Башкортостан «Китап» нәшрияте, 1993. – 320 б.

81. **Кошгарий М.** Туркит сүзлар девони / М. Кошгарий. Т. I – III. – Ташкент: Изд-во АН Узбек. ССР, 1960-1963.

82. **Фозилов Э.** Узбек тилининг тарихий морфологияси / Э. Фозилов. – Ташкент, 1965. – 175 б.

1. **Bang W.** Uber die Herkunft des Codex Cumanicus / W/Bang. – Classe, 1913. – 244-245 s.
2. **Bloch E.** Catalogue des manuscrits turcs, cilt II / E.Bloch. – Paris, 1933. – S. 132-133.
3. **Böhtlingk O.** Zur turkische – tatarischen Grammatik / O.Böhtlingk // Ibid., 1849. – S. 385.
4. **Brockelmann G.** Osttürkische grammatik der Islamischen litteratursprachen mittelasiens / G. Brockelmann. – Leiden, 1954. – S. 1-10.
5. **Gabain A. M.** Die sprache olex Codex Cumanikus / A.Gabain // Philologiae Turcical Fundamenta. – Wiesbaden, 1959. – T. 1. – S. 46-73.
6. **Gabain A.M.** Alttürkische Grammatik / A.M. Gabain. – Leipzig, 1959.
7. **Eckmann J.** Nehcü'1 – Feradis I, Tipki Basim / J. Eckmann. – Ankara, 1956. – 444 s.
8. **Eckmann J.** Nehcü'1 – Faradis'in Bilinmeyeni bir Xazmati / J.Eckmann // Turk Dili Aras trmalari Yilligi Belleten. – Ankara, 1964. – S. 157-159.
9. **Eckmann J.** Die Kiptschakische Literatur von Janos Eckmann / J. Eckmann // Filologiae Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden, 1964. – S. 280-285.
10. **Clauson G.** An etimological Dictionary of prethirteenth cen Aury Turkish / G. Clauson. – Oxford, 1972. – S. 74-166.

11. **Hacieminoglu N.** Kutb'un Husrev Şirin'i ve Dil Hususiyetleri / N. Hacieminoglu. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2000. – 478 s.
12. **Karamanlioglu A.F.** Seyfi Sarayi. Gülistan Tercümesi / A.F. Karamanlioglu. – Ankara, 1989. – 408 s.
13. Kivametdin Burslan Nehcül-Faradis'ten Derlenen Türkçe sözlür // Türkijät Mecmuasi III. – İstanbul, 1934. – S. 169-250.
14. **Kuun Geza.** Codex Cumanicus bibliotecfe ad teplum Divi Marci Venetiarum /G. Kuun. – Budapest, 1880. – 230 s.
15. **Köprülü Fuad** Türk Edebiyatı Tatihi/ F. Köprülü. – İstanbul, 1926. – S. 344-347.
16. **Mahmud b Kēdî Manyâs.** Gulistan Tercümesi. Giriş-inceleme-metin. Sözlük Hazırlayan Dk. Dr Mustafa Özkan. – Ankara, 1993. – 480 s.
17. **Radioff W.** Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus / W. Radioff. – StP. – 1887. – 111 s.
18. **Radioff W.** Vergleichende Ctrammatik der nördlichen Türkssprachen. Phonetik der nördlichen Türksprachen / W. Radioff. Zeipzig, 1882. – 280-291; Altürkische Studien. IV-VIII UAN cer. VI, TV, 1911. – № 5-6.
19. **Özyetgin M.A.** Altın ordu, kırım ve kazan sanasına ait varlık vebitük Lerin dil ve üslup incele mesi / A.M. Özyetgin – Ankara. 1996. – 296 s.
20. **Özyetgin M.A.** Ebu Hayyan. Kitabı'l-İdrak li Lisan'ı – Etrak / A.M. Özyetgin. – Ankara, 2001 – 798 s.
21. **Toparli R.** Irşadul-Mülük Ves-Selatin. R. Toparli, Ankara. – 1992. – 627 s.
22. **Toparli R.** Kitâb-i mecmû-i tekcümân-i türkî ve acemî ve mucalî / R. Toparli. – Ankara, 2000. – 165 s.
23. **Velidi Z.** Harezmda yazılmış Eski Türkçe Eserler / Z. Velidi // Turkiyat Mecmuasi II, 1926/ Z. Velidi . – İstanbul, 1928. – S. 331-345.
24. **Zajaczkowski A.** Słownik Arabsko-Kipczacki z okresu Państwa MameluckiegoBulgat al-Muştaq fi lugat at-türk wa-l-Qifzaq/ A. Zajaczkowski. – Warszawa, 1954. – 86 s.
25. **Zajaczkowski A.** Najatarsza wersja turecka Husräv u Şirin Qutba / A. Zajaczkowski. – Warszawa, 1958. – Tect. – 304 s.; Faksimile. – 238 s.; Słownik. – 207 s.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7	
ГЛАВА I.		
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТЮРКО- ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА.....		11
§ 1. Историческая ситуация.....	12	
§ 2. Литературные традиции письменных тюркских языков.....	30	
ГЛАВА II.		
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА.....		53
§ 1. Характеристика памятников религиозно- Дидактического содержания.....	55	
§ 2. Характеристика памятников светского характера.....	83	
§ 3. Язык «Codex Cumanicus» и «Иршад ал-мулук вас-салатин».....	98	
ГЛАВА III.		
ФОНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ЦИКЛА: ПРОБЛЕМА ВАРЬИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННОЙ НОРМЫ.....		111
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	147	
О ПРИНЦИПАХ ТРАНСКРИПЦИИ.....	150	
СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ, ССЫЛКИ НА КОТОРЫЕ ИМЕЮТСЯ В ТЕКСТЕ.....	151	
БИБЛИОГРАФИЯ.....	152	
ЛИТЕРАТУРА НА НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ.....	192	
ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ.....	198	

НУРИЕВА ФАНУЗА ШАКУРОВНА

АЛТЫН ОРДА ДӘУІРІНДЕГІ ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШТЕР ТІЛІНІҢ АТРИБУЦИЯСЫ

Нуриева Фануза Шакуровна – филолог, филология ғылымдарының докторы, профессор, Қазан (Еділ бойы) федеральды университеті татар филологиясы мен тарихы факультеті татар тілі және жалпы тіл білімі кафедрасының меңгерушісі, Ресей Федерациясы жоғары кәсіби білім беру ісінің құрметті қызметкері, Ресей түркітанушылар комитетінің мүшесі, классикалық университеттік білім беру бойынша ОӘБ «Ресей федерациясы халықтарының тілі мен әдебиеті» секциясының төрайымы, 10.02.02 – РФ халықтарының тілі (татар тілі) мамандығы бойынша докторлық және кандидаттық диссертация қорғайтын Диссертациялық кеңестің мүшесі.

Ф.Ш. Нуриева – жүзге жуық ғылыми еңбектің, оның ішінде, татар тілінің тарихы мәселелеріне арналған он екі монографияның, кітапшалардың, оқулықтар мен оқу құралдарының авторы.

Ғылыми ізденіс салалары: түркі әдеби тілдерінің тарихы және түркі-татар жазба ескерткіштерінің тілі, тіл теориясы.

Монография Алтын Орда жазба ескерткіштері негізінде татар әдеби тілінің бастапқы даму кезеңін зерттеуге арналған. Ғылыми зерттеу үш тараудан, қорытындыдан және библиографиядан тұрады.

Бірінші тарауда Алтын Орда мемлекетіндегі XIII ғасырдың екінші жартысы мен XV ғасырдың басы аралығындағы тарихи-мәдени тілдік жағдай сипатталады. Мұнда түркі тілдерін зерттеудің теориялық мәселелері айқындалып, түркі тілдерінің әртүрлі дәуірлердегі жазба әдеби ескерткіштеріндегі әдеби дәстүрлерді зерттеуге ерекше көңіл бөлінеді.

Екінші тарау Алтын Орда дәуіріндегі жазба ескерткіштердің әртүрлі жанрлардағы жазба мәтіндерін, мысалы, Насриддин Рабғузидің «Қысас әл-әнбия», Махмуд әл-Бұлғаридің «Нахдж әл-Фарадис», Хусам Катибтің «Жұмжұма сұлтан», «Кисекбаш кітабы» шығармаларының діни-дидактикалық мазмұндағы мәтіндерін, Құтыптың «Хұсрау уа Шырын», Хорезмидің «Мұхаббатнаме», Сайф Сараидің «Түркіше Гүлістан» сияқты махаббат пен адамгершілікті уағыздайтын мәтіндерін; «Codex Sumanicus» тәрізді араб-қыпшақ глоссарийлерін; «Иршад әл-мулук уас-салатин» мұсылман заңнамасы жөніндегі шығармаларды сипаттауға арналған.

Үшінші тарауда әрбір мәтіннің тілі фонетикалық және орфографиялық құбылыстардың нормасы мен нұсқалығы тұрғысынан талданады. Автор талдау барысында біліктілік белгілерінің типтеріне сүйенеді. Ескерткіштер тілін төл және шеттілдік элементтерге жіктеу тәсілі, сондай-ақ туындыларды жан-жақты толық талдау және статистикалық өңдеу шығарма тілінің ерекшеліктерін объективті зерделеуге және Еділ бойы түркі-татар әдеби тілінің базасы ретіндегі қыпшақ койнесінің таралу үрдісін анықтауға мүмкіндік береді.

Алтын Орда әдеби мәтіндерін талдау түркі әдеби дәстүрінің сабақтастығын, әдеби тілдің қыпшақ койнесі негізінде өңірлік жаңа нұсқасының дамуын айғақтайды.

НУРИЕВА ФАНУЗА ШАКУРОВНА

АТРИБУЦИЯ ЯЗЫКА ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

Нуриева Фануза Шакуровна – филолог, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории татарского языка и общего языкознания факультета татарской филологии и истории Казанского (Приволжского) федерального университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Российского комитета тюркологов, председатель секции "Языки и литературы народов РФ" УМО по классическому университетскому образованию, член диссертационного Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности 10.02.02 - Языки народов РФ (татарский язык).

Ф.Ш. Нуриева – автор около ста научных работ, в том числе двенадцати монографий, брошюр, учебников и учебных пособий по проблемам истории татарского языка.

Сфера научных интересов: история тюркских литературных языков и язык тюрко-татарских письменных памятников, теория языка.

Настоящая монография посвящена исследованию начального этапа развития татарского литературного языка, представленного письменными памятниками золотоордынского периода.

Научное исследование состоит из трех глав, заключения и библиографии.

В первой главе описывается историко-культурная языковая ситуация в Золотой Орде во второй половине XIII – начала XV вв. Раскрываются теоретические проблемы изучения тюркских языков, особое внимание уделяется исследованию литературных традиций, отраженных в письменных литературных памятниках тюркских языков разных эпох.

Вторая глава посвящена характеристике письменных памятников золотоордынского периода, представленных в письменных текстах разных жанров: тексты религиозно-дидактического содержания «Кысас ал-анбия» Рабгузи, «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, «Джумджума султан» Хусам Кятиба, «Кисекбаш китабы»; тексты светского характера «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Гулистан бит-тюрки» Сейифа Сарай; арабско-кыпчакские глоссарии на примере «Codex Cumanicus»; произведения по мусульманской юриспруденции «Иршад ал-мулук вас-салатин».

В третьей главе анализируется язык каждого текста с точки зрения нормы и вариативности фонетических и орфографических явлений. При анализе автор опирается на квалификационные типы признаков. Прием расслоения языка памятника на базисные и периферийные элементы, а также анализ полной выборки и статистическая обработка позволяют объективно отразить особенности языка, зафиксированные в произведении и выявить тенденции расширения кыпчакского койне как базы тюрко-татарского литературного языка Поволжья.

Анализ золотоордынских литературных текстов свидетельствует о непрерывности тюркской литературной традиции, о развитии нового регионального варианта литературного языка на основе кыпчакского койне.

NURIYEVA FANUZA SHAKUROVNA

ATTRIBUTION LANGUAGE OF WRITTEN RECORDS
OF THE GOLDEN HORDE PERIOD

Nuriyeva Fanuza Shakurovna is a philologist, Doctor of Philological Sciences, Head of the Tatar Language History and General Linguistics Department of the Tatar Philology and History faculty of Kazan Federal university, an honorary scholar of higher professional education of the Russian Federation, a member of the Russian committee of turkologists, chair of the section "Languages and literatures of the Russian Federation peoples" of the educational and methodical association, a member of the dissertation board on defence of DPh and Candidate's thesises according to 10.02.02 speciality – Languages of the RF peoples (Tatar language).

F.Sh. Nuriyeva is the author of about 100 scientific works including 12 monographs, brochures, text-books and educational supplies on the problems of the Tatar language history.

Sphere of scientific interests: history of Turkic literary languages and the language of Turkic-Tatar written records, language theory.

This monograph is devoted to the study of the initial stage of the Tatar literary language development, presented by the written monuments of the Golden Horde period. Scientific research consists of three chapters, conclusion and bibliography.

The first chapter describes the historical and cultural linguistic situation in the Golden Horde in the second half of the 13th - early 15th centuries. The theoretical problems of studying the Turkic languages are revealed here, a special attention is paid to the study of literary traditions, reflected in the written literary monuments of Turkic languages of different eras.

The second chapter is devoted to the characteristics of written records of the Golden Horde period, presented in written texts of

various genres: religious texts of the didactic content "al-Kysas al-anbiya" of Rabguzi, "al-Nahdzh Faradis" of Mahmoud al-Bulgari, "Dzhumdzhuma sultan" of Hussam Kyatiba, "Kisekbash Kitaby"; secular texts "Khosrow and Shirin" of Kutba, "Muhabbat - name" of Khwarizmi, "Gulistan bit - Turks" of Seyifa Sarai, the Arab-Kipchak glossary at the example of the "Codex Cumanicus»; works on Islamic jurisprudence" Irshad al-Muluk vassalatin".

The third chapter analyzes the language of each text in terms of norms and variability of phonetic and orthographic phenomena. In the analysis the author relies on qualifying types of characteristics. The method of foliation of records language into the basic and the peripheral elements, as well as analysis of the full sampling and statistical analysis can objectively reflect the peculiarities of language and identify trends in the expansion of Kipchak Koine as the base of the Turkic-Tatar literary language of the Volga region.

Analysis of the Golden literary texts show the continuity of the Turkic literary tradition, the development of a new regional version of the literary language based on the Kipchak Koine.

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»

Нуриева Ф.Ш.

**Атрибуция языка письменных
памятников золотоордынского периода**

**Ответственный редактор серии
Абдужаппаров Ы.**

**Корректор
Алиева К.**

**Технический редактор
Актореева А.**

**Художественный редактор
Амиржанова А.**

Формат 70x100 1/16 Бумага офсетная. Усл.печ.л. 12
Тираж 500. Заказ № 065

ISBN 978-601-7340-12-4

г. Астана, ул. Кокарал, 2
тел.: (7172) 527-411, 527-462, 527-489
e-mail: saryarka@rambler.ru